

М.И. Наумов

От границы -
до границы

(1941 - 1944 гг.)

КИЕВ

2017

Партизанская война на Украине

Наумов, М.И. От границы до границы /стенограмма 1946 г./.
Приложение: сб. док. /сост. Г.М. Наумова, А.В. Бибик/. Элек-
тронная версия. – Киев: 2017. – 197 с. – ил. 188.

Стенограмма беседы с командиром соединения украинских ка-
валерийских партизанских отрядов Героем Советского Союза
генерал-майором М.И. Наумовым. Беседу проводили: лектор ЦК
КП/б/У тов. Гук В.К. и мл. научный сотрудник комиссии по
истории Отечественной войны на Украине при АН УССР тов.
Новохацкий П.Е., г. Киев, 13 - 17 мая 1946 г. Стенографировали
тов. Ж.Б. Вилькова, В. Раскина, С.Д. Шац.

История без купюр и прикрас: пешком от западной границы по
оккупированной Украине до Брянской области. Партизанские
рейды по четырнадцати областям Украины. Текст стенограммы
дополнен комментариями и приложением: фотографии, схемы,
копии документов.

Наумов Михаил Иванович родился 3(16) октября 1908 г. в с. Большая
Соснова Пермской губернии. Герой Советского Союза (7.3.1943), один из
руководителей партизанского движения на Украине во время Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг., генерал-майор (9.04.1943). С 1930 в
войсках ОГПУ и НКВД. В 1938 окончил Высшую школу пограничных
войск, служил на западной границе СССР на командных должностях. С
января 1942 г. капитан М.И. Наумов участвовал в партизанской борьбе. С
октября 1942 г. был начальником штаба оперативной группы по руко-
водству партизанским движением в Сумской области. С 1 февраля 1943 г.
по 1 апреля 1944 г. командовал единственным в Украине кавалерийским
партизанским соединением, которое совершило три глубоких рейда в
Южную (до Одесской области), Правобережную, Западную Украину и
Польшу. Партизаны прошли с боями по тылам врага свыше 10 тыс. км и
провели 336 боев, нанеся противнику большие потери. В 1945 М. Наумов
окончил курсы при Военной академии Генштаба, работал на командных
должностях в органах и войсках МВД. С 1960 г. в запасе вооруженных сил.
Автор книг: «Хинельские походы», «Степной рейд», «Западный рейд».
Скончался 8 февраля 1974 г. Похоронен в г. Киев на Байковом кладбище.

*Командир соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов
Герой Советского Союза генерал-майор Наумов Михаил Иванович
(3 октября 1908 г. – 8 февраля 1974 г.)*

Родился я в 1908 году 3-го октября в селе Большая Соснова Молотовской области (Пермская губерния). Село Большая Соснова по старым энциклопедиям означено как большое торговое село, где несколько раз в году собирались крупные ярмарки. Торговля, в основном, происходила сырьем, и особенно льноволокном.

Село стоит на Большом Сибирском тракте, соединяющим Москву, Казань и Сибирь, стало быть, и Пермь, Екатеринбург. Этими двумя факторами и определялось культурное лицо этого населенного пункта. Хотя оно и до сих пор в 50 километрах от ближайшей железной дороги, но все-таки я считаю, что это был культурный районный центр (ранее был волостным).

По этому шоссе когда-то проходили бесконечные караваны подвод, почтовые тройки пушкинских времен и шли партии ссыльных. Мне помнится такой достопримечательный факт: в пересыльном пункте есть записи Достоевского, который проходил этапом через Большую Соснову.

Мой прадед был содержателем почтовой станции. Это был Иван Иванович Наумов. Он славился богатством по всему округу. Дед мой, его сын, стал пить и умер в нищете после большого пожара и от неразумной мачехи, которая вела расточительную жизнь. Мой отец [Иван Афанасьевич Наумов], единственный сын моего деда, восьми лет вынужден был пойти работником к попу. Впоследствии он работал у местного богатея в мастерской [сапожной] лет 15 или 20 – до Октябрьской революции.

С началом гражданской войны отец ушел служить в 30-ю стрелковую Каширинскую дивизию*. После возвращения с гражданской войны отец начал заниматься в сельском хозяйстве, до 1928 года. В 1928 году вступил в колхоз, где состоит и по настоящее время, работая бессменно с 1930 года председателем колхоза «Красный Урал», крупнейшего в районе.

Мать родилась в бедной крестьянской семье и с 10 лет, а может быть и раньше, пошла домашней работницей к купцу первой гильдии Лисину [возм. Лисицину] и до замужества находилась в услужении в качестве горничной.

После замужества мать, неграмотная крестьянка, работала на поденных работах и в своем хозяйстве по мере возможности. Родила, воспитала и вырастила восьмерых детей – четверых сыновей и четырех дочерей**. Старшим сыном являюсь я.

*Николай Дмитриевич Каширин (1888 - 1938). Родился в ст. Верхнеуральская Оренбургской губернии. Командарм 2-го ранга (1935 г.). С 1918 года – начальник 30-й стрелковой дивизии. Вёл бои на Восточном фронте против армий А.В. Колчака. 19 августа 1937 г. обвинен в участии в военно-фашистском заговоре в РККА. 14 июня 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно 1 сентября 1956 года.

**Анна Андреевна Наумова (в девичестве Сальникова), 1890 г.р. награждена орденом «Материнская слава» II степени.

Остальные сыновья*, гораздо моложе меня, пошли на фронты Отечественной войны и все погибли. Двое из них ушли по мобилизации ЦК комсомола в воздушно-десантные части, но были использованы как пехотинцы под Сталинградом. Старший [Александр] погиб под Черкассами еще в 1941 году. Все эти ребята были комсомольцами. Александр был довольно способным парнем. Он даже приписал к своим годам года два или три, чтобы занять пост редактора районной газеты. Он имел литературные наклонности.

Сестры [Екатерина, Мария, Клавдия, Валентина] почти все, за исключением Валентины, младшей, двадцатилетней, вышли замуж. Две живут в г. Кизел, а одна – в г. Молотов [Пермь]. Младшая, находится при родителях и служит где-то в районном центре.

Коль скоро мне было суждено родиться в этом, сначала в волостном, а в годы советской власти районном центре, я на пятнадцатом – шестнадцатом году своей жизни втянулся в общественную жизнь села. Началось это с пионерского отряда. В период 1923 - 1925 годов я был вожатым пионерского отряда. Потом, в 1925 году, я вступил в комсомол. Особенно большая работа проводилась по изучению и проработке тезисов и дискуссионных листов. В то время проводилась активная борьба с троцкистской оппозицией и другими. Это заставило меня политически расти.

Как-то скоро случилось, что я стал секретарем комсомольской организации своего села, членом Бюро юных пионеров, членом Бюро райкома комсомола. В 1927 году я вступил в кандидаты партии. Там же я выполнял и другую общественную работу: был членом сельского совета, членом народного суда, также я организовал кустарную артель – и это все, что я успел сделать в селе Большая Соснова до 1927 года.

Осенью 1926 года я твердо решил поступить в военную школу и начал готовиться с одним товарищем-комсомольцем. Готовились мы по текущей политике, общеобразовательным дисциплинам и физической подготовке. Мы знали, что курсантам предъявляют требования, прежде всего – физическое развитие и здоровье. Мы целый год посещали военный городок и упражнялись на брусьях, жердях и овладели этим в совершенстве.

Наконец, настал год испытаний. Испытания я выдержал и был зачислен в Ленинградскую кавалерийскую школу**. После испытаний нас отпустили по домам и сказали, что будет извещено о начале занятий. Но прошел месяц – извещения не было. Через месяц я поехал в Пермь, и там мне сказали, что все уже давно уехали, и разве я не получал извещения. Я, разочарованный этим обстоятельством, решил больше в село не возвращаться.

*Братья: Александр, 1915 г.р., Иван, 1920 г.р. и Николай, 1924 г.р. числятся пропавшими без вести на фронтах Великой Отечественной войны в 1942 году. Александр на Украине, а Иван и Николай в Сталинграде.

**До революции 1917 г. офицерская кавалерийская школа – военно-учебное заведение русской императорской армии. Располагалась в Санкт-Петербурге на Шпалерной улице, в Аракчеевских казармах. В этой школе учились: В. Андерс, Д.П. Багратион, А.А. Брусилов, С.М. Будённый, П.Н. Врангель, П.В. фон Глазенап, П.Н. Краснов, К.Г.Э. Маннергейм, А.А. Игнатъев, Г.К. Жуков и другие выдающиеся полководцы.

Меня интересовала жизнь рабочего, политическое окружение его. У нас же в селе этого ничего не было. Ну и родители связывали мою волю, прислушиваясь к соседям-кулакам, которые осуждали комсомольцев. Все-таки в селе нет такого, что нужно для культурного роста. Городская жизнь меня привлекала. Я решил остаться в городе и поехал в город Кизел – Уральскую кочегарку, или, как говорят, Уральский Донбасс.

В этом городе жили родные дяди [по матери], которые работали – двое в шахте кадровыми рабочими, а один был представителем интеллигенции. Он и предложил мне поступить для начала табельщиком или еще кем-то. Но я отказался от такой работы и поступил прямо на шахту.

Скоро освоил навыки и приобрел шахтерские ухватки. Меня сначала поставили на центральные плиты. На эти плиты по наклонным плоскостям вытягиваются лебедкой вагоны с углем из рабочих штреков. Я был старшим плитовщиком. В то время не было Стахановского движения, не было никакого соревнования, работали просто, и все. По норме, плита моя должна была дать 40 вагонеток угля, а я начал давать до 120. Конечно, никакого шума не было, мне просто насчитывали за каждую вагонетку к моей зарплате по 2-3 копейки. На этих плитах я держался недолго.

Вскоре я эту специальность освоил в совершенстве и перешел на другую работу – слесарем-трубопроводчиком. И эту работу я вскоре освоил. Моя работа в шахте продолжалась около года.

Наряду со своей производственной работой я сразу начал посещать вечернюю совпартшколу, и через месяц был выбран членом бюро Ленинского подрайкома комсомола. Здесь на меня возложили обязанность агитпропа. Коллектив мой насчитывал до 500 комсомольцев. Я учился, работал, участвовал в комсомольской жизни, проявив себя во всех областях общественной жизни.

После этого был направлен райкомом партии г. Кизел на областные курсы в г. Свердловск [Екатеринбург], где пробыл несколько месяцев. На курсах мы изучали текущую политику, политическую экономию, пятилетний план развития народного хозяйства Первой пятилетки и что-то еще из других социальных наук.

Я успешно выдержал зачетные испытания, и был рекомендован райкомом партии как штатный пропагандист. Видимо, у меня была изрядная политическая подготовка, поскольку я и дома, в Соснове, активно втянулся в эту работу. Короче говоря, уже в конце 1928 года я был зачислен райкомом партии как штатный пропагандист в Ленинском подрайкоме. Одновременно я был оставлен членом бюро райкома и его агитпропом.

Весной 1929 года Окружной комитет комсомола меня направил работать секретарем Майкорского райкома комсомола Верхне-Камского округа. Центром этого округа был город Соликамск. В то же время я был избран членом окружного комитета комсомола, а позднее, кажется, в октябре 1929 года, я был назначен в тот же райком партии агитпропом.

Началась коллективизация. Сюда были направлены основные усилия. Наш район был полупромышленный - полусельскохозяйственный. Начались хлебозаготовки, но особенно острая проблема была – это лесозаготовки.

Наш район был богат лесом, и потому все свободное население мобилизовалось на лесозаготовки. Но, надо сказать, что проводили их как-то неумело. Нужно было, чтобы население подписало контрактацию: что обязывались срубить столько-то древесины, а потом ее сплавить. И все это должно быть добровольно принято населением.

В хлебозаготовках и в коллективизации было много разных перегибов и недогибов. Многих ответственных работников судили. Но, во всяком случае, на всех этих участках я работал и справлялся с работой, и партийного взыскания не получил – ни за недогибы, ни за перегибы. Так продолжалось, по крайней мере, до осени 1930 года, до ухода в Армию.

В конце октября 1930 года я был вызван на партконференцию. В это время я проводил параллельно льноуборку и хлебозаготовку. Отсюда я был вызван прямо в райвоенкомат и мне сказали, что пора идти в армию. Одновременно меня назначили членом Призывной комиссии. Я должен был принять в армию свой район и вместе с ними уехать.

Люди были приняты. Я был назначен начальником команды и зачислен на службу в 23-й полк ОГПУ, который стоял в Шостке Сумской области*.

* * *

Так я перебрался на Украину.

Мы ехали специальным уральским эшелоном, 1 600 человек. На всех крупных станциях делали митинги. Мне помнится, что в Харькове был последний митинг этого эшелона, где я выступил. Эшелон начали делить на команды, которые были отправлены по своим маршрутам.

В Шостке я, как всякий молодой красноармеец, прошел первый период обучения в учебном дивизионе и был зачислен в Полковую школу, где через год примерно из меня сделали, по-теперешнему, сержанта. Как коммуниста, уже немолодого, меня назначили руководителем политических занятий с красноармейцами, а по должности я был помощником командира взвода.

Кроме того, меня избрали секретарем парторганизации дивизиона. Все эти три должности я исправно выполнял до июня месяца 1932 года, когда мне было предложено остаться в кадрах Армии.

Мне сказали, что меня аттестовали на инструктора политработы. Я ответил, что не имею вообще желаний оставаться в Армии, поскольку уже не состоялось мое нормальное обучение как офицера. После долгих разговоров и запугиваний, что сейчас есть директива ЦК Партии укреплять Армию, я согласился остаться в Армии как кадровый офицер.

Меня послали в среднюю командирскую школу. На инструктора политработы я не согласился вот почему: я видел трения между кадровыми офицерами и офицерами-выдвиженцами.

*171 полк войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности сформирован в 1932 г. в г. Шостка как 23 полк войск ОГПУ СССР. 26 июня 1941 года уже как 171 полк НКВД вошел в оперативное подчинение начальнику охраны тыла Юго-Западного фронта.

Поэтому я изъявил желание остаться в Армии наравне со всеми остальными. Меня направили в Гомельскую военно-химическую школу пограничных войск. Несмотря на то, что в химии я вообще мало смыслил, в этой химической школе я шел первым по учебе все время. Одновременно я был секретарем парторганизации учебного взвода школы, а также был избран членом партбюро этой же школы.

Окончил я школу в 1933 году первым и был выпущен по категории К-5, т.е. три квадрата, что соответствовало командиру роты. Таким образом, началась моя служба в кадрах Красной Армии. Должность командира-химика меня никак не устраивала, она была мне не по вкусу, но проработал я в этой должности год или два.

После окончания школы я женился в Шостке* и, как говорится, обрел вторую родину на Украине. Потом написал решительную просьбу перевести меня на командную работу. Начальник войск Округа удовлетворил мою просьбу и перевел меня на строевую.

* * *

В период с 1935 по конец 1937 года я учился в Москве в Высшей пограничной школе. После окончания школы был направлен в Киев, где служил в четвертом Украинском полку НКВД** в должности командира стрелковой роты, звание имел «лейтенант». Я прослужил около года в Киеве, и за эти восемь месяцев службы в Киеве получил 8 поощрений и денежных премий за хорошую работу. Роту я сделал снайперской.

Потом был переведен на границу в конце 1938 года, в Каменец-Подольский пограничный отряд*** на должность начальника штаба пограничной комендатуры. В связи с установлением новых государственных границ на Западе я в числе других офицеров убыл в 93-й погранотряд****, который выделился из Каменец-Подольского и стоял на участке в районе стыка трех государств: СССР, Чехословакии, Польши.

Это было в мае - октябре 1940 года. Там я тоже недолго прослужил и был направлен в Львовскую окружную школу в г. Львов на должность помощника начальника учебно-строевой части для подготовки младших командиров-пограничников.

*Михаил Наумов зарегистрировал брак с Надеждой Трофимовной Чернявской в ЗАГС города Шостка 9 ноября 1932 г. Надежда Трофимовна (1912-1997) взяла фамилию мужа.

**Полное название полка: 4-й Украинский Краснознаменный мотострелковый полк им. Ф.Э. Дзержинского. Дислокация - г. Киев.

***23-й Каменец-Подольский Краснознаменный пограничный отряд. 23 ПО охранял границу по р. Збруч и по р. Днестр. В сентябре 1939 года три комендатуры и часть командного состава во главе с начальником отряда ушли на формирование 97-го ПО (г. Черновцы).

****93-й Лисковский погранотряд входил в состав погранвойск Украинского округа. Город Лиско (Леско) 17 января 1940 года стал центром Лесковского района Дрогобычской области. В марте 1945 года город и район были возвращены в состав Польши.

После выпуска курса был откомандирован вместе с этими молодыми командирами в Учебный пограничный полк в городе Черновцы, где и командовал этим полком. Полк дислоцировался в дворце митрополита. Этот полк имел большие успехи в подготовке, и показатели были большие, что и было отмечено высшим командованием. Это был период с октября 1940 по февраль 1941 года.

По окончании работы в этом полку, с расформированием его и направлением выпускников на укрепление границы, я получил новое назначение - в 94-й погранотряд, штаб которого был в городе Сколе Дрогобычской области, на должность начальника 2-го отделения штаба этого полка. В этой должности меня и застала Отечественная война, непосредственно на государственной границе в Карпатах.

* * *

В первые дни войны на участке нашего погранотряда было спокойно, потому что большая часть погранотряда находилась на границе с Венгрией (как Вы знаете, Венгрия объявила нам войну позже)*. Предвиделось объявление войны со стороны Венгрии, и я получил распоряжение командовать подвижным отрядом по борьбе с вражескими десантниками. Но так как таковых опять-таки на нашем участке не было, наш отряд находился в состоянии боевой готовности и строил оборону.

Мадыары объявили нам войну и перешли в наступление, но шли очень неуверенно, боялись Красной Армии. После стычек в карпатских долинах и неудач - крупных потерях, понесенных их частями, они топтались на месте. Бои были у нас, в основном, вдоль железной дороги Стрый - Ужгород, станции Лавочное, где проходили две шоссейные дороги из Венгрии, в общем, в районе городов Стрый - Сколе. Это было примерно в последних числах июня 1941 г.

Дело не в активности мадыар, а в том, что решающие бои завязались на Львовском направлении. Когда немцы начали штурмовать Львов и нависла угроза падения Львова, наш участок оказался в полудуге окружения, и поэтому войска получили приказ отходить. В районе Сколе действовал 13-й стрелковый корпус [КОВО, 12 Армия, г. Стрый]. Приказом по этому корпусу я был назначен начальником арьергарда. Корпус должен был отходить на восток по старой государственной границе у реки Збруч**, там укрепиться и опираться на укрепленный район.

Мне как начальнику арьергарда был придан подвижной дивизион 75-го железнодорожного полка войск НКВД, а также бронепоезд и что-то еще такое. В этом составе я должен был обеспечить нормальный отход войск корпуса и, следовательно, продвигался пешим порядком со своими частями позади всех. Отходя, мы жгли все: склады, нефтебазы, эшелоны, уничтожали все ценное, что невозможно было эвакуировать.

**Венгрия объявила войну СССР 27 июня 1941 года.

**Река Збруч - приток Днестра. В 1921 - 1939 годах здесь проходила советско-польская граница.

Шли дни и ночи. Не помню, сколько прошло дней и ночей, потому что спать не приходилось - очень спешили. Все были страшно утомлены. Помню только одно: была беспощадная жара днем, а ночью - пронизывающий до костей карпатский холод. Бойцы были крайне утомлены в непривычных больших переходах. Припоминаются также бесконечные взрывы и пожары. Ночью можно было слышать и видеть до бескрайности огневые языки в воздухе. Это значило, что где-то что-то рвалось. Все это щемило душу - никогда нам в таких размерах не приходилось ничего уничтожать.

Я имел прямую задачу прикрывать отход корпуса, и как я пройду, за мной мост должен быть взорван. Везде все горело. Мы откатывались на восток. Потом, где-то в районе города Станислава*, шли мы через Стрый и взорвали стрыйские мосты, сняли свою оборону и пошли дальше.

Шли мы через Долину, Калуш. Через Калуш проходили днем. Подходили к Станиславу, и в районе Станислава железнодорожный мост оказался взорван, и мой бронепоезд не мог дальше следовать на восток. Я дал команду взорвать бронепоезд и спешиться. Это была моя первая жертва. Так пропал бронепоезд 75-го полка**.

Итак, на какой-то день этого бесконечного шествия мы приближались к городу Галич на Днестре. Еще далеко до подхода к этому городу, мы получили из штаба нашего 94-го погранотряда помощь, которая в действительности оказалась медвежьей услугой. Прибывали из головы колонны главных сил машины и забирали отставших и имевших потертости ног бойцов и командиров. И это продолжалось до тех пор, пока подходили к Галичу.

Я сделал вывод, что этого нельзя делать в походе на марше, так как каждый из забранных бойцов и командиров выполнял какую-то определенную должность, и когда начинался внезапный бой, не было ни тех людей, которым нужно было командовать боем, ни тех бойцов, которые были у пулеметов, и т.д. Мне приходилось в ходе боя назначать командиров, а командир этот тоже не знает своих бойцов, не знает, кому давать команду. Получалось так, что приходилось кричать: «Эй ты!» И никто не знал, к кому это относится. Все перемешалось.

В таком виде мы подходили к Галичу. Через реку Днестр в Галиче проходит большой железный шоссейный мост. Когда я проезжал на коне по этому мосту, один лейтенант-сапер предупредил меня: езда шагом, мост минирован.

Я проехал мост, спешился и стал через бинокль наблюдать шествие частей. Мой отряд [94-й погранотряд] весь прошел через мост и отправился на Чертков. В хвосте колонны появилась 5-я пограничная комендатура, человек 400, под командой коменданта участка капитана Терентьева***.

*Город Станислав в 1939 г. переименован в г. Ивано-Франковск.

**75-й полк выступил в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. и вместе с 94-м погранотрядом прикрывал отход корпуса по маршруту Балехов - Долина - Калуш. Без боев отошли до Калуша, где задача по прикрытию частей РККА с полка была снята.

***Терентьев Георгий Семенович, 1902 г.р. Уроженец с. Кормакчи, Казахстан, Сыр-Дарьинская (Южно-Казахстанская) обл. В войсках НКВД 94-й погранполк, капитан, комендант 5-й комендатуры. Пропал без вести в 1941 г. Не вышел из окружения в районе города Галич (ЦАМО ОБД «Мемориал»).

Я как начальник арьергарда обязан был содействовать их продвижению и обязан был пропустить их через мост. Лейтенант-подорывник подошел ко мне и заявил, что время вышло, в такое-то время ему приказано взорвать мост. Я сказал ему, что старшим здесь сейчас являюсь я, и поэтому, когда я скажу, тогда мост будет взорван. А сейчас мост взрывать нельзя, так как идут люди, и когда они пройдут, я разрешу взорвать мост. Так я взял на себя ответственность за взрыв моста – стратегического объекта.

Что же оказалось? Буквально через 10-20 минут после разговора в городе, в восточной части его, началась перестрелка. Я решил остаться на мосту, чтобы лейтенант не взорвал его. Я посылаю разведку в город, и мне докладывают, что в восточной части города немцы. Я послал повторно разведку, которая также донесла, что командир взвода убит, и в городе таки немцы. Прибежали несколько пограничников и рассказали, что их пытались захватить в плен, и что их шофер застрелил из пистолета двух немцев, и тут же был немцами убит, а они побежали назад. Они также рассказали, что на улицах города имеется несколько немецких броневиков.

Я посмотрел в бинокль и в правдивости сказанного убедился. Вскоре обнаружилось, что мы несем потери, а немцев одолеть не можем. Пушки у нас не было. Единственное средство в моем распоряжении было – поджечь город и выкурить эти броневики. Я сделал в это время вторую глупость, которая исходила от неумения еще воевать: я решил, что не имею права сжигать свой город. Другое дело если бы это был немецкий город, но как же я буду жечь свой?

Я пытался направить отходящее подразделение в обход города справа. Но на поле выкатились несколько немецких броневиков и остановились. Сбить их гранатами, бутылками с горючей смесью не представлялось возможным. Они стояли от нас далеко и начали сыпать таким огнем, который я видел впервые. Пули у них были все трассирующие, они строчили без передышки, буквально срезали ветви деревьев, косили траву. Подступить к ним, конечно, не было никакой возможности.

Я распорядился распечатать бронебойные патроны и из станковых пулеметов обстрелять эти броневики. Но нам не удалось зажечь ни одного броневика в течение всего боя, который продолжался до сумерек. Немцы засели на чердаках и вели снайперский огонь. В этом бою мы потеряли до 10 офицеров и 12 человек (красноармейцев), которые снайперским огнем были убиты наповал.

У нас было 19 станковых пулеметов, они были при этой [5-й] комендатуре. В ходе боя мне пришлось взять командование на себя, так как комендант участка не способен был привести в порядок своих бойцов. Я неоднократно посылал к нему людей с вопросом, как он думает действовать дальше и что думает предпринять, но он мне отвечал, что плана действия не имеет, и я принял командование на себя.

Таким образом, я уже взял на себя две ответственности: за мост и за этих людей - принял командование. Вначале я ожидал поддержки с востока, мол, услышат наш бой и пришлют подкрепление. И убедился тут же, что этого никто не намерен делать, и мне было понятно, что подкрепления ждать нечего.

Задача корпуса была – уйти, а моя задача – любой ценой дать им эту возможность. Подкрепление не прибыло. Немцы выслали самолеты, которые наблюдали и фотографировали нас, но мост не бомбили.

Немецкие броневики, как я установил в ходе боя, не обстреливали мост. Это, должно быть, было связано с тем, что немцы подумали также, что мост может быть минирован, а они хотели взять его целым. Я понял их намерения. Немцы напали на меня, а не на главные силы, чтобы разбить мою небольшую группу и захватить мост целым. Они решили заслать сюда шпионов и диверсантов, которые обрезали все проводки [к взрывателю].

Когда 5-я комендатура перешла мост, и я дал распоряжение взорвать его, даже не дожидаясь отхода людей от моста, что было очень рискованно, то мне доложили, что вся проводка нарушена кем-то. Нужно было очистить тыл и назначить кого-то начальником этого тыла. Это была третья моя ошибка. Немцы именно хотели захватить мост целым, и я решил во что бы то ни стало не отходить от моста до тех пор, пока он не будет взорван.

Я приказал восстановить проводку, на что понадобилось несколько часов, и проводка была восстановлена. Немцы не решались подойти к нам вплотную и не стали атаковать. Пограничники народ очень стойкий, хороший, и все мои команды выполнялись точно. Наступили сумерки, я начал оттягивать людей от моста к берегу, к обрыву. Оттянул людей метров на 500 от моста и приказал взорвать мост. Лейтенант взорвать мост отказался, сказал, что ранен. Дело в том, что наш соединительный провод был уже кем-то вырезан, и приходилось бы взрывать мост с расстояния метров 50. Мы направились к мосту.

Так как лейтенант был ранен, я забрал у него машинку и пополз под мост сам. Посылать кого-нибудь из бойцов было опасно и рискованно: вдруг его убьют, машинка там останется, и мы ничего не сделаем. Это и заставило меня самого, лично, ползти под огнем к этим проводам. Мне это удалось. Я долго полз, подключил подрывную машинку и сам взорвал мост*. Немцы от такой неожиданности прекратили стрельбу. Наступила полная тишина. На меня не упал ни один осколок. Это было примерно в первых числах июля месяца [2-го июля 1941 г.]. Мост взорван, и бой закончился.

Нашла туча, пошел проливной дождь, мы все пошли в камыши. Так мы оказались в окружении немецких войск. Через полчаса после этого с обеих сторон Днестра послышался многоголосый гул моторов – подошли танки, мотопехота, запылали костры, послышались незнакомые песни, и начали рыскать патрули, которые выискивали мою группу [и группу 5-й комендатуры Терентьева], которая состояла из четырехсот человек.

*Старый мост – архитектурный памятник города Галич, сооружен в 1910-1912 гг. Длина моста 312 м, его поддерживают четыре каменные опоры, расстояние между которыми 52, 63, 76 и 55 метров. После занятия Галича немцами мост был восстановлен. На его восстановление немцы согнали массу евреев из Галича и окрестных сел. Восстанавливали они мост без всяких технических средств. А при отступлении немцы мост взорвали. Был он восстановлен уже после окончания войны и прослужил еще 25 лет.

5-я комендатура, со слов командира, во время боя отходила своим направлением, в пути не задерживаясь. Она отходила в полном составе – 500 человек, ну, человек 100 могли уйти за город, на восток.

* * *

Мы остались на восточном берегу [Днестра]. Я хотел вывести людей на западный берег и уходить Карпатами. Я даже поднял во время боя людей. По моей команде все вместе поднялись и сотни людей побежали по мосту. Но вдруг снизу, из-под моста, поднялся крик – это кричали люди, которые лежали в боевой цепи. Я поднял руку, скомандовал: «Назад!», и народ – все до единого человека побежали назад. Но в конце боя путь на запад уже был отрезан.

Мы сгруппировались и пошли к леску через камыши, которые были и справа и слева в притоке Днестра [река Гнилая Липа]. Чувствовалось, что мы уже дня два-три ничего не ели, все были мокрые, так как сидели в болоте. Положение было невеселое, все приуныли.

Я созвал офицеров, которые там были, и приказал: разобрать и утопить станковые пулеметы, оставить только ручные пулеметы и каждого бойца вооружить, так как были и безоружные, в частности, шофера. Они оставили свои машины у моста, развернув их одна к другой так, чтобы не пропустить немецкие броневики.

[Я распорядился] взять по 200 штук патронов на каждого, привел бойцов в порядок, разбил их на группы. И тут начался военный совет. Комендант 5-й комендатуры был жив. Поскольку бой был окончен, он объявился и начал заявлять свои претензии. Пришлось поставить вопрос на обсуждение: что делать дальше. У кого-то нашелся кусок карты, и мы стали думать, как идти на восток.

Я сразу предложил такой вариант: этот приток Днестра переплыть сегодня же вечером и горами уходить далее, на восток. Капитан Терентьев со мной не согласился. Он был стар, лет под пятьдесят и, видимо, боялся воды. Все мы были мокрые, и мысль о том, что нужно опять лезть в холодную воду, пугала всех.

Терентьев предложил другой вариант: идти вверх по течению этого притока. Там есть деревня*, а если там окажется немецкая застава, он выделит человек 80 добровольцев, которые поклянутся, что прорвут этот проход, и мы пройдем по мосту. И если он взялся сделать прорыв, и люди к этому были готовы, мне пришлось с ним согласиться. У меня не было своих людей, которыми я мог бы распорядиться, саперы вообще где-то были в стороне. Таким образом, мне пришлось уступить Терентьеву.

Мы пошли. Вперед послали ударную группу, а остальные тихонько, на носочках, пробирались в течение половины ночи к этому населенному пункту, который находился на расстоянии трех километров.

*Возможно, речь шла о селе Большеовцы Галицкого района, вверх по течению реки Гнилая Липа.

Но разведка донесла, что деревня занята немцами, и у моста стоят 2 танка, которые охраняют переправу, освещая мост фарами. А сколько немцев в деревне, установить не удалось. Сразу, конечно, весь план развеялся в дым. Тогда было принято мое предложение: вернуться на прежнее место и форсировать реку вплавь. Мы возвращались на старое место до утра и начали форсировать реку. Сначала мы переправили раненых.

Я считал себя старшим начальником в данную минуту (и над комендантом), ведь я же начальник отделения штаба, и решил последним покинуть этот неприятельский берег. На берегу сидели опытные пловцы. И если кто-то будет тонуть, они окажут помощь. Через реку из красноармейских ремней был перетянут канат, укрепили его на берегах. Таким образом, переправа заняла не так много времени.

Зарумянился восток, и вместе с зарей упал такой туман над рекой, что ничего не было видно в нескольких метрах. Это позволило [отряду] уйти в горы, в леса от этой реки. Но туман не всем помог. Мне он явно навредил. Так как я последним покидал этот берег, я оказался один – все ушли вперед. Нашлись командиры подразделений, комендант участка, который увел свою комендатуру.

Мой конь был убит снайперской пулей во время боя днем, как и большая часть коней. Но несколько лошадей уцелели – те, которые стояли в ямах. Я остался один с конем. Лошади имеют такое свойство: если их две, то они будут идти тихо, а если одна, то она будет кричать, ржать, сколько есть мочи. Так получилось и с моим конем, который все время ржал, кричал.

Я решил искать следы ушедших вперед, но было темно, ничего нельзя было разглядеть. Начались густые росы. Я не помню, была ли роса, но следов так и не пришлось найти. Я взял наудачу восточное направление (при мне был компас). Сразу начались горы.

На своем коне я ехал быстро. Он был голоден, хватал все, что попадалось, да еще и кричал. Все это страшно раздражало меня. Я проехал километров 20 лесами и горами, расседлал его и говорю: «Гуляй!». Конь растерялся, походил вокруг меня, потом начал щипать траву. Так я его и покинул и пошел в ущелье. Хороший был строевой конь.

На второй или третий день я нагнал группу комендантских бойцов и пошел вместе с ними. Это была группа отставших. Потом мы нагнали еще группу. В этой группе оказался политрук Левандовский*, который стал комиссаром в подвижном отряде. Мы с ним приняли командование этой группой человек 60-70 пограничников и пошли далее на восток.

Шли мы день или два – не помню. Люди были крайне утомлены. Группа таяла не по дням, а по часам. Если объявлялся привал на 10-15 минут, то людей невозможно было поднять командой: «Встать, поднимайся!» Никто команду не принимал. Мне приходилось самому, лично, брать за шиворот, трясти, а он иногда вновь сваливался.

*Левандовский Николай Иванович, в 94-м погранотряде политрук 4-й комендатуры, зам. коменданта по политчасти. Точно судьба его неизвестна.

В конце концов, когда люди выбивались из сил, я заявлял: «Кто хочет жить - вперед!» Только так мы шли. Кормиться начали учиться. Когда мы шли с этой группой через деревни, то я просил у хозяев покормить двух-трех бойцов. Они молчаливо удовлетворяли наши запросы. Всегда мы имели кусок хлеба и стакан молока. Но не в каждом населенном пункте нас так встречали. Во многих населенных пунктах нас встречали огнем.

Там вышли из подполья вооруженные националистические дружины фашистского толка. В одном месте они нас даже встретили парадом, эти дружинники со своим желто-блакитным знаменем. Так как они никогда не видели нашу форму пограничников, нас приняли за немцев, выстроились парадом человек 15 или, может, больше. Едет начальник и докладывает, что они рады встретить немецкие вооруженные силы, и что они поймали 8 красноармейцев, присудили их к смертной казни и просят нашей санкции. Но мы расстреляли их, а наших красноармейцев выпустили.

Это было по пути из Монастыриска* на Бучач. Есть там какая-то станция, на которой я через бинокль обнаружил подозрительное оживление. Я остановил группу на привал и послал на эту станцию** разведку во главе с Левандовским. Но Левандовский ушел и больше не вернулся. Оказалось, что там были последние отходившие саперы на нескольких автомашинах, и Левандовский уехал вместе с ними, не дожидаясь нас, так как все равно всех бы нас на машины не посадили. Говорят, что его потом расстрелял военно-полевой суд. Не знаю за что, но это только говорят, а точно я не знаю. Таким образом, я остался опять один и без комиссара.

Мы продвигались до города Бучач с мелкими боями, с перестрелками, в основном, с националистами. Когда мы подходили к Бучачу, мы получили данные своей разведки, которая опросила местное население и получила данные, что там сотни националистов, которые имели до десятка станковых пулеметов, находятся в полной боевой готовности, и что они через этот город, конечно, никого не пропустят. Я начал обходить город Бучач и тут же увидел, что развернулась цепь бойцов. Я подумал, что это немцы. Мы дали сигнал, они нам ответили своим. Я вышел вперед и установил, что это наши части Красной Армии. Там оказался батальонный комиссар, который назвал себя начальником политотдела, кажется, 305-й дивизии***. Эта дивизия, кажется, дислоцировалась в городе Сколе.

*Монастыриска - город районного значения в Тернопольской области Украины. Ближайшая железнодорожная станция Бучач находится в 19 км от города.

**Очевидно, станции Озеряны-Пилатковцы Тернопольской области.

***305-й горно-стрелковый полк был в составе 44-й горно-стрелковой дивизии, которая с 22-го июня по 6-е августа 1941 г. участвовала в оборонительных боях в составе 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного, а затем Южного фронта. 22 июня 1941 г. 305 ГСП находился в г. Долина Станиславской обл. Командир полковник Легкодух Кузьма Степанович, 1902 г.р. В первых числах августа 1941 г. при переправе через р. Синюха в р-не с. Владимировка Кировоградской обл. получил ранение в руку и грудь, попал в плен. Из плена бежал. В мае 1943 г. стал командиром партизанского отряда в Лыснянском районе Черкасской обл. После освобождения района проходил проверку в спецлагере НКВД, направлен в 19-й отдельный штурмовой стрелковый батальон начальником артснабжения батальона, ст. лейтенант. Воевал до конца войны. Восстановлен в звании. Умер 31.12.1965 г. в Киеве.

Он мне также сказал, что твердо решил прорываться через город Бучач, чтобы я присоединился к ним, и мы пойдём в атаку через город. У них была автомашина, на которой стояла зенитка. Они поливали все время этот город огнём. По полю передвигались станковые пулеметы. Я решил присоединиться к ним. Мы пошли в атаку на г. Бучач. Первое прикрытие противника мы сбили, побили часть людей. На подступах к самому городу нас встретил их организованный огонь. Пришлось открыть огонь из своих пулеметов, и бой затянулся на несколько часов.

Был жаркий день. Националисты вызвали немцев на подкрепление. Мы увидели, как прибыло несколько автомашин с немцами [войска вермахта заняли Бучач 5-7 июля 1941 г.], они установили пушки, пулеметы и начали по нам бить. Мы находились на поле. Часть поля была голая, часть – пшеничные посевы. Немцы били из своих минометов, побили наш пулеметный взвод. Они нанесли нам крупные потери.

* * *

Я пришел в себя в канаве у дороги, лежал я один. Оказывается, меня контузило. Карабина моего не оказалось. Вероятно, кто-то решил, что я убит и взял мой карабин. Пистолет был на мне. Когда я пришел в сознание, я почувствовал, что во рту у меня все пересохло. Я сразу не мог сообразить, что это такое – один сапог был снят с меня, но лежал тут же. Я обулся и пошел искать свой карабин, но нигде его не нашел. Я посмотрел вокруг и увидел – лежат трупы наших бойцов.

Потом начались наши похождения. Прежде всего, надо было иметь в виду то обстоятельство, что мы все не владели украинским языком, что особенно важно на западе. Мы терпели большие лишения, нам приходилось обходить не только города, но и каждый населенный пункт. У меня был пистолет. Его всегда я держал в руке, в другой руке была граната на боевом взводе. У одного бойца был исправный карабин с запасом патронов, у другого – автоматическая винтовка, но она автоматически не работала, а могла стрелять только одиночными.

Так мы продвигались долгое время. Компаса у меня уже не было. Направление определяли по солнцу. Передвигаться приходилось только ночью, днем мы сидели в лесу или, если нет леса, в посевах подсолнуха, кукурузы, пшеницы.

Сидели без воды, без пищи. Питались мы зернами подсолнуха, чаще всего зеленого. Иногда нам удавалось достать кусок хлеба. Если мы видели где-нибудь хату, мы ждали до вечера. Подходили к этой хате, разведывали, что там делается, входили и наедались досыта, а также брали кусок хлеба на дорогу и продолжали свой путь.

Двигаться можно было все же сравнительно быстро, но у меня возник ревматизм: в пальцах рук, ног, даже в шейном позвоночнике. Болели все кости, особенно распухло колено правой ноги и никак не хотело сгибаться. Если был солнечный день, то я отогревал на солнце колено. Но бывали случаи, когда я каждую ночь переставлял обеими руками правую ногу со страшной болью.

И так проходили часы, пока я ее не разомну, и только тогда начинался более или менее нормальный шаг. Если даже не было дождя, то всегда была сильная роса. На всех дорогах были расставлены патрули, засады. В населенных пунктах собаки поднимали лай, их приходилось обходить. Очень плохо было то, что населенные пункты в Карпатах и Прикарпатье стоят на речках, вдоль рек. Когда вы идете к селу, то самые маленькие ручейки переходите через мостки, а когда обходишь села, то там моста нет. А если там став, пруд, то его надо обойти, и можно потерять всю ночь на обход одного населенного пункта.

И эти скитания по Галиции, пока мы не вышли к берегам Збруча, отняли много времени. Мы все время находились в опасности. В конце концов, к Збручу мы вышли. Это было летом (это был август месяц). Вышли мы к Збручу в районе Гуся[тина]*, на старую русскую границу. Там был укрепрайон. Нам сказали, что последние наши войска отошли отсюда давным-давно: не то две недели, не то раньше, и тут они не задерживались ни на минутку. Кроме того, в этом районе совершенно не было слышно никаких боев, ни бомбежек, ни раскатов орудий. Не было и похоже на фронт, крупных войск противника тут также никаких не было. Значит, фронт был далеко.

Перед нами стоял вопрос: что делать дальше, как идти. Горы кончились, леса кончились. Начинались украинские степи. Этот участок местности я знал отлично, будучи еще пограничником. Это были открытые места.

Всюду висели приказы немецких комендантов: с оружием в руках – расстрел на месте. Но что эти наши полторы винтовки! Возникал вопрос: что делать дальше, что делать с оружием. Ведь если мы появимся с винтовкой, немцы нас расстреляют из пулемета на расстоянии двух километров, а наша пуля даже не долетит до них. Мы встречали многих, видели, как они переодевались, бросали оружие.

Мы все еще не снимали своих форм. Мы считали, что это будет неправильно, что это будет трусость, и что нас за это потом осудят. А идти так тоже нельзя было. Нужно было маскироваться, а это значит – винтовки надо бросить. А кто дал право, где же присяга?

Но что же делать? Мысль о партизанской войне в то время иногда появлялась. Но как же партизанить, когда вас бьют только за то, что вы не умеете говорить по-украински, а население не поддерживает. Особенно в Галиции население относилось к нам явно враждебно.

Думалось так: партизанить можно начать, но нужно найти хороший район, где бы помогали люди, которые бы говорили и предупреждали об опасности. А здесь получалось наоборот: если спрашиваешь, есть ли в населенном пункте немцы, тебе отвечают, что немцев там нет, а когда заходишь в населенный пункт, как раз немцы там и находятся.

*Посёлок городского типа Гусятин Тернопольской обл. находится на правом берегу реки Збруч, на противоположном берегу – село Гусятин Чемеровецкого района Хмельницкой обл. В XIX веке Гусятин – город на территории Австро-Венгрии на границе с Россией.

* * *

Нужно бросить оружие, а это значит предательский акт*. Тогда у нас было предложение застрелиться, как делали в то время многие. Застрелиться! Но зачем же стреляться? Для того, чтобы в плен не сдаваться? Так ведь мы хотим выйти из окружения к своим войскам. Мы идем, ничего не жалея, а если застрелиться, то никто и не узнает: чего стрелялся, как и где погиб. Сознание подсказывало, что мы еще можем что-то сделать. Ведь мы только начали войну, и то неудачно, так как были еще неопытны.

Я был старшим начальником среди троих. В то время вспомнились и наставления бывалых солдат. Однажды вечером мы зашли в одну хату поесть. Там был старик, который хорошо говорил по-русски. Я у него спросил, откуда он знает русский язык. В ответ услышал, что он был у нас в России в плену, на Урале, в таком-то году.

Он нам сказал: «Я человек бывалый, но вы так гордо не идите: с винтовками и гранатами вы не пройдете. Я тоже был в плену, воевал на австрийской стороне против русских. Я убежал из плена и шел домой, к своим, не так. Поработаю в одном селе у одного дядьки, остановлюсь и поработаю в другом селе. И так переходил из села в село. А вы так гордо не пройдете».

Это, конечно, в известной мере повлияло на моих товарищей. Тоже мудрость, как говорится, стариковская. Мы ему сказали: он шел домой, к своим, а мы не собираемся идти домой, а идем к своим войскам и будем еще воевать. Но он нам на это ответил, что, мол, и деды ваши тут головы сложили, да и вам того не миновать.

В общем, всяких мудростей наговорил нам. Я должен был принять какое-то решение. Остальным было легче, я же был старшим. И я решение принял: винтовки разобрать и разбросать их по частям для того, чтобы замаскировать себя и продвигаться к фронту. Думалось так: винтовка все-таки дешевле стоит, чем жизнь человека. Винтовку можно взять у врага, у убитого – но жизнь... Это было еще не все. Что делать с документами? У нас были документы: у меня партбилет, у двух товарищей комсомольские билеты, красноармейские книжки [уточнение: красноармейские книжки были введены только в 1942 г.].

*16 августа 1941 года Сталин подписал приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий»: Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Приказ был посвящен трем генералам: командующему 28-й армией генерал-лейтенанту Качалову, командиру 13-го стрелкового корпуса генерал-майору Кириллову и командующему 12-й армией генерал-майору Понеделину. Они командовали соединениями, которые были разгромлены, и были объявлены дезертирами, хотя генерал-лейтенант В.Я. Качалов погиб 04.08.1941 г. при прорыве из окружения. Генерал-майор П.Г. Понеделин и генерал-майор Н.К. Кириллов попали в немецкий плен под Уманью в августе 1941 года, за несколько дней до выхода приказа. Жена и отец П.Г. Понеделина были арестованы. П.Г. Понеделин и Н.К. Кириллов после освобождения из плена и возвращения в Москву были арестованы и расстреляны. Все они были реабилитированы в 1953 и 1956 годах.

Куда их деть? Нести при себе? Хорошо, что я очнулся в этой канаве после контузии, и документы остались при мне. А если бы их у меня забрали, если бы забрали мой партбилет? Этим я бы дал возможность врагу воспользоваться моими документами. Во-вторых: зачем подвергать себя напрасным испытаниям и затруднять положение. Нужно как-нибудь выйти, можно наврать врагу кто мы есть. И мы решили: сказавши «А», должно сказать и «Б».

Документы нужно спрятать. Но ведь вдруг это место начнут копать и откапывают наши документы? И решить эти два сложных вопроса было очень трудно: то мы решали постреляться, то решили, что не надо этого делать. Так мы сидели над Збручем и думали (фамилия одного товарища была Баранников, а другого не помню). В конце концов, мы решили так: мы будем продолжать путь на восток к своим войскам, несмотря ни на какие трудности, но должны маскировать себя.

Документы необходимо уничтожить. Мы тут же вынули спички и начали их жечь. Мне припоминается, как горел мой партбилет. Горел он медленно, как будто пузырьки крови кипели, огонь жег руки. Так мы пожгли документы, решив не закапывать их, и продолжили свой путь, примерно ориентируясь на районные центры.

Нам удалось достать карту Украины, по которой мы наметили путь. Шли мы в обход каждого населенного пункта, каждой станции, железной дороги. Мы были родом то из Каменец-Подольского, то из Жмеринки, то из Белой Церкви. Когда мы подходили к Белой Церкви*, Киев был уже сдан [19 сентября 1941 г.]. Мы резко изменили свой путь и стали из Золотоноши. Так и продолжалось. Все-таки мы прошли недалеко. Шли день, два, три и как-то попались в лапы к полицаям.

Это было в селе Янивка Ново-Ушицкого района**. Нас было тогда только двое, третий товарищ отошел в сторону за хлебом и не вернулся. В окружении бывает часто так: как отошел, так уже и не вернешься – одних гонят в одну сторону, других в другую. Попались мы в лапы полицаяев так: после Галиции, по которой мы продвигались и питались кукурузными шишками [початками], зелеными подсолнухами, мы были ослаблены, у нас было расстройство желудков. Мы, видимо, заболели дизентерией, и нам пришлось остановиться в этом селе Янивка. Это было глухое село.

Мы зашли в крайнюю хату и попросили, чтобы нам разрешили поспать днем. Всегда мы были бдительны, спрашивали, есть ли в данном населенном пункте полиция. А здесь как-то не спросили. И как раз здесь, в этом глухом селе, оказался полицейский гарнизон из местного населения, человек 15. Тут же подошел в скором времени комендант (видно, кто-то донес) с полицаями, с винтовками и накрыли меня и моего товарища спящими. У меня в кармане был пистолет. А немецкий закон гласил: с оружием в руках – расстрел на месте. Но это были не немцы, а полиция.

*Немцы вошли в Белую Церковь 16 июля 1941 г.

**Янивка – село Ивановка Новоушицкого района Хмельницкой области.

Я им сказал, что я – командир Красной Армии (был я еще в форме), что иду из окружения к своим частям. Они нас потащили в комендатуру, и на площади мы начали с ними ссориться. Они хотели меня взять руками, но я не разрешил. На весь этот крик прибежали бабы, ребятишки – все люди села. Когда собрались люди, полицаев также собралось человек восемь. Я вижу: народ собрался вокруг и начал воздействовать на их психику.

Я громко начал говорить: я - командир Красной Армии, а вы – красноармейцы. Вы еще не сняли красноармейские обмотки*. Вы сняли только оружие и дезертировали, бросив все, и предали Родину. И если вы (я в это время показал в сторону полицаев), посмеете выстрелить в меня хоть один раз, то не останется в живых ни один ваш родственник, никто из родных, когда вернется Красная Армия.

Некоторые из них, вижу, стоят и растерянно смотрят. Я в это время - в сторону, через толпу, одним прыжком перепрыгнул через плетень – и бежать. Я знал, что если стрелять в движущуюся цель, то, не умея, никогда не попадешь в нее. Я на это и рассчитывал, благополучно перескочив через плетень. Но вдруг я услышал выстрел – пуля пролетела мимо. Вновь выстрел и вновь, но все мимо и мимо. Я продолжал бежать и упал в кукурузу. Я не учел, что был нездоров. Тут я почувствовал, что меня обливает холодный пот. Я немного полежал, и вся моя болезнь куда-то исчезла. Так как я сильно ослаб, не мог дальше бежать, полицаи меня догнали и забрали.

В тюрьме я просидел семь суток. Ребятишки приносили мне кушать, и здесь уж никаких болезней у меня не стало совершенно. Как я попался. Когда меня покинули силы, я увидел, что ко мне приближаются полицаи, сжимая кольцо вокруг меня. Может быть, я бы еще ушел, но до захода солнца оставалось еще часа полтора. Я посмотрел на свой пистолет. Ну, мог бы я убить нескольких полицаев на расстоянии 50 метров, а ведь они меня расстреляют за 200-300 метров. Невыгодно было принимать бой.

Мой товарищ испугался и не побежал со мной, а там рассказал, что у меня есть пистолет. Трудно сказать, что он думал: или хотел их запугать или еще что другое. Я еще раз посмотрел на пистолет и спрятал его в земле, так как не знал, что мой товарищ рассказал, что у меня был пистолет. Когда полицаи подошли ко мне, они сразу же спросили: где пистолет? Я сказал, что у меня никакого пистолета не было. Тогда они привели моего напарника, который подтвердил сказанное.

Комендант говорит: «Знаете что, мы Вам верим. Вы дайте нам только пистолет. У нас их [пистолетов] нет, а мы Вам дадим бумаги, и Вы пройдете до самой Шостки». Я думаю: черт его знает, может, действительно документ дадут. Да, товарищ проболтался, и я его обругал, как только мог.

*Борясь с «обувным» кризисом, в 1915 г. командование императорской армии предписало выдавать солдатам вместо сапог ботинки с матерчатыми обмотками. Ноги плотно обматывали длинным узким куском ткани от лодыжки до колена. Такую обувь к 1916 г. носили солдаты всех воюющих стран. В русской армии обычно использовались самые простые обмотки на завязках длиной 2,5 м и шириной 10 см. С 1942 г. красноармейцев обували в кирзовые сапоги.

Я пистолет не отдал своими руками, а показал, где он лежит. Полицаи обыскали все кругом и нашли. Тут нам сейчас же связали руки назад, и под конвоем семи полицаев нас направили в Новую Ушицу и посадили в камеру. Мы пытались решетку выломать, но она не поддавалась. Под окном бегали ребяташки, которые спрашивали:

- Дядя, а правда, что Вы - десантник?
- Правда, правда, - говорил я им.
- А где наши войска, мы и сами знаем.
- Откуда же вы знаете?
- А ведь мы пионеры.
- А коль вы пионеры, то принесите поесть.

И они сейчас же убежали и приносили: табак, спички, хлеб, пироги. Потом пришел один парнишка, побольше их, тоже пионер. Я ему сказал, мол, если ты пионер, то помоги нам бежать. «А вы будете бежать?» Я ему ответил: «Да, будем бежать». Я ждал несколько суток, но больше его не видел. Возможно, попался, возможно, трудно было найти инструмент, чтобы перепилить решетку.

Меня взяли на допрос: какой-то галичанин-фашист и бургомистр – тип купца первой гильдии времен Некрасова: борода черная, и оба чисто говорят по-русски. Этот бургомистр и говорит: ну вот, расскажите нам, с кем вы успели уже тут наладить связи, а также кто вы.

Я сказал им, что я – командир Красной Армии, точно назвал свою фамилию, имя, отчество. Думаю: если уж и петля на шею, то хоть будут знать, как погиб, где и за что. Также я им сказал, что люди со связями так глупо не попадают к вам, а я попался. Тут же последовал вопрос: «Так кто же Вы такой, за кого Вы выдаете себя?»

Я говорю, что иду к своим войскам и думаю еще воевать. Против вас лично никаких намерений не имел. Этот бородач говорит: «Да, да, дело тонкое, именно – тонкое дело. А не припомните ли, какую речь Вы произнесли в Янивке, когда вас арестовали?» И тут он мне вынимает бумагу, на которой была точно изложена моя речь. «Мы решили Вас отправить в Каменец-Подольский, к военно-полевому коменданту. Он там разберется». И нас под конвоем семи полицаев отправили в город Дунаевцы.

Полицаи посоветовались о чем-то в Дунаевцах и решили, что поедут дальше утром. Я усиленно обдумывал свое нелепое положение. Пока мы ехали до этих Дунаевцев, я решил обработать полицаев психологически. Я им солгал, что у меня родственники такие-то и такие, кто у меня был выслан до войны и за что, и все это можно проверить. «Теперь, - говорю, - хлопцы, мне бы выпить хотелось». Деньги у меня были. Я дал им рублей 200-300 в полном расчете на то, что они найдут самогонку, напьются, и мне будет легче удрать.

Нас посадили в помещение паспортного стола в районном отделе милиции. В комнате было одно окно с решеткой, двустворчатая дверь, замок внутренний. В этой же комнате было небольшое окошечко, где выдавали паспорта. Далее была приемная, за приемной - тамбур, и оттуда выход на улицу.

Когда нас вели в комнату, я заметил, что в приемной окно было без решетки. Часовой остался у подъезда. Нам принесли обед (я дал деньги, чтобы купили нам что-нибудь покушать). Мы принялись ломать решетку. Мы раздвигали, гнули прутья. Голова стала пролазить. А я слышал, что если голова пролазит, то, значит, можно пролезть и всему. У меня голова пролазила, а плечи не проходят. У товарища не пролазили ни плечи, ни голова.

Это был второй этаж, и прыгать было бы рискованно. Комната наша была с парадного на первом этаже, а со двора – на втором. Я начал искать другой способ, так как решетку вырвать было трудно. Я вспомнил, что окно в приемной без решетки. Я решил проникнуть в приемную, используя окошечко, через которое выдавали паспорта. Но через него не пролезешь, так как оно было небольшое, и мы решили через него попытаться открыть дверь. Открыли крючки, но, сколько ни старались, она только трещала, скрипела, но не поддавалась. Двери были прочные, дубовые. Времени до утра оставалось немного.

В это время в Каменец-Подольском шла расправа над евреями, там было расстреляно 13 000 евреев*. Мы были в курсе этих событий. Нам нужно было что-то придумать, чтобы уйти до утра.

Немного подумав, я подошел к двери и стал ее постепенно раскачивать. Дверь начала поддаваться. Потом что-то застучало. Дверь приоткрылась. Я смотрю – ложе винтовки. Потом дверь открылась – ворота на волю. Я вышел в приемную, смотрю на окно: обыкновенная рама, в саду никого не видно – путь свободен. Я решил: ударю сейчас плечом по стеклу и выскочим. С товарищем я договорился, что часового будем душить. Если мне придется его душить, то товарищ будет у него отбирать оружие, и наоборот. Мы будем драться не на жизнь, а на смерть.

Мы обсудили это положение и решили: давай-ка попробуем тамбурную дверь. К нашему удивлению она поддалась, потом открылась. Дальше была еще одна дверь. Я посмотрел в щелку. Вижу: часовой идет к соседнему подъезду: или прикурить он пошел, или смена давно не приходила – трудно сказать.

Ход открыт, мы спокойно выходим на улицу. В городе были солдаты-мадьяры, они распрягали коней. Мы решили идти посреди улицы. На мне была плащ-палатка. Мы пошли строевым шагом, стуча каблуками. Было темно, и узнать, кто идет было трудно. Я был без головного убора, оба мы были в военных формах, и мы решили, что солдаты примут нас за каких-нибудь офицеров или солдат, которые идут себе просто по улице.

Как назло, нигде не было переулка. Но вдруг я увидел желанный переулок, и сразу же мы свернули туда. Оттуда – через плетень перескочили в огород и вышли в поле. Так нам удалось уйти.

*г. Каменец-Подольский был оккупирован 11 июля 1941 года. 5 августа 1941 евреев переселили в гетто в Старом городе. 27 и 28 августа 1941 года были убиты около десяти тысяч каменец-подольских евреев. Почти 30 000 евреев стали жертвами нацистского геноцида в Каменец-Подольском (12 000 местных евреев и 18 000 евреев, депортированных из Венгрии, Чехословакии, Польши и Румынии).

Для того, чтобы противник нас не нагнал, мы пошли из огорода прямо по Каменец-Подольскому шоссе, потом по болоту, перешли вброд речку*. И так больше я почти нигде не попадался.

Это был, кажется, август 1941 года. Пройдя километров пятнадцать по шоссе на Каменец-Подольский, мы резко повернули на восток.

* * *

В течение нескольких суток мы пробирались каменистыми ярами, кустарниками, которых очень много в этом районе, не останавливаясь в населенных пунктах ни днем, ни ночью, т.к. следовало не только обойти Новоушицкий район, но и выйти как можно скорее из пределов Каменец-Подольской области. Все-таки я был фигурой - диверсант-парашютист, и естественно, я ожидал поисков после нашего громкого побега, а мы не хотели попадаться в руки начальника Каменец-Подольского гарнизона. Мы решили выйти как можно скорее в Винницкую область, в район Могилев-Подольского.

Район от Каменец-Подольского до Могилев-Подольского я знал отлично, потому что я до этого служил в Могилев-Подольском пограничном отряде, а в Каменец-Подольском я проводил курсы офицеров-одногодичников, и местность была мне знакома. Конечно, были сделаны некоторые выводы из того ротозейства, которое мы допустили, из той беспечности, и в дальнейшем уже пришлось продвигаться более осторожно.

Думать о скором переходе линии фронта не приходилось, потому что я еще находился фактически на Днестре, а фронт уже был за Днепром**, но еще держался Киев. Бои шли под Белой Церковью. Это было в начале или в конце августа - точно не скажу. Одно было ясно, что нужно было спешить на восток в слабой надежде, что Киев удержится. И когда приходилось спрашивать, где немцы, какой дорогой они идут, то не верилось, что немцы уже так далеко. И даже, не поверив кому-то, кто сказал, что немцы уже за Днепром, я этому человеку побил морду.

Я считал, что Днепр - это серьезный водный рубеж, который немцам форсировать нелегко, и он должен быть подготовлен к обороне и укреплен, и мне казалось невероятным, что немцы перешли Днепр.

Но когда в Каменец-Подольской области мы проходили по какому-то населенному пункту, нашли газету «Правда», где была подвальная статья под заголовком «Дубина народной войны». В этой статье давался исторический обзор народной войны у нас - в Советском Союзе и в России. Вспоминался 1812 год, героический образ Дениса Давыдова, гражданская война и действия партизанских отрядов на Украине, в Белоруссии, в Сибири и на Урале, а также выдержки из речи товарища Сталина от 3 июля 1941 года, где товарищ Сталин призывает народ в занятых немцами районах организовывать партизанские отряды.

*Речка Тернава, левый приток Днестра. Русло шириной до 10 м.

**20 августа 1941 г. советские войска начали отход за Днепр с плацдарма севернее и южнее Киева и у Черкасс. 1 сентября 1941 г. на южном крыле Юго-Западного фронта фашистские войска форсировали Днепр и захватили плацдарм в районе Кременчуга.

С партизанской войной я был знаком еще и раньше, знал из истории Отечественной войны 1812 года, из похода Наполеона. Читал много об этом и, будучи пограничником, имел возможность получить некоторые указания еще в мирное время. В случае внезапного нападения на наши границы со стороны сопредельного государства пограничный отряд неизбежно должен оказаться в окружении. В этом случае отряд должен переходить на партизанский образ действий. Для меня была ясна эта картина.

Но вся беда была в нашей бедности. Если бы были средства, это было бы законом для всех*, и я бы получил санкцию командования. Но у нас в [погранотряде] была только одна несчастная радиостанция, и то она не работала, радисты не умели ее наладить.

Так вот, эта подвальная статья дала мне возможность сориентироваться в обстановке. Я принял решение: в первую очередь попытаться выйти из окружения, перейти линию фронта. Если же этого я не достигну, то перейти на методы партизанской войны. Почему это последнее было во вторую очередь? Потому что я все еще не находил подходящего места.

Во-первых, в этих краях население предупреждало: не ходить лесами, что кто-то убил немца. Тут уже действовали единицы, но партизанского отряда не было. Я, проходя этими лесами, встречал людей. Идет какой-то дядька или молодой хлопец, интересуется: кто мы и откуда идем, говорили о партизанах, о которых я слышал. Но видно было, что люди не доверяют, не признаются, и ничего не расскажут.

Как-то в районе каневских лесов я встретил одного парня, который сказал: «Идите, хлопцы, в лес». Я спросил у него: кого и что мы найдем в лесу. А он только сказал: «Идите в лес». Мы тогда пошли в эти Каневские леса, но никого не нашли, а натолкнулись на карательный отряд, который стрелял во всех и шарил по опушкам леса. Во всяком случае, мысль о партизанской войне засела у меня прочно, и я решил, что я пойду в знакомые места, где у меня есть кое-кто из знакомых (я имел в виду Шостку) или еще дальше, в Брянские леса.

И так проходили дни, недели и целые месяцы, я все еще шел с утренней зари и до вечера, не останавливаясь, потому что останавливаться было опасно. Нужно было где-то питаться, где-то ночевать. Ночевать иногда приходилось в поле или в копнах сена, или в скирдах соломы. Но иногда, когда бывала плохая погода, то мы должны были где-то укрыться, а идти в населенные пункты – дело было опасное.

*В 1924–1936 гг. производилась широкомасштабная подготовка к партизанской войне. Этим занимались IV управление главного штаба РККА и IV отделы штабов военных округов. Командиры Красной Армии и пограничных войск, прошедшие специальную партизанскую подготовку, в случае необходимости могли организованно переходить к партизанским действиям. В 1935 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов утверждал, что мы не пустим врага за пределы нашей Родины. В результате репрессий 1937–1938 гг. подготовленные кадры были уничтожены. С началом войны подразделения пограничных и военных округов, очутившиеся в тылу противника, оказались неспособными перейти к партизанским действиям и выполнению специальных задач в интересах оборонительных операций Красной Армии. (Из книги: Боярский В.И. «Партизаны и армия: История упущенных возможностей». Мн. Харвест; М.: АСТ, 2001.

По приказу немецкого командования каждый, кто заходил в населенный пункт, должен был пройти регистрацию. И если человек был без документа, то староста его обязательно задержит и доставит в ближайшую комендатуру. Поэтому, когда намечался ночлег в населенном пункте, то я старался подходить к нему в сумерках, когда зайдет солнце. Причем, я спрашивал у стариков или у женщин, или у мальчиков, но не у молодых, где живет староста. Потому что, если молодой, то он или сбежал из армии и чувствует вину перед Красной Армией, если не больше, или он уже полицейский.

И если мне указывали на один конец населенного пункта, то мы шли как раз в противоположную сторону села. Затем обходили хаты и смотрели, кто есть в хате. И если там была старая бабка, то можно, значит, постучаться. Баба скажет: «Ми бідні, в нас немає хліба». Я отвечаю, что староста живет далеко, и что мы шли целый день и устали. И человек подумает: вот, мол, люди шли целый день... И, таким образом, давали приют. Так вы остаетесь ночевать, а ночью мало это беспокоит. А утром рано с восходом солнца встаешь – и снова в путь.

Путь был очень длинный, и если провести прямую линию от Днестра до Курска, то это очень большое расстояние. Но я не шел прямо, а районные центры нужно было обязательно обходить 15-20 км в сторону. В глухих населенных пунктах полиции не было, староста был более-менее либеральный человек и безразлично смотрел на это дело, и иногда даже оказывал помощь.

И поэтому, когда попадалась железнодорожная станция или большой населенный пункт, то нужно было делать большой крюк. Также, если попадался какой-нибудь большой мост, то нужно было тоже обязательно обходить, ибо мосты охранялись немцами. И такие вензеля я выписывал долгое время.

Так прошел август, сентябрь и половина октября. Конечно, приходилось иногда нечаянно наталкиваться на того, с кем избегал встречаться. В одном населенном пункте, около Смелы или Черкасс, зашли мы в одну хату, а там молодой хозяин еще не снял формы.

Мы говорим, что мы родом из Золотоноши и еще не успели дойти до дома, что осталось уже недалеко. А я в этой Золотоноше и не бывал никогда. А он спрашивает: а на какой Вы улице жили? Отвечаю – на Советской. А он спрашивает: а номер дома? Говорю: такой-то. Он спрашивает: а кто там жил? Называю какую-то украинскую фамилию. А он отвечает, что такой-то там никогда не жил, и прицепился к нам, и давай нас тащить в комендатуру местечка.

Мы затянули разговор до сумерек и потом согласились идти. Благо я оценил обстановку: за домом был большой яр, надо было пройти через мост, чтобы пройти к коменданту. Мы вышли из дому, я ему дал подзатыльник, и он свалился в яр. А мы удрали и переночевали в поле. Таких случаев было несколько, но ни разу мы не допускали, чтобы нас задержали. Как-то был такой случай [зимой, в Брянской области]. Мой товарищ неосторожно разболтался, нас забрали на сани и повезли. Мы столкнули с саней этого человека в снег, а сами на этой же лошади уехали.

Серьезной преградой для нас были реки. Более-менее крупная речка являлась уже серьезным препятствием, потому что мосты, как правило, охранялись. И нужно было или возвращаться или переплывать эти реки.

Хуже было в Галиции. Нам нельзя было уговорить какого-нибудь дядьку, чтобы перевез нас через реку, и нужно было там реки переплывать, и то только ночью, а вода там ночью холодная.

В одном месте, переплывая Днестр, я чуть не утонул. Вода в Днестре в Карпатах очень холодная, камни очень острые, режут ноги до крови, а организм истощен, ноги опухшие, отказываются служить, как куски дерева привязанные и тянут по течению. Когда мы раздевались, одежду складывали в плащ-палатку, которую я тщательно хранил. Я брал этот узел, бросал его впереди себя и плыл, подталкивая этот узел с вещами.

Нужно было очень хорошо уметь плавать, и это нас спасало. Мы переплыли таким образом Днестр, Збруч и много водоемов.

Потом был Днепр. Мы его преодолели в районе Черкасс. Но это было очень трудно. Хотели было попытаться вплавь, но было уже холодно, конец сентября месяца, и можно было просто замерзнуть и утонуть.

Долго я разузнавал, где можно переплыть Днепр, где можно пробраться. Я был с товарищем, Баранниковым. По Днепру курсировали все время патрульные немецкие катера, и все время летали патрульные самолеты*. К переправам подступаться было никак нельзя – там была серьезная охрана, проверяли документы. Нужно было переправляться на лодке. Для этого нужно было найти какого-нибудь дядьку и заплатить ему.

Мы в это время – это было в конце сентября или в начале октября – подошли к населенному пункту Топиловка** и несколько суток сидели на берегу Днепра в лозняке. Там было какое-то кустарное предприятие. Нас собралось тут человек 9-10, таких же, как мы, и всем нужно было перебраться на восточный берег Днепра. Это были русские ребята.

Был сильный ветер, на Днепре – большие волны. Вся беда была в том, что ни один перевозчик не соглашался везти в такую погоду. Через несколько дней погода немного утихла, и встал вопрос: чем платить за переправу. Собрали что у кого было. Кто отдал фуфайку, кто что-то другое.

Я отдал свою плащ-палатку. Ручные часы я променял еще в Киевской области на одежду. Я получил хорошую рубашку, хорошие брюки – хотел походить не на оборванца, а на местного парня. Сапоги у меня были хромовые, и я выдавал себя за кадрового служащего. Все время брился, на вид мне тогда можно было дать 23 года, не больше, а было мне уже почти 33.

* г. Черкассы был оккупирован немецкими войсками 22 августа 1941 года. Черкассы представляли собой важный опорный пункт и узел коммуникаций немецких войск (здесь находился один из четырех железнодорожных мостов через Днепр, имевший стратегическое значение). 14-го декабря 1943 года город был освобожден Советскими войсками. Изначально город находился вдоль берега реки Днепр. В настоящее время Черкассы расположены на правом берегу Кременчугского водохранилища.

**Топиловка – село в Чигиринском районе Черкасской области Украины на берегу Днепра примерно в 40 км от г. Черкассы.

Товарищ мой тоже переоделся и выдавал себя за механика. Очень часто мы пристраивались к какому-нибудь попутчику и так спокойно шли компанией и иногда проходили при помощи людей и мимо немцев. Люди очень хорошо к нам относились. Вспоминается мне, как проходили по степям украинским, а женщины и девушки работают на поле и со всех концов машут нам платками. Иногда – немцы близко, тут спешишь скорей пройти, а они: «А чи не бачили мого Романа?» и приносят и яблоки, и груши, и яйца и пр.

И чем дальше на восток, тем меньше было полиции, иногда и совсем ее не было. Опасные места остались позади. На западе власти немецкие уже успели создать полицию, а чем дальше на восток, чем дальше от немцев, тем меньше население от них терпело.

Я вспоминаю такой момент. Когда перешел границу Сумской и Курской области, там было русское село Неплюев с одной стороны, а с другой – украинское село. В украинском селе были и индюки, и гуси, и утки, и куры, а в русском селе ничего не было, все было ограблено. И люди, никого не стесняясь, ругали открыто немцев во всеуслышание. А в украинском селе можно было сказать что только шепотом. В Курской области мы уже прямо шли к старосте. Он тут же распределял, кому из людей что надо сделать – пустить переночевать, накормить. Так спокойно мы шли до Щигров*.

Таким образом, мы переправились через Днепр, и нас высадили в районе Еремеевки**. Это был большой населенный пункт. Мы отправились в поле ночевать. Там была бригада колхозников – молотили пшеницу. Тут уже появилось много листовок, которые сбрасывали наши самолеты. Бригада колхозников нас очень хорошо приняла. Они считали, что Красная Армия скоро вернется. Они дали нам направление, предупредили, какой дорогой ходят немцы.

Я стал пробираться в направлении на Конотоп. Тут, в районе Оржицы***, было очень опасное место. Тут попала в окружение целая армия, кажется, двадцать шестая. Тут, на берегах реки Сулы еще гремели орудийные выстрелы. В этом месте я встретился с одним парнем, командиром, который шел на Черниговщину. Мы шли с ним вместе две или три ночи. Шли мы вооруженные.

Я собирал какие-то винтовки, гранаты. Оружия тут было много, на каждом шагу. Тут, в районе Оржицы, мы шли с этим парнем, пока он не повернул на Черниговщину. Не доходя Конотопа, мы с ним расстались.

Я так понял, что этот парень имеет связь с Черниговом и решил партизанить, хотя он мне этого не говорил. Он и доверял мне, но не сказал этого и решил идти туда один, а я пошел на Конотоп с расчетом выйти к Шостке.

*Щигры – город в Курской области России.

**село Веремиевка Чернобаевского района Черкасской области.

***Оржица – пгт в Полтавской области. Здесь попала в окружение 26-я армия генерал-лейтенанта Костенко. Телеграмма от 23 сентября 1941 г. в 09 ч. 21 мин.: «Положение исключительно тяжелое. С наступлением темноты попытаюсь с остатками прорваться в направлении Оржица – Исковцы – Пески. Громадные обозы фронта и раненых вынуждены оставить в Оржица, вывезти которые не удалось. Костенко, Колесниченко.

Остальные парни, которые шли с нами, пошли кто куда, кто на Харьков и т.д. Таким образом, как я сказал, оружия тут было очень много. Мы могли идти по улицам населенного пункта и буквально переступить через винтовки, пулеметы... В одном населенном пункте, недалеко от Конотопа, я оставил письмо семье, на всякий случай, если погибну, где я писал, что я тут был, с просьбой переслать по адресу. Название этого населенного пункта я забыл. Я его знал, но теперь, после последней контузии, у меня оно как-то ушло из памяти.

* * *

Во второй половине октября я был уже под Шосткой. Последняя ночевка была в селе Андреевка. Помню, одна бабка тут очень интересно рассказывала о немцах. «Кажуть, що вони культурні люди – яка це вона, їх культура?». И рассказала, как один немец пришел к ней в дом и просил дать «яйки». А она делала вид, что не понимает, что это он говорит. Тогда он закудахтал, ногами стал загребать землю, а руками показывать, откуда яйца должны выпадать.

Меня интересовало, кто из моих родственников может быть там [в Шостке]. Становилось ясно, что до фронта далеко, сколько я ни иду. Я был секретарем партийной организации дивизиона, меня знали там тысячи людей, коммунисты. Моя семья, конечно, должна была эвакуироваться, так как семья Петренко была партийная - свояк был начальником цеха завода*.

Но нужно было попытаться найти партийное подполье. Я твердо уже решил идти партизанить. Дошел я до станции Терещенской, встретил одного старика и стал с ним разговаривать. Мы говорили с ним, что нужно идти партизанить. Он рассказал, что в 18-м году партизанил тут, в Брянских лесах, и это нужно сейчас начать. Это было уже отрадно - я открыто говорил с человеком. Я думал, что смогу создать партизанский отряд. Я слышал о них много. Все наше поколение было воспитано либо на гражданской войне, либо на истории партизанской войны, красногвардейцев и т.п. Для меня все это было очень интересно.

Я, как на Бога, смотрел, будучи комсомольцем, на человека, который носил орден Красного Знамени. Однажды я встретил человека, у которого было три ордена Красного Знамени, а я зазевался и не поздоровался с ним. А он был «под мухой» и начал кричать, что я вот зазнался и не хочу поздороваться. Я извинился и подумал: вот человек! Три ордена Красного Знамени имеет! Потом я с ним познакомился. Оказалось, что он партизанил еще с Чапаевым. Это все меня очень привлекало.

Таким образом, я прибыл в Шостку поздно вечером. Это было 20 октября 1941 года. Пришел в тот дом, где жили мои родственники. Перелез через забор, постучал в дверь.

*Капсюльный завод («Импульс»), основанный в 1848 г., предприятие по выпуску средств взрывания (капсюли, электродетонаторы, детонирующие шнуры и др.). В августе 1941 г. завод был эвакуирован в г. Нижний Ломов Пензенской области.

Спрашивает какой-то мужской голос: кто там? Удивляюсь – что это за мужской голос может быть, и я спросил: где свояк, Сергей Петренко? Мне ответили, что завод эвакуировался на восток, и семейства Петренко здесь нет, они все эвакуировались. Я тогда спрашиваю: а кто Вы? Отвечает: квартирант.

Зайти к кому-нибудь из соседей не хотелось, чтобы себя не обнаружить. До войны люди были одни, во время войны – другие. Знают, что я – командир, коммунист, пограничник. Но была одна семья, мы с ней были знакомы. Когда мы с Надеждой Трофимовной поженились, эта женщина, Петровна, была у нас на свадьбе. Ее муж, правда, в 1937 году был репрессирован. Правда и то, что он зря сидел, потом его выпустили. Я ее знал, и сын ее был тоже пограничник, офицер. Думал, что это хорошие люди, и не может быть, чтобы они меня плохо приняли. У них другой сын остался здесь, управлял электростанцией в Шостке, освещал город. У них в квартире был свет, уютно. Они меня сначала не узнали, а когда я назвался, то сразу меня признали.

Тогда я заинтересовался, кто же это в том доме находится, где жили мои родственники. Говорят, что там живет Оксана*. Оксана, старая дева, жила там с отцом и матерью. Она решила остаться, хранить дом. Я говорю, что нет – там был какой-то мужской голос. Сейчас же пошли за ней, Оксана пришла и говорит, что это она мужским голосом отвечала, потому что не поверила тому, что я ей говорил.

После ужина я пошел к Оксане и остался там. Оказалось, что на поселке еще не было полиции. Это был рабочий поселок, и там еще не было власти – ни военной, ни городской. К этому времени у меня очень распухли ноги, нужно было их лечить. Оксане удалось достать спирт на спиртзаводе, и она меняла его на хлеб. Я начал лечить ноги и так пробыл у них до 6 ноября 1941 года. Оправился, как следует.

Нужно было готовиться к зиме. Оксана мне пошила бурки**, достала галифе, кубанку, и я приобрел такой вид, что можно было существовать в зимних условиях, и можно было идти дальше. Оксана была кандидатом партии, так, по крайней мере, она говорила. Говорила, что партизанила, что ее обучали военному делу, и она назвала один шосткинский партизанский отряд при заводе.

Я ей говорю открыто, что она должна знать, где тут осталось партийное подполье, и чтобы она мне помогла, потому что я думал: найдутся люди, которые меня должны знать. И меня там знали, потому что, служа на границе, когда ездил в Москву, то всегда старался заехать в Шостку.

Стали мы искать подполье. Начали искать секретаря горкома партии – Тралова (он и сейчас там) и людей, которые могут с ним поддерживать связь. Нашли несколько человек.

*Ксения Иосифовна Петренко, сестра Сергея Иосифовича Петренко. Ксения поддерживала связь с шосткинским и ямпольским подпольем. Она помогла М.И. Наумову через подпольщицу г. Ямполь М.И. Дурман связаться с подпольным обкомом и партизанами Эсманского отряда Сумской области.

**Бурки – разновидность тёплых сапог, голенище изготовлено из тонкого войлока или фетра (как правило, белого цвета).

Недели две я ходил, доверялся им, рисковал. Я говорил им: вы имеете связь с Траловым, скажите ему, что я готов принять на себя командование партизанской борьбой и людей найду сколько хочешь. Остановка была только за оружием, и я прямо поставил вопрос. Они обещали, но видно было, что они как-то косились, и Тралов не принял меня. В течение двух недель я старался связаться с коммунистами, которые там еще оставались. Там были наши коммунисты, которые знали меня, и один из них мне даже сказал, что моя семья попала в эшелон, который разбомбили, и погибла.

Это был коммунист Пашин, и я с ним говорил открыто, потом начал их запугивать, мол, мужчин нашего возраста посылают в Германию. Тогда он говорит, что не первый раз выручали его Брянские леса. Хата его сгорела, а он решил пока что еще отдыхать. Затем был Альпашко, тоже коммунист, начальник цеха завода, потом он ушел добровольно в Германию.

Был у них радиоприемник, собирались по 10-15 человек слушать передачи. Но я видел, что они охотнее слушали антисоветскую пропаганду и одобряли ее, говоря, что у нас действительно непорядки в этом вопросе. Я начал с ними встречаться, кое с кем переговорил, что нужно или фронт переходить или партизанить, что нас немцы просто перевешают.

Там, за Днепром, уже вешали и вылавливали всех коммунистов. Сначала немцы требовали от коммунистов, чтобы они пришли в комендатуру и зарегистрировались, ставили в партийный билет штамп, но не трогали, чтобы выявить остальных. Затем, когда всех зарегистрировали, предупредили семьи, чтобы никуда не выезжали, иначе будут уничтожены. А потом взяли 800 человек и в одной могиле в Шостке похоронили живыми*.

Был еще один с этого поселка – Дикало. Чувствовалось, что его родители меня неохотно принимают, весьма сухо. Я ему говорю: «Ты был политрук, а я – командир Красной Армии, давай будем что-то делать». А он: «Для того, чтобы что-нибудь делать, нужен срок». А сам зарегистрировался уже у коменданта города. Короче говоря, в течение этих двух недель я не нашел сочувствия, не добился связи с подпольем. В конце концов, мы с Оксаной придумали: переделать ее профбилет на документ для меня. Толку из этого не получилось.

Я нашел другой выход. Был некто Грачев Михаил Ильич. Он тоже был у нас на свадьбе. Его сын служил в Красной Армии, и сейчас он там. А сам Грачев служил у бургомистра делопроизводителем. Оксана быстро с ним связалась. Он меня принял хорошо. Я был у него несколько раз. Он написал письмо своему сыну и еще какому-то родственнику в России на случай, если мне удастся перейти линию фронта. Фронт тогда был под Орлом и Курском, и я опять решил перейти.

*«В городе Шостка, в доме на углу улиц Советской и Карла Маркса обосновались комендатура и гестапо. Около техникума была вырыта большая яма, куда загоняли по пять-десять человек и расстреливали. Многих раненых закапывали живыми. В один из июльских дней 1942 г. в этой яме было расстреляно более 450 человек». [http://kpu-shostka.at.ua/news/Шостка в оккупации 1941 – 1943 гг.](http://kpu-shostka.at.ua/news/Шостка_в_оккупации_1941-1943_гг.)

* * *

Грачев выдал мне справку, что я бухгалтер шосткинского завода, уроженец города Орла и следую по причине закрытия завода на свое постоянное место жительства. С этим документом я 6 ноября [1941 г.] вышел из Шостки и пошел на восток, в направлении Орла. Баранников в это время находился в Орловке, ближайшем населенном пункте возле Ямполья, что-то в этом роде. Мы договорились, что он меня здесь будет ожидать. И мы пошли вместе дальше. Вечером 6 ноября я переночевали в поселке Свеса Ямпольского района у одного бухгалтера (там был рабочий поселок, лесоразработки). Я думал пойти к родственнику, но его не нашел и вернулся к бухгалтеру. Сказал, что я родственник Сергея Петренко и пришел устраиваться на работу, но уже поздно (как раз приехал карательный отряд) и ходить опасно. Он меня пустил. Я познакомился с семьей. Поговорили о том, о сем.

Рано утром я встал и говорю: «Поздравляю вас с праздником!» «С каким праздником?» - спрашивает. Я говорю: «Сегодня 7-е ноября*». Он отвечает: «Такое положение, что я все спутал и забыл. Подумайте - такой праздник и забыл!» Я ему и говорю, что я не пришел наниматься на работу, что я - командир Красной Армии, спасибо за прием, а я уйду дальше на восток. И пошел дальше. Так я двигался на восток.

В Хомутовском районе Курской области пройти уже было невозможно. Передвижение от одного населенного пункта до другого было запрещено. Приходилось пробираться ночами. Был снег, реки еще не закрылись, лед проламывался. Вокруг лежало много трупов. Я ходил-ходил и решил, что все-таки без карты, без компаса, не зная местности, не пройти. Что же делать? Надо, видимо, начинать партизаниить. Кое-кто говорил среди населения, что через село Неплюевка Хомутовского района Курской области дорога на Курск свободна.

Это мне сказал Коняев: они гнали скот для Красной Армии, а потом обратно шли. И надо туда идти. А документ у меня был на Орел. Тогда я принимаю решение: вернуться в Шостку и запасться документами на Курск.

Тут у меня уже появились друзья. Зашел я в одну хату погреться. Это было в поселке Касиловка. Смотрю: сидит сапожник и что-то ковыряет. Я смотрю на него, смотрю и вижу, что это не сапожник. Говорю ему: давай закурим. Я вынимаю табак, а он мне подает бумагу. Смотрю - из литературной хрестоматии. Написано о Чичикове, Манилове и тех прекрасных временах. Начали говорить об этом. Он подает реплику, а я ему отвечаю, что сапожнику об этом знать не положено. Он говорит, что он не сапожник, а слесарь с завода «Серп и молот», сам родом с Украины, родителей у него нет. Был мобилизован в Красную Армию, попал в окружение. А я говорю, что и слесарю с завода «Серп и молот» не положено знать это. Это положено знать человеку с высшим образованием. Кто Вы?

*Государственный праздник в СССР - День Великой Октябрьской социалистической революции, которая произошла 7 ноября (25 октября) 1917 г.

Он мне: на это я Вам отвечу вопросом, как один еврей ответил другому, когда тот его спросил, почему он не ест свинины. «А почему Вы едите?» А кто Вы? В конце концов, мы разговорились, и он сказал, что был начальником особого отдела кавалерийского полка 13-й Армии. Фамилия его Цымбалюк. Он был заместителем начальника отдела кадров Наркомата мясомолочной промышленности в мирное время, а в военное – начальником особого отдела. Мы раскрыли карты друг перед другом и условились, что нужно начинать действовать: или переходить фронт или идти партизанить. Так дальше оставаться нельзя.

Потом был еще один коммунист – Миронов и еще ряд ребят. Некоторые из них уже переженились - пошли в примачи и т. д. Оказалось у нас и оружие, нашли окоп [блиндаж] в одном лесочке, где можно было бы спрятаться. Это все было в районе поселка Касиловка*. Образовалась группа, наполовину вооруженная. Там были: я и Цымбалюк как инициаторы этого дела, Усачев, Миронов и другие. Все это было подготовлено на всякий случай, но боеприпасов было незначительное количество.

В это время началась тотальная чистка районов. Начали всех гнать к коменданту. Я договорился с Цымбалюком, что схожу в Шостку и попытаюсь выправить документ и для него, попытаемся пойти на Курск. Так я и сделал. Мне дали пару мешков муки, я нашел подводу и поехал в Шостку, к Оксане, на этот раз совершенно конспиративно. Ночью я оставил повозку в Ямполе, там был у меня знакомый, Захар Иванович Клименко. Он до войны был охранником Государственного банка. Он на всякий случай подготовил один пулемет и два ящика гранат.

Встретились мы с ним, разговорились. Он начал такую речь: все разъехались - и секретарь райкома, и начальник милиции. А кто же Родину будет защищать? А они уехали... Оказалось, что они не уехали, а ушли в партизаны, в Брянские леса. Пробыл я в Ямполе пару дней. Стал расспрашивать: как они бьют немцев. Отвечает: есть случаи, что бьют немцев и поодиночке.

Я пошел в Шостку. Была метель, ветер. Ехать было страшно, так как уже была образована полиция. Старый Н.А. Старик со своим зятем стали полицаями. Это были наши соседи по Шостке, он был еще белогвардейцем, петлюровцем. И я не могу ехать и решил идти.

Пришел поздно вечером. Прошел огородом и постучал к Оксане. Она открыла. Я сказал, что мне нужен документ на Курск, но чтобы на документе была печать бургомистра.

Начались переговоры с Грачевым. На следующий вечер я пошел к нему в дом, переговорил с ним, и он сказал, что попытается достать документы. Но прошел день, другой, третий... Грачев говорит, что ему бургомистр печать не доверяет, а он никак не может улучшить момент.

*Касилово (Касиловка) – бывший поселок Карачевского района Курской области. После войны не упоминается.

А мне тошно ждать. Вечерами еще ничего. Я спускаюсь с печи, на которой лежу целый день, и вступаю в дебаты с отцом и матерью Оксаны о судьбах нашей страны. Мать Оксаны начинает читать Евангелие и вычитывает, что придет такой-то Царь, Царь северный и победит. Так что все равно наши победят. У нее все сыновья были в Красной Армии, за исключением Сергея, который был инженером.

Потом в разговор вступает старик: как он был богат (а на самом деле он всю жизнь был полунищим). Он говорит: «Бачили, що в німців була група наших хлопців, і що там їх добре годують, наших руських» и т. д. Тогда в спор вступает Васильевна и говорит: «Нет, Михаил Иванович, наши придут». Так и проходили вечера. А день – придет какая-нибудь баба, станет у двери и начинает говорить: час, два, три, а я лежу на печи и не могу ни шелохнуться, ни покурить. Нужно спуститься – не могу.

Итак, в конце концов, Грачев заявил, что печать он не может достать, и что еще надо подождать. А ждать было опасно – могли меня обнаружить. Тот же сосед, Старик, мог услышать под хатой ночные наши разговоры. И уже была в Шостке полиция, и было опасно. Я взял справки без печати для себя и для Цымбалюка и пошел. В Орловом Яру меня задержала полиция: «Стой! Сюда!». Ведут меня к бургомистру Ямпольского района.

Парень моих лет, княжич. Подлец порядочный. Я к нему подошел, расшаркался, предъявил документ, наговорил ему комплиментов. Сказал, что я человек холостой, завод закрыли, в армию я тоже не пошел – не хочу воевать. Потом я предложил ему хороший табак. Курительная бумага у меня была еще царского времени, с орлами. Дал ему эту бумагу.

Он из мужиков, а я – бухгалтер, интеллигент. Ему было, как видно, лестно познакомиться с таким человеком. Одет я был очень хорошо, даже изысканно. Он начал меня расспрашивать (мужик он был неглупый). Стал расспрашивать о Шостке. Я ему все точно ответил. Спросил, на какой улице я проживал, кого я знал, какое положение с городом, с заводом. Я ему все точно расписал и рассказал все, что я слышал от этих баб, которые приходили и трещали. И у него никаких подозрений не возникло. Он распорядился меня отпустить. Мы распрощались, и я ушел.

Дошел до Цымбалюка, показал ему документы, можно было идти. Но Цымбалюк тогда не пошел, сослался на болезнь и сказал, что сможет идти дня через два. Действительно, он был простужен. Я говорю: больше я не могу ждать. И мы с Баранниковым решили идти на Курск. Мы направились на Щигры. Фронт стоял в Щиграх. Стоял жуткий мороз. Забежишь в населенный пункт погреться, а там [в хате] человек 6-8, сидят, греются. А населенный пункт большой, тянутся без конца, движение большое в обе стороны, как на Крещатике. Одни идут на восток, другие – обратно, невозможно продвинуться: бьют, стреляют без предупреждения.

Уже слышна была канада. Зайдешь в какую-нибудь хату, смотришь – немцы. Спросишь у хозяина: «Я зашел узнать: мы сегодня или завтра поедем за дровами?» Хозяин посмотрит, поймет и говорит: «Завтра». Иногда не пускали ночевать и не кормили: немцы приезжали и заббрали все: и овес, и жито, муку, свиней, коров. Народ голодный. Питаться нечем и холодно.

Фронт не двигался. Наступления не предполагалось ни с той, ни с другой стороны. В таких условиях я видел, что через фронт не пробраться, и повернул обратно, тем же самым путем – к дядьке Коняеву. Почему именно к нему – я ему доверял. Он говорил, что его сын в Красной Армии, командовал авиаполком. Я рассказал ему, какое положение, что я не смог пройти.

Он ответил, что я опоздал, что раньше можно было пройти. Он сказал, что вчера ночью тут прошли и партизаны, и танки, и конница, и огромный обоз. Я спросил, куда они пошли. Он ответил: думает, что в поселок Крупской Хомутовского района. В это время подходит один человек и говорит, что он видел партизан. Они его задержали, повели в штаб, выдали пропуск, и он с этим пропуском прошел.

Я спросил Коняева, далеко ли отсюда. Он говорит: километров 20-25. Я прошу: отвезите нас туда, потому что там, где партизаны, там может быть и карательный отряд. Один наш с Баранниковым товарищ возле Хинельских лесов был подстрелен. А мы возьмем пилу и будем пилить лес. Коняев говорит: «Хорошо. Ночуйте у нас, а утром мы поедем». Утром мы поехали. Доехали благополучно.

* * *

Там только что вышел из подполья Червоный отряд Сумской области*. Я им рассказал, кто я такой и попросил принять меня в отряд. Написал заявление. Это было в конце января 1942 года**. Меня сразу приняли. Говорят, раньше бы не приняли, а теперь приняли. Днем ранее туда прибыли сержант и красноармейцы.

Руководителем отряда был Анисименко, а секретарем подпольной организации – Куманек [Порфирий Фомич]. Он сразу заинтересовался. Мы побеседовали. Я изложил Куманьку свои соображения. Рассказал, что фронт в таком положении, что никаких операций не намечается, и никаких наступлений ни с одной, ни с другой стороны не будет.

Выдали мне винтовку. Без мушки. Мы поужинали и поехали на новое место – на Хинельский*** лесокомбинат. Тут уже было человек девять. Там затеяли операцию.

Вышел из подполья отряд Гнибеды****.

*«12 декабря [1941 г.] была установлена связь с Эсманским [Червоным] отрядом, базировавшимся в Барановских лесах. На связь прибыли Анисименко, Лукашев, Копа и Куманек. На встрече выяснилось, что Эсманский отряд находится на конспирации и ничем еще не занимался». (Из дневника С.А. Ковпака).

**Приказ № 36 от 28 января 1942 г. по Червоному партизанскому отряду, Хинель о зачислении в отряд М. Наумова, Н. Баранникова (партархив [ЦДАГО], ф. 73, ед. хр. 27, л. д. 39, 40).

***Село Хинель Севского района Брянской области.

****Гнибеда Сергей Михайлович, 1904 г.р. Хутор Михайловский Сумской обл. Командир партизанского отряда «За Родину». Погиб в бою в июне 1943 г. Есть памятник в поселке Ямполь Сумской области командиру отряда Гнибедке С.М., комиссару Красняку Д.Д., начальнику штаба Макаренко И.Г.

Гнибеда тоже появился только что и готовился разбить в районе полицейский гарнизон, в местечке Марчихина Буда. Гнибеда поехал на операцию. И с ним человек 15 из Червоного отряда. Боевая группа Червоного отряда была еще не организована. Я взялся ею руководить, начал инструктировать и повел. План операции разработал Гнибеда: мы идем в село. Если кого встретим, должны спрашивать: «Куда идешь». Ответ: «В лес». Если кто что-то другое ответит – стреляй. В селе была полиция во главе с Барабахом, из репрессированных ранее. Гнибеда решил его разоружить. Вот дошли до центра села, расставили пулеметы и попытались окружить здание школы, где была полиция.

Только мы начали окружать здание, Гнибеда бросил гранату. Полиция выскочила, началась перестрелка. Часть полицейских стали на нас наступать, а часть убежала. Вижу: кто-то идет ко мне. Я кричу: «Куда идешь?» Молчит. Я команду: «Бейте его!» Сделали 2-3 выстрела – он идет. Я выстрелил – он падает. Подбегаем к нему – ругается. Пристрелили его. Я снял с него полуавтомат, обрез, забрал документы. Оказалось, что это и есть начальник полиции, тот самый Барабах. Потом еще несколько человек мы окружили в хатах и частично истребили гарнизон полиции.

Это была моя первая партизанская операция, и началась деятельность в Сумской области в зоне Хинельских лесов. Только тут я вздохнул свободно. На моих плечах лежала тяжелая ноша – моральная ответственность. Я – командир Красной Армии, учился в Высшей пограничной школе, был в составе особой роты на всех торжествах. Мне доверяли, а я – столько месяцев прошло, а я не бил врага. И это была моя первая жертва, я почувствовал себя легко, и я наконец чист перед Родиной. Вот я убил врага, отнял у него оружие и с чувством морального удовлетворения возвратился с операции, а главное – я убил.

* * *

И меня назначают командиром группы. Группа была человек пять. Были там Василий Буянов* и еще ряд бойцов. Фамилии их без списка я не вспомню. Баранников тоже был со мной. Я его сделал своим ездовым.

Когда я вернулся с операции, мне поставили задачу: съездить в село Пустогород Червоненского района с группой 5 человек и привезти для отряда овес, достать коней, обеспечить и свою группу. Я немедленно выехал. К рассвету прибываем в это село, Пустогород. Там был большой зерносклад. Я мобилизовал подвод 50, поехал на конный двор. А там как раз старший полицейский из Глухова оказался. Я говорю: «Сдайте этого коня», а конюх покачал головой и говорит – это для полиции. В это время полицейский и вышел.

Я говорю: «Стой! Стреляйте по нему!» А он – удирать. Я говорю: дайте мне пулемет. Прицелился, выстрелил. Он стоит, не падает. Так, метрах в трехстах от меня. Выстрелил повыше – падает.

*Буянов Василий Васильевич – с 1942 г. в Эсманском партизанском отряде, позже – командир отряда в Вольнском партизанском соединении им. В.И. Ленина. Автор книги «Грозовые дни и ночи: о партизанах соединении им. Ленина», Киев. 1989.

Послал туда ребят. Пришли, докладывают, что нет, убежал. Я же видел сам, что он упал. Не может быть, чтобы два раза выстрелил и не попал. Иду сам. Смотрю – убит. Одна пуля в ногу, а вторая убила. Забираю у него винтовку и возвращаюсь. Забрал лошадей, овес, и подвод 50 колхозники пригнали, а потом поехали домой.

Это было в январе 1942 г.

После этих операций обо мне стали говорить, мол, замечательный парень, свой. Вызывают меня Куманек и Анисименко и ставят задачу: совершить важную операцию. Получили донесение, что на станции Эсмань (Глуховский район Сумской обл.) немцы сосредоточили большое количество хлеба, зерна, конопли и прочего.

* * *

Было 6 часов вечера, и нужно было действовать немедленно, так как по распоряжению немецкого коменданта было занаряжено две тысячи подвод, на которые должны были погрузить хлеб, который находился уже в мешках на станции Эсмань. Райком принял решение: уничтожить этот склад с хлебом. И если этой ночью мы не сможем уничтожить склад, то на утро уже будет поздно. Нужно приложить все усилия, а склад уничтожить.

Куманек сказал: мы даем усиление к Вашей группе: человек 20 и два пулемета. Склад охранялся полицейским гарнизоном человек 50. Нужно было разогнать этот гарнизон и склад с хлебом уничтожить. Расстояние до станции Эсмань было не менее 50 км. На пути стояли в Княжичах и Пустогороде полицейские гарнизоны.

Нужно было проникнуть за одну ночь на ст. Эсмань, разбить гарнизон и уничтожить склад. Операция была очень трудная и ответственная. Я попросил карту, чтобы хорошо сориентироваться. Мне ее достали. Я сказал, что эту операцию я выполню. Они были очень рады.

В 7 часов вечера мы с Хинельского лесокombината помчались на станцию Эсмань. Со мной было нас 27 человек. Пустогород объехали полем. По пути мы достали пару хороших жеребцов. Достигли благополучно Муравейни, затем нужно было обойти еще ряд поселков. Шляхом нельзя было ехать, так как там стояли полицейские гарнизоны, и нужно было ехать по полям. Там лежал метровый снег, кругом были яры.

Ехать было очень трудно, мы пробирались всю ночь. Прибыли мы туда приблизительно часов в 6 утра. Кони совершенно выбились из сил. Я половину пути приказал идти пешком, за мной вслед. Я построил группу и всю ночь шли, пробивая путь, а по этому пути шли кони. Нужно было экономить силы лошадей. Я рассчитал, что прибудем на станцию к утру, потом нужно будет быстро уходить, и нас должны спасать кони. Зато наши собственные полушубки совсем промокли, и когда мы вернулись через сутки, то у всех тулупы были промоклие и стояли колом.

Наконец, мы вышли к станции. Коней оставили в поле и неслышно подошли к гарнизону, без шума сняли часовых, разоружили их и заставили провести к караульному помещению. Никому не дали подняться с места, сказав: «Руки вгору!»

Захватили их пулеметы, погрузили на две подводы оружие и всех их (их было несколько десятков, человек 30 или 50) и приступили к сожжению складов. Я расставил вокруг складов пулеметы. У нас был с собой керосин, но ребята наши неумело облили склады керосином. Подождали. Керосин сгорел, и все погасло. А уже начинался рассвет. Я думаю: что делать? Ведь может прийти из Глухова подкрепление. И мы решили изобретать. Распорядились, чтобы полицаи натащили всякие палки, щиты. Распорядились выломать двери. В одном углу было много конопляного семени, и мы подожгли склад изнутри. Получился приток воздуха – а конопляное семя горит, как порох. И весь склад быстро запылал.

Жители поселка тоже приносили сено, солому и развели большой костер. Зерно было рассчитано на 2 000 подвод, по 30-40 пудов на каждую подводу – вот и получается сумма. Запылало по-настоящему. Зарево было видно на много десятков километров. На это зарево выехал эскадрон казаков.

Они ехали одной дорогой, а мы – своей собственной, которую пробились ночью. Уехали, и часам к шести вечера прибыли на лесокombинат. Склады были уничтожены. На обратном пути мы заехали в поселок, где были мои товарищи – Усачев, Миронов, Цымбалюк. Я дал команду, и они собрались и поступили в мою группу. У нас были уже винтовки, и мы пригласили и тех парней, которые находились в этом поселке в примаках*, зятях. И сразу моя группа на 5 человек выросла – сколько, точно не скажу, но уже было у меня 3 взвода.

Полицаев мы тоже привезли с собой на Хинельский лесокombинат. Часть из них зачислили в партизаны, часть отпустили домой. Был кладовщик этого склада – Вертюченко Федор, за ним бежал его сын 15-ти лет и плакал. Я остановил подводу. Мальчик объяснил, что хочет в партизаны, и я его взял. Этот парень ходил со мной три года и после погиб под Львовом**. Таким образом, из этой операции я привез и людей, и оружие, и коней.

Сформировал свою группу в составе 3-х взводов. Потом я нашел немецкую пушку противотанковую и восстановил ее. Я встретился с одним орловским или курским партизаном, у него были снаряды к этой пушке. Мы ему отдали эту пушку, он нам дал русскую пушку. Таким образом, у меня уже была пушка, оружие. Эта, третья операция, прогремела. Это зарево, пожар, тот факт, что мы разоружили гарнизон – все это подняло дух населения.

И в Ямпольском, и в Хомутовском, и в Червоном районе начали развертываться партизанские отряды. Начал расти Севский отряд и еще целый ряд. Я совершил еще ряд успешных операций.

*Примака - зять, принятый в дом тестем.

**Вертюченко Василий Федорович, 1926 г.р. Родился в с. Яневка (Первомайское, Червоное) Глуховского района Сумской области. В партизанах Червоного отряда, в группе М. Наумова, с февраля 1942 г. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г., в отряде им. Н.С. Хрущева, разведчик, участник всех трех рейдов. 2 апреля 1944 г. в Львовской области ушел в разведку и не вернулся (убит бандеровцами). Есть индивидуальная мемориальная могила Васи Вертюченко в с. Первомайское Глуховского района Сумской области.

Особенно крупной операцией был захват хутора Михайловского*. Это было в первых числах февраля или, может, в первых числах марта. Под влиянием активных действий наш Червоный отряд сразу стал расти. Я командовал группой, причем, это была первая группа, которая отличалась дерзостью. Это был боевой отряд. Остальные группы, малочисленные, обычно оставались на охране штаба.

Образовались отряды в Курской области, Сумской области и в Севском районе. В связи с тем, что в зоне Хинельского лесокombината появилось много партизанских отрядов, противник начал сосредотачивать войска в этом районе. Возникла необходимость организовать действия партизанских отрядов, создать соответствующее командование. Был избран военный совет. Это было в первой половине февраля.

Инициатива в этом вопросе принадлежала Куманьку и мне. Куманек стал председателем Военного совета. И был организован боевой штаб руководства этим объединенным партизанским отрядом. Это объединение мы назвали «Объединенный штаб партизанских отрядов зоны Хинельских лесов». Командиром был избран Гудзенко. Его отряд имени Ворошилова состоял из военнослужащих. А начальником штаба этого объединения был избран я. Но поскольку я имел свою группу, хорошо сколоченную и боевую, я не согласился оставить свою группу и решил исполнять обязанности начальника объединенного штаба и вместе с тем был командиром своей группы. Боевой штаб руководил разведкой в зоне Хинельских лесов, планировал операции. У меня были непосредственные связные от каждого отряда, которые возили указания или донесения. Этот штаб работал в феврале и в марте месяце. Некоторые документы можно найти в архивах Колшака (С.А. Ковпак). У меня не осталось документов, а у Куманька они где-то были закопаны и пропали.

* * *

К концу февраля создалась такая ситуация, что немцы предприняли карательный поход. Мы держали территорию от Севска до Ямполья, и от Середина Буда до Глухова. Территория была в 70 км. Мы расчистили от противника все эти места, и в конце февраля мы с капитаном Гудзенко снова провели операцию на хуторе Михайловском. Мы разбили гарнизон немцев, захватили много пулеметов, оружия и т.д. (эти материалы можно найти в архивах Червоного отряда). Забрали мы большой склад с продовольствием, крупой, мукой, раздали все это населению. Это был большой город, это был железнодорожный узел. Мы просто партизанили, мы же не думали писать историю и не собирались при этом долго жить.

*Приказ № 58 от 22 февраля 1942 г., Хинель. Группа под командованием командира группы капитана тов. Наумова совершила налет на Хутор Михайловский, убито 20 гитлеровцев, трофеи: 4 миномета, 4 ст. пулемета, 1 РП, 80 винтовок, уничтожена 1 пушка, 2 автомашины, 2 вагона автопокрышек. /Украинский филиал ИМЛ, позже ЦДАГО, партархив, фонд 73, хр.27, лист дела 57/.

Таким образом, мы забрали много хлеба, сахара, муки и т.д. Население охотно шло, оно голодало и никак не снабжалось при немцах. Во время операции в Хомутовском районе погиб Цымбалюк в населенном пункте Сальное. Он был командиром 2-й группы Червоного отряда, у него была рота. Похоронен он был на территории винного завода в Хинельском районе.

В этом районе Глуховский отряд потерпел серьезное поражение. Немцы прислали карательный отряд до 100 человек эсесовцев-финнов, одну или две мадьярские дивизии, и они начали нас со всех сторон постепенно теснить к Хинельским лесам. На севере вел бой Орловский партизанский отряд, на юге – Сумской партизанский отряд, на востоке – Курский, на западе – Ямпольский отряд. Бои за населенные пункты продолжались 2-3 недели, они начали подходить к Хинели.

Надо сказать, что в это время мы имели много боеприпасов. В Хинельских лесах под снегом осталось огромное количество боеприпасов, было много снарядов. В село Лемешовка в течение двух недель крестьяне свозили нам снаряды к противотанковым пушкам.

С Ковпаком мы некоторое время связи не имели, но потом, когда начали наступать венгерские дивизии и Ковпака тоже стали теснить, он вошел в контакт с нашим штабом и был на нашем совещании. А когда появился Покровский* из Курской области, у нас уже насчитывалось до трех тысяч человек. Сюда входили: Червоненский партизанский отряд [Л.Я. Иванова], Ямпольский Гнибеды, Севский партизанский отряд.

Командиром Севского отряда в то время был капитан Гудзенко**. Отряд состоял исключительно из военнотружущих-украинцев, которые попали в окружение. Затем отряд Покровского и Ковпак со своим отрядом. Бои на подступах к Хинельским лесам разгорелись жестокие. Боеприпасов было много, но к концу марта боеприпасы начали истощаться. Тогда у отдельных командиров начали появляться настроения, чтобы временно отойти в зону Брянских лесов, пополнить боеприпасы.

У нас был госпиталь. Я издал приказ об организации гарнизонного госпиталя. Туда были назначены врачи, медперсонал, были приказом выделены койки, подушки, простыни, одеяла. Я накладывал разверстку – кому выделить и сколько, и был приказ – снабжать госпиталь продовольствием. Потом госпиталь разбомбили самолеты, но всех раненых, которые остались живы, мы вывезли в леса.

23 февраля, в день Красной Армии, собрали военный совет и штаб и начали выступать. Выступил Покровский и стал говорить, что нужно идти в Брянские леса. Затем за ним выступили еще два-три человека.

*Покровский Николай Прокофьевич (1909-1976). Родом из с. Сорогожское Весьегонского уезда Тверской губернии. В РККА начальник штаба стрелкового полка. Попав в окружение, организовал партизанский отряд, а затем партизанскую бригаду «Беларусь», действовавший на территории Минской области. После войны жил в городе Минске. полковник, Герой Советского Союза.

**Гудзенко Илларион Антонович (1909-1943). Родом из с. Саварка Богуславского района Киевской области, начальник штаба 25-го минометного стрелкового полка. В партизанах с 1941 г., капитан. В 1943 г. - подполковник, погиб 17 июня 1943 г.

Потом выступил Куманек и давай Покровского склонять налево и направо: что мы не должны оставлять население, что мы обязаны драться в своих районах, не пропускать врага и т.д. Прений было очень много и в заключение он говорит: «Я предлагаю, товарищи, никуда отсюда не отходить». В это время раздается оглушительный взрыв – налетело три «Юнкерса», и все совещание стало удирать в лес. Это было днем.

Начало смеркаться, и Куманек говорит: «Да, это уже другое дело, если уже применяются воздушные силы, а у нас нет зенитных средств...» Я тоже был склонен пойти в Брянские леса. Решили созвать совещание. Я разослал своих гонцов с приказом: в 20.00 прибыть на совещание. Собрались все. Решили маневрировать в зону Брянских лесов и стали разрабатывать детальный план.

Мы разработали маршруты. Один был – восточнее Середина Буда, а другой – западнее. Причем, было намечено, что Ковпак и Покровский должны были отойти западнее, а все остальные отряды – восточнее.

Первый отходит на Суземку, другой маршрут – западнее. Было решено, что более мощные отряды присоединятся к отряду Ковпака или Гудзенко, и они должны были вести бои за Хинель в течение суток, т.е. отойти на сутки позднее. На совещании все согласились с этим планом, и Ковпак и другие, и уже 21 или 23 февраля начался отход. Таким образом, мы в 24 часа построились для отхода. Погрузили раненых, собрали артиллерию, собрали продовольствие, фураж, и начали отход ночью.

Мы вышли хорошо, организованно, прошли благополучно и вышли в район Суземки в Брянских лесах. Затем, через пару дней, произошел благополучно отход отряда Ковпака. Меня послали встречать отряд Ковпака. У меня было уже две пушки. Я был окружен, но благополучно прорвался. У меня были снаряды, огромное количество (штук 700), и пушки меня спасли. Бой был крупный, много было раненых и убитых. У меня в группе было тогда человек 160. Моя группа тоже была целиком из военнослужащих.

* * *

Пару слов о Сабурове. Впервые мы познакомились в Хинельском лескомбинате. Он услышал, что к югу от него появились какие-то партизаны. Это было в феврале 1942 г., он приехал тогда к нашей группе отрядов. До этого времени мы о нем не слыхали, не знали, и он с нами не был связан. Он прибыл из Брянских лесов, стоял он в районе Стеклойной Гуты*, в районе Чернь – Требушка.

Мы знали, что у него имеется радиостанция, и он держит связь с «Большой Землей». У него было 26 партизанских отрядов. Оказалось, что фактически был только один крупный отряд, а остальные были отряды самообороны. Этот один отряд был человек в 130, все военнослужащие, хорошо вооруженные, имели пулеметы.

*Стеклойная Гута; с первой половины XIX века – Радицкая Гута Брянского уезда. В настоящее время - Стеклойная Радица.

Создавалось впечатление, что в Брянских лесах есть крупные вооруженные силы. Вот тогда-то у нас и пошли разговоры, чтобы отманеврировать в Брянские леса, к Сабурову. Прибываем в Брянские леса. Мы нашли, что там в населенных пунктах немцев не было. Даже на опушках Брянских лесов не было. Территория была нейтральная. Мы выбрали себе целый ряд населенных пунктов, распределили между собой и стали. Это было в конце марта или в начале апреля [1942 г.]. Мы стали в селе Герасимовка, отряд Гудзенко был в районе... (не помню названия этого населенного пункта). На этом функция объединенного штаба отрядов закончилась.

Запасов было мало, и мы решили начать заготовку фуража и продовольствия - послали экспедицию за продовольствием и фуражом. Я поехали в Знобь-Новгородский район, потом в Кренидовку, потом в Очкино, вышли на берег Десны и начали здесь проводить операции по заготовке. Полицаев разогнали, немцы оттуда потом ушли. Немцы разбежались и, в основном, боев здесь не было.

Я направил в Герасимовку 500 подвод с овсом и сеном, были взяты лошади и всех видов живность - тянулись бесконечные обозы. Мы там были первые партизаны. До этого в этом районе партизанская нога еще не ступала. Мы скоро подружился с народом. Нас всюду принимали хорошо и помогали. И мы вывезли 500 подвод хлеба, овса и сена. Тут сена было очень много. Правда, был ряд мелких стычек. Помню, у нас были противоречия с командиром второй группы.

У нас люди были в валенках и шубах. Мы заготовливали дней 15 - 20. В валенках и шубах было тяжело. Я сказал Халимоненко*, чтобы он лично пошел на квартиры к населению и договорился, чтобы обменять валенки на сапоги. Так и было сделано. Через час пришли и доложили, что все уже в сапогах, обуты, и никаких разговоров не было, что все устроено: они валенки отдали населению, а сапоги взяли себе. Люди к нам в отряд тогда шли пачками, были тут и мужчины, и женщины. Много было и зятьков-примаков. В Кренидовке, помню, приходят ко мне два парня и рассказали, как попали в окружение, добрались до такого-то населенного пункта, и как их тут «окружили».

Я выполнил это задание, приехал в отряд, в Герасимовку, а наш отряд уже вошел в соединение с Сабуровым, как и все отряды, за исключением Ковпака. Сабуров говорит: вступайте в мое объединение. И они с Куманьком начали договариваться. Он стал приглашать Куманька комиссаром. И все эти отряды: и самообороны, и Сумской, и все другие объединились, и Куманек согласился стать комиссаром, и автоматически все эти отряды перешли в сабуровское объединение. Куманек пошел на это, главным образом, не так из-за хлеба, как из-за радиостанции, которая была в сабуровском отряде.

*Халимоненко Порфирий Иванович, 1914 г.р. Из с. Вольная Слобода Глуховского района Сумской области, первый секретарь Конотопского РК КП/б/ У, политрук. В партизанах - отряд Недригайловский «За Родину» с 1942 г. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г. 11 марта 1943 г. раненным во время боя в с. Шляховое захвачен немцами и казнен. Похоронен в братской могиле в с. Шляховое Новоархангельского района Кировоградской обл.

Мне в тот день была дана боевая задача: пойти в заставу в крупный населенный пункт Улица. Мы взяли свои группы, свои пушки, и так я все половодье простоял со своей группой в Улице. Я не хотел расставаться со своей разведкой и не знал, где штаб Сабурова. Я был командиром своей группы Червоного отряда, которая к маю 1942 года достигла количества около 200 человек.

Итак, до 1 мая 1942 года мы стояли там и 1 мая еще дополнительно направили в Герасимовку фураж и прочее.

В апреле из Москвы прилетел представитель Штаба – Сыромолотный и жил при штабе Сабурова. Он привез директиву: действовать активней, что нужно выходить на Украину, в Сумскую область, что Сумской и Ямпольский отряды должны выйти туда своевременно.

Мы еще провели операцию по разгрому зерновского гарнизона, но не взяли Середина Буды, из этой операции ничего не вышло. После этой операции мы набрались смелости и решились пойти к Хинельским лесам. В день 1-го мая наш Червоный отряд в единственном числе пошел в Хинельские леса.

Брянские леса уже были блокированы мадьярами. Когда мы пришли в Брянские леса, возникло много местных партизанских отрядов: Суземского района, затем Хильчанский отряд, по линии Орловской тоже возник ряд групп. Но в скором времени началась война против партизан, и немцы блокировали Брянские леса.

* * *

Нам удалось прорваться с обозами в зону Хинельских лесов. Таким образом, с 1-го по 27-е мая мы находились на Хинельском лесокомбинате. Тут, в Лемешовке, окружили гарнизон в 400 человек, который был разбит моей группой. Была захвачена еще одна пушка, захвачено много снарядов, мин, патронов, много лошадей с седлами и телегами. Это была наиболее значительная операция. Потом мы очистили от немцев Фотевиж Червоного района, очистили вообще много населенных пунктов от полиции. В том числе и в Хинели, где уже завелась полиция.

Когда мы первого мая пришли в наш комбинат, то полиция уже была. И началось наступление на Хинельские леса - мы стали их окружать, колотить. В одном месте уничтожили 12 полицейских, в других разогнали, и после этого они уже никогда не пытались атаковать Хинель. А Червоный отряд уже насчитывал 500 человек, отрядом командовал Иванов. Обстреляли мы и Марчихину Буду. Там было человек 500 немцев, казахи, туркмены. Мы их с опушки леса обстреливали.

Снега не было, снарядов было много, и мы всюду стреляли немцев. Поставили артиллерию: у нас уже было 8 противотанковых пушек, две дивизионные пушки, одна полковая; были три полковых миномета, 3 ручных, 8 станковых и несколько десятков ручных пулеметов.

27-го мая на нас начала наступать венгерская дивизия при поддержке 3-х самолетов «Юнкерс-88». Наступление началось залпами этих самолетов.

Но мы приняли меры предосторожности, на ночь уходили в лес, и удары были впустую. Но убило несколько человек партизан, в том числе и моего политрука Дегтярева*. Он ночевал не в лесу, а в доме, а когда начался налет, выбежал. Осколком его и убило. А группа была в лесу, метров за 300, и осталась вся целой.

Потом начала наступать пехота – с 6 часов утра до 7 часов вечера. Они наступали на Хинель, на Хинельский винзавод и лесокомбинат. Основной удар приняли на себя 1-я и 2-я группы. На мне был участок обороны километра три. Слева наступали мадьяры. Но мы ударили по ним из минометов, и они отошли назад, и больше не решались наступать. Нужно было подкрепить и усилить мою группу, и я начал отходить. Мы хотели отойти в Хомутовский район на поселок имени Крупской со всей артиллерией и обозом. Но поля и населенные пункты в направлении Курской области были заняты немецкими войсками.

Тогда мы ушли в глубь Хинельского леса и расположились на отдых. Начались дебаты: что делать? Одни предлагали немедленно уйти в Брянские леса, но в условиях такого окружения в полном составе это сделать было нельзя. Мы отрезаны от всех дорог. Уйти – это значило бросить всю нашу боевую технику. И по этому вопросу были дебаты. Я был против отхода в Брянские леса. Я предложил: дать решительный бой и посмотреть, что будет.

Мы простояли два дня голодные, без продовольствия. Мадьяры нас не беспокоили, очевидно, разведчики донесли, что никого нет. Я предлагал окопаться и ждать. Накануне мне из села Поздняшовки привели 14 пароконных подвод полных патронов. Тут была окружена 13-я Армия, и вокруг было много патронов и снарядов. У меня уже было много снарядов, имелся обоз в полсотни здоровых лошадей, в основном, жеребцов, причем 40 хороших; были мины: полковые, батальонные, ротные.

Но мое предложение было отвергнуто, а было принято решение райкома: всю технику – минометы, пушки, снаряды и др., за исключением ручных пулеметов, оставить на месте и запрягать. Дали на все это время – полтора часа. Мы хотели вывести лошадей, но и на это не согласились: лошади могут ржать, а это опасно.

Затем было принято скандальное решение: всех раненых секретным порядком расстрелять. Это было решение райкома. Было решено лошадей оставить, а раненых уничтожить. Это, пожалуй, было зря сделано – потом об этом узнали люди. Но так сделали. Не знаю, кто это сделал. Моих ребят среди раненых было человек 4-5. Всех раненых было 9-11 человек. Все они погибли. Это было зря, потому что можно было взять их на руки и нести. Куманек тогда советовался со мной по всем вопросам, а в отношении раненых не посоветовался. Таким спешным образом это сделали.

*Дегтярев Терентий Евменович (1908-1942). Родом из села Воеводское, Мордовская АССР, Кочкуровский район. Старший политрук в партизанском отряде Червоного района. Погиб 27 мая 1942 г. Похоронен в братской могиле в поселке Червоное Глуховского района Сумской области.

И отряд пошел и начал бродить по лесу. Отрядом командовал Иванов, а вести пришлось мне. Анисименко* в то время был у меня командиром взвода.

Был вопрос – куда лучше всего идти? Я проложил маршрут по карте, приложил азимут, и мы перешли по Хинельским лесам на север до Ямпольских лесов и вышли в район Брянских лесов. По пути встретили только мадьярский гарнизон, его мы разбили и разогнали. Но что мы узнали? Мы узнали, что в тот день, когда мы вышли из Хинельских лесов, венгерская дивизия собралась и, построившись, ушла на восточный фронт.

После этого у нас в отряде началось массовое дезертирство. У меня убежал командир 3-го взвода ст. лейтенант Митрофанов, группа бойцов из местных жителей села Демидовка. Митрофанов бежал вместе с женой и попал к немцам. Они подослали его жену к нам для разведки. Она, чтобы спасти мужа, решила пойти в разведку. Мы поняли, в чем дело, разоблачили ее и расстреляли. Сбежало 5 или 6 человек. Еще два человека ушли с ручными пулеметами. Но в местных группах было еще хуже**.

Они шли прямо в полицию. Потом оказалось, что они же указали полиции всю нашу военную технику, запрятанную в Хинельских лесах. Всю технику, даже личные вещи, даже баян и две гармоники, в общем, все удовольствия - все забрали. Об этом мы узнали не сразу.

Итак, мы пришли в Брянские леса. Нет продовольствия. Мне в тот же день ставят задачу: достать продовольствие для отряда. Группа должна была пойти, разбить полицейский гарнизон в селе Улица Середино-Будского района. Группа пошла. Мы ползком проникли ночью в село, разбили наголову гарнизон. Мы так разбили этот гарнизон численностью 250 человек, что он уже не восстановился. Захватили там много трофейного оружия: минометов, пушек и т.д. Продовольствия мы там почти не взяли. Проходившие ранее партизаны и полиция уже все прибрали к рукам.

После этой операции партизаны мне заявили: «Товарищ командир! Мы больше так воевать не можем. У нас была техника, мы могли бить противника из пушек и минометов, а теперь мы его отбиваем голыми руками. Зачем нам нужна такая война? Давайте пойдем в Хинельские леса, возьмем нашу технику и будем воевать».

*Анисименко Иван Евграфович (1903-1943). Сумская обл. Глуховский район, с. Вольная Слобода. Организатор и командир местного партизанского отряда в августе 1941 г. Комиссар соединения М.И. Наумова с 23 февраля по 1 апреля 1943 г. Тяжело ранен 14 марта 1943 г. в бою в с. Станиславово Кировоградской обл. Умер от ран. Похоронен в с. Великие Клещи Базарского района. В родном селе Вольная Слобода Сумской обл. установлен памятник И.Е. Анисименко.

**«Во второй половине июня 1942 года тыловые органы немецкой 2-й танковой армии решили провести крупномасштабную антипартизанскую операцию “Зеленый дятел” с 19 по 27 июня, и к ней были подключены милицейские части из Локотского уезда. В ходе боев партизаны понесли большие потери. Из их рядов началось бегство. Так, в Суземском районе из партизанских отрядов дезертировало 427 человек, 65 из которых перешли на сторону противника». Из книги: Жуков Д.А., Ковтун И.И. «Русские эсэсовцы». 2010.

* * *

Такие настроения были у нас в группе.

Я доложил об этом товарищу Куманьку: «Вот так ребята мне сказали, и они правы*. Если есть оружие, это другое дело – можно брать населенные пункты. И я решил сейчас же, без всякой передышки, возвратиться в Хинельские леса. Я пойду туда со своей группой, подниму наши пушки, и мы будем там воевать. А если Вам угодно – могу все привезти сюда. Но мы – Червоный партизанский отряд и должны воевать у себя, на Украине. К тому же мы голодны, у нас нет лошадей (лошадей у нас забрали)».

При блокаде Брянских лесов и при отсутствии кормов лошади дошли в этих лесах, а в некоторых случаях и поедались. Население тоже голодало. После настойчивых предложений такого свойства райком задумался. Действительно, нужно было поднимать большую технику. И, в конце концов, Куманек сообщил такое решение: я должен съездить на Десну, в Трубчевский и Погарский районы на заготовку продовольствия и фуража, по сути, повторить то, что было сделано в апреле. Опять мне придали одну группу. Но так как транспорта почти не было, лошадей не было, за исключением тех шести, что мы взяли в Улице, я должен был и транспорт приобрести.

Имелось в виду: я должен достать там обоз: лошадей, повозки и прочее. Этот длинный путь шел сквозь Брянские леса (тут проходит указанная на карте железная дорога, с Зернова – прямо...) Интересно было то, что в это время в этих районах действовало соединение Кошеля, и как высоко боеспособный отряд он там вел успешную борьбу с немцами. Кошель навел переправу через Десну южнее Трубчевска в районе железнодорожного моста. У него было два или четыре парома и налажена кладка для перехода пехоты. Благодаря этому была возможность форсировать Десну.

Я взял на станции Старая Погощь [Суземский район, Брянский край] три вагона, прицепил к каждому вагону по 3 лошади, посадил свое войско. Придумали также и примитивные тормоза: тормозить под уклон, а где очень сильный уклон – лошадей выпрягали, отводили в сторону, а потом снова впрягали. Так мы совершили быстрый переход до Десны. Там оставили людей охранять вагоны, а сами отправились за Десну. Мы овладели рядом населенных пунктов, где из амбаров набрали большое количество зерна. У старост, у полицаяев и всяких предателей забирали все: и одежду, и обувь, коров, свиней, лошадей.

*«Партизаны, действовавшие на территории Курской области, на рассматриваемый момент (июнь 1942 г.) широкомасштабных операций не проводили. У местных отрядов не было боевого опыта, они представляли собой разрозненные и малочисленные группы, во всех отрядах ощущался недостаток оружия, встречалось немало случаев дезертирства и трусости среди личного состава. Летом 1942 года боевая активность курских партизан оставалась по-прежнему низкой (несмотря на ряд чувствительных ударов, нанесенных по немецко-полицейским гарнизонам). Ситуация стала меняться только к началу осени 1942 года». Из книги: Жуков Д.А., Ковтун И.И. «Русские эсэсовцы». 2010

Вообще получилась такая картина, что через пару недель мы в Герасимовку переправили 3 полных вагона зерна, а обоз, нагруженный всяким продовольствием, подвод 50, шел своим ходом*. Таким образом, отряд был обеспечен продовольствием и прочим имуществом. Вообще, эти две операции: по разгрому Улицы и операции хозяйственного назначения, заняли три полных недели. Когда я вернулся из операции, опять поставил вопрос о немедленном походе в Хинельские леса.

Командование сказало, что готово меня послать, но нужно предварительно выслать разведку, мол, они не могут рисковать группой. Послали разведку, но не моих ребят, а своих. Эти разведчики дошли до шляха у Середина-Буда, увидели сигнальные ракеты, решили, что пройти невозможно и вернулись. Прошло еще несколько дней. Вторая группа тоже не прошла. Потом послали третью группу. Я, в конце концов, заявил, что не нуждаюсь в такой разведке и, наконец, пошел. Это было 20-25 июня 1942 года. Пошел маршрутом через Суземку.

Там, за Суземкой, мы попали в засаду. Видимо, противник получил данные о нас - донесли. Нас забросали гранатами, ударили со всех сторон из пулеметов. Мы потеряли одного пулеметчика, Ральникова. Несколько человек было ранено. В общем, группа панически бежала. Впереди шла разведывательная группа Фесюна**. Он не придерживался моих инструкций: при внезапном наступлении противника группа должна была развернуться к бою и лежать, ожидая следующей команды. А Фесюн скомандовал: назад, и они побежали, а я остался совершенно один.

Конь мой стоит, я лежу. Начали бить со всех сторон пулеметы. Я их считал 12 штук, кроме того, гранатами забрасывали. Я же решил лежать, потому что при такой ситуации вставать нельзя, нужно лежать. Пролежал примерно так полчаса – стрельба притихла. Причем, пулеметы стояли на флангах, метрах в 800. Смотрю: идет какая-то фигура, прямо на меня. Я дал пароль – он отвечает. Оказалось, это Инчин***, мой адъютант. Когда началась перестрелка, он тоже залег, мужественно отстреливался и тоже выжидал прекращения стрельбы (из дневника А. Инчина). И мы с ним пошли назад. Политруком у меня тогда был Анисименко. Оказывается, он послал на поиски несколько групп, потому что разнеслись слухи, что я убит. Ральникова нашли убитым, с пулеметом. Одним словом, я нашел своих людей, они стояли в селе.

*«3–13 июня 1942 г. Операции партизан Червоного района под командованием М.И. Наумова по заготовке продовольствия и фуража за р. Десной в Погарском районе. Убито 28 гитлеровцев, захвачено 300 лошадей и коров, 5 000 центнеров продовольствия, которое переправлено вглубь Брянского леса». *Из отчета о деятельности Червоного отряда Сумской обл.*

**Фесюн Павел Петрович, 1907 г. р. пгт. Червоное Глуховского района. В 1942 г. разведчик в группе М. Наумова. С ноября 1943 г. командир отделения в соединении С.А. Ковпака. Погиб в 1943 г. Похоронен в пгт. Гоща Гощанского района Ровненской области.

***Инчин Анатолий Иванович, 1916 г.р. Из с. Камышлинка Оренбургской губернии. В РККА с 1939 г., лейтенант. В Брянской обл. попал в окружение. В Червоном отряде в группе М. Наумова с февраля 1942 г. С 1 февраля 1943 г. командир отряда им. Н.С. Хрущева соединения М. Наумова. В мае 1943 г. выбыл в связи с ранением. После войны – член Союза писателей, Союза журналистов СССР. Автор ряда книг о партизанах.

Отдохнул сам и начал разбор нашего похода. Кого-то наказал, дал установки, как нужно действовать в таких условиях. Мы решили направиться другим путем – через Голубовку в направлении на Ямполь, шли мы из Буды на Белицы [Ямпольский район]. Тут было расстояние около 50 км, и нужно было пройти такое расстояние в течение одной ночи. Это было, конечно, очень трудно, но мы все-таки пошли. Преодолели поле, я заранее поставил наблюдателей, которые должны были предупредить группу в случае опасности. Противник нас тут ждал – они как раз выбрались из своего населенного пункта. А мы сделали резкий поворот и пошли как раз туда, откуда они ушли. Группа была замечена дальними наблюдателями и атакована броневиком и группой пехоты. Мы дали бой, и противник побоялся подойти близко. Мы прорвались в Ямпольские леса, а потом стали пробираться в Хинельские леса.

Переправа под селом Чуйковка была очень тяжелая, я чуть не утонул, но все-таки мы прошли болото и прибыли на место того лагеря, который оставили 27-го мая. И мы нашли, что там ничего нет, совершенно ничего не оказалось. Все наши ямы были вскрыты. Накануне шли дожди, земля осела, и мы совершенно ничего не нашли, кроме могил наших раненых, только и всего. Мы оказались у разбитого корыта. Опять вокруг в населенных пунктах возникла полиция. Боеприпасов было мало, пулеметов – всего 7 штук. Но, несмотря на это, мы все-таки твердо решили воевать. Так мы воевали в Хинельских лесах в течение всего лета, до глубокой осени 1942 года*.

Держаться было трудно. Кое-кто из местных ушел в свои населенные пункты. Приходит парень домой, сядет со своей родней. Они на него смотрят и говорят: доколе вы будете шататься по лесам. Вот уже и Москва взята, и немцы за Уралом, а вы только себя и нас загубите. И так уговорят парня, что он и не возвращается. А часто распускали молву, что партизаны сдаются. На нас не раз сбрасывали листовки – «Командиру Эсманского отряда: сдавайтесь, приходите с оружием. Вы спасете свою жизнь, вам будет обеспечена работа, возвращайтесь к семьям» и т.д. И некоторые так и поступали.

Бои шли в то время под Сталинградом, в партизаны никто не шел. Меня стали обвинять в том, что 7 человек из моего отряда дезертировали. Если в месяц придет в отряд один человек из окружения – это уже хорошо. Я даже мобилизацию стал проводить в селе Хинель: если кто не явится – будет расстрелян. Население района явилось. Я отобрал здоровых и, таким образом, численность группы дошла до 250 человек.

** «1-я группа под командованием капитана Наумова, численностью до 160 человек, с 20.06. по 05.10.42 г. действовала в Червоном районе. За период действия 1-й группы в зоне Хинельских лесов была полностью ликвидирована в селах Червоного, Севского, Хомутовского и Ямпольского районов местная власть и полностью сорваны мероприятия немецких властей по заготовке продуктов и уборки урожая. Группой уничтожено: волостных старшин – 2, старост – 11, начальников полиции и стражи – 6, уничтожено шпионов – 8, тайных полицаяв – 5, солдат – 28, полицаяв – 89...» Из отчета командира партизанского отряда им. Ленина майора Иванова. ЦДАГО: Ф. 95. Оп. 1. Спр. 9. Арк. 86.

Был организован батальон из 6 пехотных взводов и одного кавалерийского взвода. И мы начали очищать села от полиции. Как и раньше, в двадцать одном населенном пункте мы разгромили полицейские гарнизоны, отобрали пулеметы. Так, в селе Фотевиж мы 3 раза снимали пулеметы с колокольни. К осени у нас уже было 22 пулемета. Группа опять стала очень сильная. Появились боеприпасы: часть мы нашли, часть боеприпасов отобрали у полиции и немцев. Были у нас полковые и батальонные минометы. Словом, вооружились до зубов.

Нужно отметить такую операцию. Однажды немцы до того обнаглели, что зашли в село Барановка, в 7 км от Хинельского леса. Село было партизанским. Раньше там было сожжено в клуне* 180 человек – женщин и детей. И вот немцы решили ограбить Барановку. Ребят у меня было много из Барановки: Пузанов**, Астахов*** и другие. Население было очень недовольно. Я подумал и говорю: расскажите всему населению, что в Хинельских лесах нет больше партизанского отряда, что он ушел в Брянские леса по требованию начальства, остались только больные. И молва разошлась.

А весь этот оброк, которым ограбили Барановку, разместили в селе Муравейна, за Барановкой. Я решил, что всю эту мразь нам нужно тут и уничтожить. Я думал, что они, узнав, что нас нет, сейчас же придут грабить Хинель. Уже был конец 1942 года, а они еще ни разу не были в Хинели, а Хинель была зажиточным селом. Мы все наши трофеи отдавали населению – весь лишний хлеб, фураж... И немцы говорили, что хотят хоть на часок побывать в Хинели.

И через день после того, как распустили слухи о том, что партизанского отряда уже нет в Хинели, вывожу группу на операцию. Идем колонной. У меня тогда было шесть взводов: один конный, один хозяйственный и четыре пехотных. Расположил взводы, взял полковой миномет и полковую пушку с расчетом атаковать Муравейну.

Я рассчитывал на бой в Муравейной, а получился в Барановке. Только зашли в Барановку, как мои ребята уже вступили в перестрелку. Говорят, что идет колонна, подвод 50 или больше. Получился встречный бой. А во встречном бою решает успех не сила, а кто захватит инициативу. Я немедленно развернул артиллерию и приказал бить пехоту огнем. Дал расстояние, и начали колотить и бить картечью. Получился полный разгром. Их сразу опрокинули, и они бросились бежать, бросили свой обоз со всем награбленным – все побросали. Я взял их 13 пулеметов, огромное количество мин, патронов. Трупов было очень много. Часть их удалилась на село Княжичи, но там осталась наша засада.

*Клуня (укр.) – молотильный сарай.

** Пузанов Сергей Андреевич, 1920 г.р. В партизанах с 5 мая 1942 г. В кавалерийском соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г. по 5 июня 1944 г., разведчик. В июне 1944 г. десантирован в Словакию, Первая Словацкая партизанская бригада им. М. Стефаника.

*** Астахов Роман Яковлевич, 1922 г.р., ст. лейтенант. В партизанах Червоного отряда с 1942 г. В соединении М. Наумова с 1 февраля 1943 г. по 1 апреля 1944 г. Отряд им. Н.С. Хрущева, командир конной разведки. Десантирован в Чехословакию, помощник командира бригады им. Яна Налепки по разведке.

Другая часть бросилась влево. Там тоже была наша засада, и их там хорошо обработали. Главная масса удирала на Эсмань. Тогда выскочил конный взвод и рубил врага, преследовали километров 15. Рубили и живых и мертвых. И потом десятки трупов были обнаружены уже в Курской области, просто без ран, потому что они так убегали, что разбежались насмерть. Разгром был знаменитый. Мы вернулись в Барановку и предложили жителям разобрать все, что у них было отобрано когда-то. После этого немцы в Барановке больше никогда не бывали. В течение лета 1942 года у меня в Хинельских лесах были 2 трудные операции.

Однажды пришла сербская дивизия численностью в 25 000 человек. Это было как раз во время уборки урожая, в начале августа. Я был в курсе всех событий. Я знал, что [оккупационные власти] проводили совещание, что нужно провести уборку урожая и сдать хлеб. Разведка у меня работала систематически, и я все знал. И каждый день я получал из всех населенных пунктов данные и знал о подходе сербской дивизии.

Трое суток они наступали на эти леса. Силы были неравны, и я решил боя не давать. Я запрятал тяжелое оружие, утопил пушки в болоте, спрятал мины и оставили только ручные пулеметы. Весь свой обоз разместили в кустарниках. С легким оружием собрались в кулак и следили за противником. Они шли по всем дорогам безразлично, никуда не смотрели. Мы решили их не трогать, не обнаруживать себя.

Настроение сербов было таково, что им наплевать на все, лишь бы скорей пойти домой. Они зимой прошли по Хомутовскому району, прочесали все кусты, яры. Командование их дивизии расстреляло начальника романовской полиции за то, что он донес, что в лесах 13 тысяч партизан. И на этом все закончилось.

Я опять поднял свою технику и стал работать. Еще мы посылали террористические группы для уничтожения старост. Задача была: найти, убить и сказать: «Не смей никто быть старостой». Также проводили операции по уничтожению тракторов, молотилок. В селе Фотевиж мы три раза уничтожали двигатель и молотилки, несмотря на то, что целый отряд охранял их, а пшеницу вывозили в лес. Каждый день, каждую ночь проводились операции по уничтожению полицаев, старост и молотильных агрегатов.

Интересный случай был в одном селе, точно названия не помню, в Хомутовском районе. Террористическая группа выследила старосту. В это время у него собрались гости – еще трое старост. Они распивали самогон. Вечером появились мои партизаны. Двух старост убили, а двое выскочили в окно. Один из двух убежавших был комендантом Хомутовки.

Его немцы заподозрили в связи с партизанами и повесили. А четвертый повесился сам. С одной стороны – он боялся партизан, с другой стороны – коменданта. Засылали к нам разных шпионов, но мы их разоблачали. Однажды – безногий, на костылях, приехал на подводе. Но мы узнали, что его прислала полиция. Для того, чтобы нас не разгромили в хинельских лесах, я часто менял место расположения и переезжал с места на место. У нас было стадо коров. В Хинели все время работала мощная мельница – ветряк с двумя жерновами, перемалывали зерно и нам и населению.

Это была единственная работающая мельница – остальные были опечатаны. В населенных пунктах мы не стояли, нас никогда не было в селе. Только на мельнице стояла застава, а мы – в лесу. Посторонним вход в лес был строго запрещен – и за грибами, и за ягодами. Если кто попадался, то попадал ко мне. И я говорил: «Ты не воюешь, не ходи». Несколько человек, заподозренных нами, расстреляли. Однажды одна женщина пробиралась на рассвете – неизвестно зачем, причем, она не раз сюда ходила. Она говорила, что пришла за ягодами, что еще солнце не зашло. Но мы узнали, что ее подслали, и мы ее расстреляли.

Наряду с моей группой действовала группа Севского отряда. На них несколько раз нападали мадьяры, потому что они очень долго стояли на одном месте, и среди них было много предателей. Однажды, во время нападения на эту севскую группу, я послал туда несколько конников, в том числе и Баранникова. Через некоторое время я увидел – примчался его конь без всадника, и еще один конь, Дмитриева*.

Поехали искать. Оказалось, что Баранников был зарублен, Дмитриева тоже нашли убитым. Он лежал, а в руке у него был клочок волос. Я думаю, что когда на него набросились, он схватил кого-то за волосы, и так его и зарубили. Так мы и похоронили моего Баранникова со всеми почестями в Хинельском лесу. Так мой сподвижник по выходу из окружения закончил свой жизненный путь. Он был простой парень, искренний и, как ребенок, наивный. Я помню, однажды я был болен, лежал на квартире в Хинельском лескомбинате. Группа ушла на операцию, а он стоял у моей квартиры на посту. Утром приходит и рассказывает: «Стою на посту, кругом тихо. Потом вдруг как долбанет наш миномет, а наша пушка как навернет, а их пулемет – так-так-так... и замолк!»

* * *

В конце октября я получил категорический приказ: вывести группу в Брянские леса со всем вооружением. Приказ я получил от Куманька и Иванова. Все время, в течение всего лета и осени, ко мне приходили связные из штаба отряда. Но, в основном, все директивы сводились к тому, чтобы группа как можно скорее возвращалась в Брянские леса. Я немного хитрил. Я не хотел возвращаться в Брянские леса. Я же сообщал, как идет работа, как воюем, какие результаты, сколько в районе врагов, сколько предателей, кого уничтожили и т.д. Но оттуда, из Брянских лесов были настойчивые требования вернуться.

Возвращаться не хотелось по двум причинам. Во-первых, я знал от связных подробно обстановку в Брянских лесах: они были прочно блокированы, населенные пункты были выжжены и с земли и с воздуха. Немцы разливали горючее с самолетов, и населенные пункты горели. Партизаны Эсманского отряда в Брянских лесах получили дурную славу. Население боялось их.

*Дмитриев Василий Дмитриевич, 1921 г.р. Родом из Самарской обл., с. Клявлино. В РККА 133 отдельная танковая бригада, ст. сержант. С 1942 г. в партизанах Хинельских лесов, разведчик в Червоном отряде в группе М. Наумова.

Например, спит в лесу старуха. У нее все сгорело, осталась только одна корова, и она привязывает ее к ноге веревкой, чтоб ее не украли. А приходит партизан и забирает корову. Возникает вопрос: какая же польза может быть от этого отряда в Брянском лесу? В то время как в Хинельских лесах я могу действовать свободно, где хочу, а не там, где меня застал противник. Потом было известно, что отряд [Червоный] бежал на север, за реку Нерусса и некоторые потеряли оружие, преодолевая реку вплавь. Отряд был разоружен, не было пулеметов, коней. Мы с Анисименко думали, что лучше воевать тут, что мы - украинские партизаны и будем действовать на Украине.

Можно сформулировать так, что руководство сверху, из Брянских лесов выражалось в том, чтобы как можно скорее вернуть группу в Брянские леса. Кроме здравых соображений – не возвращаться туда, где нечего делать, я руководствовался еще одним соображением, не менее значимым. Это, что вернуться туда со всей техникой, как требовало командование, даже с большой пушкой и полковыми минометами – было очень рискованно. Даже некоторые связные мелкими группами по 3-5 человек не проникли ко мне, и были уничтожены. Так была уничтожена одна группа связных, очень хороших партизан. Они были зверски растерзаны, у них были захвачены все документы.

А провести такой большой отряд, да еще с тяжелой техникой, а это уже привязывает к дорогам – я просто считал невозможным выполнить такую операцию. Можно было пройти в стороне от дороги, глухими местами, а там технику не провезешь. Это все создает стук, скрип. Это соображение меня и удерживало.

В конце октября руководство Червоным отрядом, получив вооружение из Москвы, прислало ко мне группу автоматчиков в количестве 50 человек со строгой директивой: обязательно мне прийти. Причем приказывали мне вернуться в Брянские леса именем Ворошилова. Впоследствии я узнал, что эта группа должна была применить ко мне самые крайние меры, но меня привести. Они начали творить у меня беспорядки. Я предложил им: или подчиниться мне, или я сам приду. Что мне ваших 50 автоматов, когда у меня больше 20-ти пулеметов. Так я без них и пришел.

* * *

Прибыл в Брянские леса. В чем там оказалось дело? Я прибыл всем составом, да еще Хомутовский отряд привел с собой. Он был малосильный, с большим эшелонем семей и детей, даже грудных, человек 300 мирного населения, чтобы эвакуировать их на Большую Землю на самолетах.

Все шло хорошо. Недалеко от Брянских лесов у нас завязался серьезный бой. Оказывается, моя разведка наскочила на заставу Ковпака. Мои пластуны пролезли в эту оборону, захватили там несколько человек, не знали, что это партизаны, и поколотили их. Сначала между ними завязался рукопашный бой, потом узнали, что это партизаны. Обещание Иванова: обеспечить нам проход до Брянского леса не было выполнено.

Когда я прибыл, потребовал объяснения, зачем меня затребовали назад. Оказывается, что в отряде осталось всего 60 человек: без патронов, частично без оружия, оборванные, босые, без ремней, без фуражек. В отряде не было ни одной лошади, ни одного седла. Даже у Куманька не было верховой лошади. А тут появилось 40 седел кавалерийских, коней, 260 вооруженных бойцов, 22 пулемета, пушка. Тогда мне стало понятно, зачем меня затребовали. [Уходя из Хинели], технику я не бросил. Тяжелую пушку обменял на легкую, тяжелый миномет на батальонный миномет Севскому отряду. И лошадей всех привел. Кроме строевых лошадей, я пригнал еще большой обоз с боеприпасами.

В Брянские леса я вернулся батальоном: было 3 стрелковые роты и кавалерийский взвод в 40 человек да еще хозяйственный взвод под командованием Гусакова*, старика 64-х лет. Его сын Петр** был командиром конного взвода. Жена Петра Гусакова была в конном взводе. Сын Петра 3-4-х лет находился при бабушке. Эта семья когда-то сохраняла подполье Куманька.

За мою непокорность меня решили отстранить от командования моей группой. Было вынесено решение: назначить меня начальником штаба отряда, Инчина назначить помначем штаба, а группу мою в 260 человек расформировать и укомплектовать остальные 3 группы: группу автоматчиков - под командованием лейтенанта Терешина, затем, первую группу под командованием Фисюна, вторую группу - под командованием Ромашкина, и еще третью группу. Итак, я стал начальником штаба, но я не хотел им быть. Ведь это мой народ, боевой, и я не хочу с ним расставаться. В чем тут дело?

Оказывается, Сабуров и Ковпак собираются в Сталинский рейд. Я был весьма воодушевлен, но когда меня назначили начальником штаба, то я сказал: «Я начальником штаба, товарищ Иванов, с Вами не пойду. Всю боевую славу Червоному отряду создавал я. Я вооружал отряд и пушками и минометами. С Вами я не пойду, потому что от Вас как от командира я никогда никаких четких и толковых указаний не видел. Какой бы я Вам вопрос ни задал, Вы всегда говорили: ладно, потом. Нужно, чтобы начальник штаба уважал своего командира, а я Вас не уважаю, и Вы меня не уважаете. Вы ведь прислали группу автоматчиков меня конвоировать. Зачем Вы это сделали?»

У костра собрались женщины, бойцы. Сидим, разговариваем. Я говорю: «Товарищ Иванов, как хочешь, но если ты боишься вести свой отряд без меня в Сталинский рейд, передай мне командование, я его поведу». Он говорит: «Давай отойдем в сторону». Отошли в кусты. Я говорю: «Зачем нам ссориться? Ты человек местный, принимай местный Червоный партизанский отряд и оставайся тут».

*Гусаков Артем Михайлович, 1884 г.р. В группе М. Наумова, начальник хозяйственного взвода. Гусакова Татьяна Никифоровна, 1890 г.р., в хозчасти отряда. Проживали: Сумская обл., Глуховский район, хутор Святище. В партизанах с декабря 1941 г. отряд Эсманский (Червоный). Выбыли 25 ноября 1943 г.

** Гусаков Петр Артемьевич, 1915 г.р. Сумская обл., Глуховский район, с. Червоное. В РККА с 1941 г. В партизанах отряд Эсманский (Червоный) с 1942 г., в группе М. Наумова командир взвода конной разведки. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г. (в/ч 28246). Погиб 13 марта 1943 г.

Из состава моей группы укомплектовали отряд военнослужащих – Червоный отряд-2. Я говорю: «Я сам военнослужащий, ребята мои – тоже, и пойду я с Сабуровым в Сталинский рейд». Он: «Да, пожалуй, так и сделаем, давай составим акт». Давай писать акт, что такого-то числа мы договорились с Ивановым о том, что он мне сдает командование Червоным отрядом военнослужащих, а сам принимает командование местным партизанским отрядом.

На другой день он поехал к Сабурову. Тот его, видимо, выругал за это. Сабуров меня знал плохо, мы с ним почти не встречались. Когда я прибыл, он поинтересовался, сколько у меня людей, пулеметов и пр. Это была первая встреча. Он почему-то тоже хотел, чтобы я пошел начальником штаба у Иванова. Иванов говорит мне: «Сабуров не согласился и вызывает тебя к себе». Я ответил: «Я к Сабурову в партизаны не поступал, не знаю, что это за человек, и не считаю себя подчиненным ему».

Иванов пошел и доложил Сабурову. Возвращается: «Сабуров говорит, что если ты не придешь к нему, он тебя расстреляет». Я ему говорю: «Товарищ Иванов, если Вы от имени Ворошилова мне приказываете, то я [по званию] старше вас обоих с Сабуровым*, и без военного трибунала вы не имеете права меня расстрелять. Несерьезно все это».

Потом вызывает меня к себе Куманек. Он в то время получил из ЦК радиограмму, директивное письмо и вместе с этим банку спирта. Оказывается, Куманек назначен секретарем подпольного Сумского обкома. Да, еще прилетел Мельник**, полковой комиссар, со своей оперативной группой в пять человек с задачей руководить партизанским движением на Сумщине.

В то время как вся масса сумских партизан должна идти в Сталинский рейд, местные партизаны должны оставаться для дальнейшей борьбы в Сумской области. Фомич сразу сообразил: я в Сталинский рейд не иду, отряд у меня отбирают, все берет Сабуров. Он блеснул силой сумских партизанских отрядов, к силе которых он не причастен, а теперь он не выходит в Сталинский рейд, потому что ему не дают сумские отряды, а своей силы у него нет, у него моя сила. Они спорили.

Прилетает полковник Наумов из Генерального Штаба выполнить задание Сталина: «Мне нет дела, чьи тут отряды, надо директиву Сталина выполнять». Куманек начал писать [в Штаб]. И ему ответили: разрешаем оставить на месте отдельных работников, местных партизан, а всех прочих направить к Сабурову, в Сталинский рейд.

*А.Н. Сабуров (1908-1974). Герой Советского Союза. Родом из села Ярушки Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне г. Ижевск Удмуртской Республики). В 1936–1938 годах служил в органах НКВД. До войны руководил управлением пожарной охраны в Киеве. С августа 1941 г. – комиссар 4-го батальона особого назначения войск НКВД под командованием лейтенанта госбезопасности П. А. Добрычева. С марта 1942 до апреля 1944 года командовал Житомирским партизанским соединением.

**Мельник Яков Иванович (1890–1982). В 1941 г. особый уполномоченный 3-го управления НКВД. С октября 1942 г. начальник оперативной группы по руководству партийным подпольем и партизанским движением в Сумской области. В 1943 г. – комиссар, позже – командир Винницко-Сумского партизанского объединения.

Куманек остался генералом без войска. Тогда он спохватился, вспомнил: как бы Наумов не ушел. Он меня уважал. Он всегда со мной консультировался. Он знал, что я никогда ничего не забываю. Идет бой с одной стороны, я никогда не забуду прикрыть райком с другой стороны. Вообще считал меня грамотным командиром. Он сказал: «Михаил Иванович, зайди ко мне, давай выпьем». Выпили. Думы у него, видимо, были тяжелые, и вот он давай плакать, слезами обливается человек. Я удивился: что такое с ним, понимаю, ему было обидно за все. «Михаил Иванович, неужели ты подписал этот акт с Ивановым?» Я ответил, что это так. Он продолжает: «Вы решили идти с Сабуровым за Днепр. Да вы знаете, что их разобьют, не доходя до Днепра?» Я отвечаю: «Если я поведу своих людей, то меня не разобьют».

Куманек: «Я назначен секретарем подпольного обкома Сумской области. Оставайся у меня начальником штаба по руководству партизанским движением Сумской области. Мы поднимем народ. Я доложу в ЦК. Будут знать, что Вы – руководитель», и т. д. Говорю: «Я согласен остаться начальником штаба. Пишите приказ». И вот, идем мы к Мельнику и строчим приказ на машинке, что Наумов назначен начальником штаба оперативной группы по руководству партизанским движением на Сумщине.

Один экземпляр приказа я забрал себе, другой у них остался. На этом наш разговор и закончился. Потом вызывает меня к себе Иванов и говорит: «Сделай мне разбивку отряда, мы должны собираться в рейд». Я ему: «Вот приказ, я – начальник штаба партизанского движения на Сумщине и остаюсь здесь».

Иванов говорит: «Тогда отдай коней». У меня была пара верховых коней с седлами. Ладно, отдал коней. «Сдай клинки, сабли». Возьми клинки. «Бинокль сдай». Возьми бинокль. «Компас сдай». Бери и компас. «Автомат дай». Отвечаю: «Автомат я не отдам, пистолет тоже не отдам. Моя группа принесла много автоматов, они были взяты у врага, этот автомат тоже. Чего ж я его тебе отдам?» «Нет, отдай». В общем, отдал я ему все, только автомат не отдал. И так мы расстались. Я остался совершенно один, без войска, даже без ординарца.

Как реагировали военнослужащие? Морально это были люди совершенно здоровые. Я с ними об этом не говорил, не хотел расстраивать ни их, ни себя. Меня назначили начальником штаба. Это как будто повышение. Это было тонко сделано. Я им пожелал счастливого пути. Они были воодушевлены тем, что идут выполнять задание Сталина в далекий рейд, на Украину. Довольно сидеть в этих Брянских лесах.

После этого назначения я сразу пошел к Мельнику и спросил, что он думает делать. Я сказал ему, что предлагаю немедленно выйти в Хинельские леса. Я сформировал остатки отряда – 105 человек, в основном, женщин и стариков. Ямпольский отряд частично остался – человек 50, остался Хильчанский отряд – человек 20-30. Мы решили этими силами выходить в Хинельские леса, не дожидаясь Ковпака и Сабурова. Я разработал три варианта плана вывода этих отрядов из Брянских лесов. Один из маршрутов я рекомендовал на Пироговку, на Ямпольские леса. Мельнику тяжело было разобраться в этом. Я рассчитал время выхода – выйти на сутки раньше Ковпака и Сабурова.

Выставил разведчиков, проинструктировал их наблюдать: если будут готовиться засады, ваша задача идти с донесением, перехватывать отряды на пути, все тщательно проверять, чтобы никаких неожиданностей в пути не было. Так и случилось, мы вышли на сутки раньше. Это, наверное, было 24-е октября 1942 г. Значит, повел, и мне удалось довольно хитро пробраться незаметно, вывезти много боеприпасов, которых был большой обоз.

* * *

Мы стали в Ямпольском районе, в селе Ломленка, и старого своего врага, Марчихину Буду решили атаковать в первую очередь, сразу и по всем правилам. План операции я разработал тщательно. Схема операции есть в архивах Мельника. В основном, план операции сводился вот к чему: с трех сторон атаковать Марчихину Буду, но предварительно автоматчикам проникнуть в местечко, захватить опорные пункты, каменное здание и не пустить их туда [полицию и немцев]. План удался на славу.

Группа автоматчиков Ямпольского отряда, человек 20-30, в основном, жители Марчихиной Буды, проникли тихо ночью в самый центр села и заняли несколько опорных пунктов. Потом разгорелся бой: загремели выстрелы на окраинах, пошли в атаку партизаны. Полиция начала отходить в свои опорные пункты. Артиллерии у нас не было – ее всю забрали в рейд. Когда гарнизон начал отходить к своим опорным пунктам, автоматчиками он был расстрелян на перекрестках. Мы захватили большие склады продовольствия. Держались целый день. Потом подошло подкрепление немцам – мадьяры из Хутора Михайловского. С ними был большой бой.

Червоным отрядом тогда командовал Лукашов*. Он ушел с командного пункта к нам. Без него там народ подвыпил, снялся [с позиций], и мадьярам удалось захватить часть села. Обстановка весьма осложнилась. Мы еле вывели Ямпольский отряд и Марчихину Буду снова сдали немцам, но успели вывезти все склады. Потом, когда я делал разбор операции, Лукашову досталось за это. С тех пор отношения у нас с Лукашовым испортились вконец.

Потом из Ломленки мы пошли в Хинель. Потом совершили поход по Червоному району. Решили окопаться в Хинельских лесах. Из Хинельских лесов мы совершали различные боевые и хозяйственные операции на глубину всего Червоного, Хомутовского и Ямпольского районов. Много раз нас атаковали немцы, но мы их атаки отбивали.

Соединение начало быстро расти. Создали новый Шосткинский отряд, Глуховский, Малыгинский. Потом подошли первая и вторая курские бригады, севская бригада. Началось наступление [Красной Армии] на восточном фронте. Это подняло дух населения, и многие устремились в партизаны.

*Лукашов Михаил Трофимович, 1917 г.р. Сумская обл., с. Уланово. Член бюро Сумского обкома ВКП/б/. В партизанах с 1 сентября 1941 г. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г., комиссар соединения, затем комиссар Червоного отряда. 14 марта 1943 г. во время боя в с. Станиславово Кировоградской области выбыл с Червоным отрядом в район партизанской базы в Белоруссии.

В общем, в Хинельских лесах к концу 1942 года находилось, по моим данным, около трех тысяч сумских партизан, около полутора – трех тысяч севских, первая курская бригада численностью около трех тысяч человек и вторая курская бригада до двух тысяч человек.

Сразу же по прибытии в Хинельские леса мною была выбрана посадочная площадка для самолетов при населенном пункте Водянка на опушке Хинельского леса. Это была хорошая площадка. Я вывел туда население, площадку расчистили, и все время принимали самолеты. Там было всего 12-14 домов, и Водянка превратилась в настоящий пассажирский порт и вокзал, где все время находились раненые, семьи партизан – женщины с детьми в ожидании самолетов. Хинельский аэродром обслуживал и курских, и сумских, и орловских партизан*. Ночью садилось здесь много самолетов, привозили нам боеприпасы, увозили раненых и семьи партизан. Наладилась регулярная связь с Большой Землей. В это же время я создавал новый партизанский отряд, свой, имени Хрущева. Об этом скажу позже, зачем он мне понадобился.

Как только в первых числах ноября [1942 г.] мы начали копать землянки в Хинельском лесу, я предложил такую идею строительства этого лагеря: разбить большой лагерь в лесу, а в населенных пунктах держать заставы. Иметь лагерь на всякий случай, где были бы запасы продовольствия и жилье. Выкапывали землянку человек на 20-30, с оконными рамами, но эти рамы вставляли в амбразуры, чтобы землянка одновременно была и дзотом. Такие землянки наши сумские партизаны развернули в сердце Хинельского леса. Потом примкнули севские партизаны, затем две курские бригады [разместились] на южных опушках Хинельского леса. Потом приехали командиры бригад Орловской и Курской, и мы договорились о плане развертывания лагеря. Таким образом, выросла тысяча землянок-дзотов. Мы ездили несколько дней с командирами бригад и уточняли, какая бригада на каком участке строит дзоты: через каждые 100-150-200 метров стояли землянки-дзоты, готовые развернуться для обороны лагеря в случае приближения противника.

Это кольцо дзотов было довольно большое. В наиболее капитальных дзотах были поставлены даже печки на случай боев зимой. Там должен быть и запас дров. Третье оборонительное кольцо было на опушке Хинельского леса. Там, в землянках, варилась пища.

Всюду были расставлены заставы. Они вели постоянное наблюдение на опушках леса. Менялись через неделю, через 10 дней. Они должны были вести наблюдение на опушках леса. Четвертое оборонительное кольцо было создано на подступах к населенным пунктам, которые прилегали к Хинельским лесам.

*Самолеты были приняты в декабре 1942 г. 17 января 1943 г. первый вылет летчиков 101-го авиаполка с посадкой на Хинельский аэродром совершил экипаж командира корабля В.И. Масленникова, в документах полка указано, что груз направлен отряду Я.И. Мельника. Всего силами авиаполка на площадку Хинель было произведено 23 самолето-вылета, из них 17 вылетов с посадкой. В настоящее время на памятной табличке на поле в с. Водянка есть надпись: «Мы помним, что на этом поле в 1942-1943 годах действовал партизанский аэродром».

И вот, опираясь на эту сильную оборону, мы имели возможность прочно удерживать Хинельские леса и прилегающие населенные пункты в течение ноября, декабря [1942] и января [19]43 года. Недостатка в пополнении не было. Едва успевали к нам привозить оружие, как мы им вооружали. Приходили люди целыми семьями, даже целыми населенными пунктами – от 16 лет до глубоких стариков. Все шли в партизаны.

Ввиду такого бурного развития партизанского движения, в конце декабря или в начале января [1943 г.] решением ЦК КП/б/ У был образован штаб по руководству партизанским движением на Сумщине из 3-х человек: Куманек, Мельник и я. Причем, я был назначен заместителем начальника этого штаба. Мельник был начальником штаба, Куманек – член штаба и секретарь обкома. Я почувствовал ответственность за состояние партизанского движения на Сумщине как член штаба и сразу же выдвинул проект – поднять население юга Сумской области на вооруженную борьбу.

А с этой целью нужно выйти нашему объединению на юг области, тем более что в Хинельском лесу находятся две курские бригады и севская партизанская бригада. Я считал возможным оставить небольшую часть сил в Хинельском лесу, а главными силами выйти в рейд. Мельник эту идею поддержал. Мы начали разрабатывать план выхода в рейд. Куманек не согласился с этим. Он считал, что достаточно послать небольшие группы для партизанской работы на юге области. А мы считали, что там имеется много резервов, и решили все население поднять. Получились разногласия. До сих пор дело шло дружно, а потом каждый стал думать отдельно.

Однажды я сказал Куманьку: «Фомич, я как член штаба чувствую ответственность перед ЦК за состояние партизанского движения, и я нахожу, что мы недобросовестно воюем». «Как так, почему, разве мы не имеем успехов, благодарности и. т.д.?» «А вот почему: мы обнесли себя четырьмя кольцами дзотов, пьем, едим, живем. Мужики приходят к нам воевать, а мы заставляем их строить землянки, рубить срубы. Зачем это нужно? Наш народ на фронте обливается кровью, а мы тут сидим. Это мне не нравится. Что мы как штаб знаем о нашей Сумской области? Несколько групп мы послали – разведывательных, диверсионных. Они замерзали или были разоружены полициями и возвращались раздетыми и без результатов и железнодорожную магистраль Ворожба – Льгов не смогли преодолеть».

Был у меня тогда паренек Борис – резидент Брянского фронта, который мне приносил сводки: в деревне такой-то есть оружие, что вообще в населенных пунктах есть хорошие ребята. Можно их привести, но нужна помощь. Руководил этой группой Лобанов из села Ободы Белопольского района. Потом он со своей группой пристал к нам. Потом еще Борис приходил со [стороны] Брянского фронта ко мне в Хинельские леса и рассказывал, что там есть сильное подполье, только некому его поднять. Информировал меня, просил у меня помощи, автомат. Я ему дал лошадь, подводу, и он уехал обратно. А сам он жил почти легально и работал на своей радиостанции. Я знал об этом, а Куманек не знал и Борису не доверял. А я ему доверял. Был еще Николай и его девушка Валя. Для меня эти люди были понятные. Они мне и раньше помогали, и я им помогал.

Я и говорю: «Что мы знаем о юге Сумской области? Мы – штаб, отвечаем перед ЦК за эту работу и ничего не знаем». Он [Куманек] отвечает: «Все же я считаю, что мы действуем правильно». Я: «Фомич, если Вы не согласны выходить в рейд на юг области, тогда я с сегодняшнего дня начинаю организовывать свой отряд. Как только у меня будет 100 вооруженных людей, я уйду на юг Сумской области, хотя бы для того, чтобы разведать и узнать, что там есть». Фомич на меня за это обиделся, и отношения у нас испортились.

Вначале он меня представил к ордену Красного Знамени и к ордену Ленина, а потом дал радиogramму Хрущеву: воздержаться Наумова награждать, и я получаю медаль «За отвагу». Я не знал, что он дал такую радиogramму. Я о ней узнал только в [19]44-м году, мне о ней сказал Мельник, что он тоже ее подписал. Кроме того, я увидел ее в архиве. Затем, радист Малий мне тоже в 44-м году признался, что радиogramма была.

Но я все-таки тогда знал, что Фомич что-то задумал, потому что проговорился он одному человеку, что Наумов задумал организовать свой отряд – орденов он не получит. Он сказал это Оксане Хлус*, от нее пошло дальше. Она, бедная, погибла. Оксане Хлус я спас жизнь. Я разгромил гарнизон в Червоном, расправились там с кем следует, и Оксану оттуда вывезли. Фомич меня тогда нацелил на этот разгром, сказал, что нужно Оксану оттуда вырвать. Я ее привез.

Оксана, учительница села Червоное, содержала конспиративную квартиру Куманька в период его подпольной деятельности. Потом она осталась там, и полиция ее нашла и начала истязать. Потом ее решили повесить, и нужно было действовать. Оксана потом погибла в Брянских лесах. Она очень помогала партизанам, все ее знали за ее заслуги и уважали.

Формирование отряда имени Хрущева я поручил Инчину на базе комдантского взвода, где было несколько человек, которых я сумел себе оставить в Брянских лесах. Это были: Роман Астахов, Карманов* Миша, Шашков Володя**, Пузанов Сергей***, Инчин и еще несколько человек, такие как Гончаров**** из Марчихиной Буды из Ямпольского отряда, Шилова Матрена, его жена; Рудницкий*****, тоже из Марчихиной Буды, которого я знал еще раньше по Хинельским лесам. Это было ядро.

*Карманов Михаил Викторович, 1923 г.р. Сумская обл., Глуховский район, с. Барановка. В партизанах с января 1942 г. во взводе конной разведки. Погиб в бою 14 марта 1943 г. Похоронен в с. Станиславово Ульяновского района Кировоградской области.

**Шашков Владимир Петрович, 1925 г.р. Сумская обл. Глуховский район, с. Муравейня. В партизанах с 9 февраля 1942 г. Погиб 11 марта 1943 г. Его имя в списке захороненных в братской могиле партизан в селе Станиславово Ульяновского района Кировоградской обл.

***Пузанов Сергей Андреевич, 1920 г.р. Сумская обл., Глуховский район, с. Барановка. В партизанах с 5 мая 1942 г. В соединении М.И. Наумова разведчик главразведки соединения. В июне 1944 г. десантирован в Чехословакию, 1-я Словацкая партизанская бригада им. М. Штефаника.

****Гончаров Дмитрий Сергеевич, 1919 г.р. Сумская обл. Ямпольский район, с. Марчихина Буда. В партизанах с 25 февраля 1942 г. Выбыл в январе 1944 г.

*****Рудницкий Иван Игнатьевич, 1919 г.р. В партизанах с 26 ноября 1942 г. Отряд «Смерть фашизму» Конотопский, ст. сержант, командир отделения.

Я принимал сам грузы, которые привозили самолетами, и вооружал этих ребят как надо: противотанковым оружием, автоматами и пулеметами. Инчину поручил набрать хороших людей, и в короткое время отряд был готов. Я намеревался выйти без разрешения, в единственном числе, на разведку области. Но в это время прилетели из Москвы Дрожжин и Мартынов (члены УШПД). Они привезли награды, вручили их нам. Привезли и директивы такого свойства: развернуть активную боевую деятельность на юге Сумской области. Ознакомились с положением в отряде, с командным составом, с нашим настроением, бытом и т.д. Выслушали нас всех вместе и поодиночке.

Я изложил им свой план, наши разногласия и готовность выйти в рейд. Тогда они созвали совещание нашего штаба и официально поставили вопрос о выходе в рейд на юг области. Куманек уступил и высказался за то, что он согласен какую-то часть сил послать в рейд на юг области. Но считает нецелесообразным выход подпольного обкома на юг области, а считает возможным руководить из района Хинельских лесов.

Против этого варианта никто не возразил. Возник второй вопрос: кто же будет командовать той частью сил, которые пойдут в рейд. Фомич заявил, что он командовать не будет, его дело – партийная работа и партийное руководство, и в рейд он не пойдет. Тогда предоставили слово Мельнику. Он сказал, что согласен на командование и пойдет в рейд, но только вместе с Наумовым.

Тогда Дрожжин и Мартынов спросили: если только часть сил идет в рейд, другая остается здесь, в Хинельских лесах, то кто же будет ею командовать? Мельник отвечает: «Я без Наумова не пойду». Спрашивают меня. Я отвечаю: «Я согласен идти и со всеми силами, согласен идти с частью сил, согласен идти с товарищем Мельником, согласен пойти и без него». Тогда так и решили: вот один член штаба пойдет в рейд. Обсудили и вынесли решение – идти в рейд Наумову.

Началась подготовка. Постановили: выделить из Червоного отряда 100 человек бойцов, из отряда «За Родину» 100 человек. Также Конотопский отряд под командованием Кочемазова* целиком со мной, Харьковский отряд со мной. Кировоградский отряд спешно создавался в течение недели – прилетел Семенчук, за автоматы людей покупал, и люди к нему переходили. Сформировали около сотни человек. Пристегнули ко мне еще и Недригайловский отряд во главе с Щebetуном**, 9 человек, который стал называться отрядом им. Кирова.

*Половина Конотопского отряда вышла с С.А. Ковпаком в Сталинский рейд. Кочемазов Василий Парфенович, 1900 г.р. В партизанах с 7 сентября 1941 г. С 1 февраля 1943 г. в соединении М. Наумова, командир отряда «Смерть фашизму». 15 марта 1943 г. погиб в районе Голованевского леса.

**Щebetун Авраам Иванович, 1893 г.р. Саратовская обл. Краснокутский район. Десантирован с группой в район Хинели 11 января 1943 г., командир отряда «За Родину». В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г. Погиб в бою 17 мая 1943 г. при защите переправы через р. Припять в Белоруссии. Одна из улиц в поселке Недригайлов Сумской области носит имя семьи Щebetун.

Они предполагали, что в ходе рейда вырастут, осядут в своем районе и будут там действовать. Кроме того, Хрущевский отряд, мой собственный. Всего было 7 отрядов. Нужно было этих людей привести в порядок, обучить. Я наметил программу занятий с ними: пристрелку оружия (винтовок, пулеметов); отработали упражнения по боевой подготовке, изучили материальную часть пулеметов; провели несколько дневных тактических учений в поле.

Сколачивали обозы, причем, я требовал, чтобы на каждом санях обязательно была привязана запасная оглобля, чтобы были запасные завертки, чтобы была веревка с петлей – все это для того, чтобы производить ремонтные работы, не останавливая движения; чтобы была в порядке зброя, кони.

С офицерским командным составом я проводил занятия по изучению топографической карты, решал различные тактические задачи, например, развертывание отряда из положения походного к бою; организация дневки в населенном пункте; организация разведки; организация нападения на гарнизон, охраняющий железнодорожный мост; организация нападения на отряд, охраняющий шоссе на дорогу.

Каждый вечер они в определенный час собирались в землянке, где было достаточное помещение. У меня с лета в лесу были закопаны бочки с керосином, и мы этот керосин использовали для освещения, были лампы, были карты. Прокладывали азимут по карте.

Всему этому я считал необходимым обучить свое войско.

Начало Степного рейда

31 января 1943 года назначили выход в рейд*.

Меня провожали 1 февраля. Приехал проститься весь штаб: Куманек, Мельник, а также Дрожжин и Мартынов. Я собрал командиров, отдал боевой приказ, и мы пошли. Уже километрах в двадцати от Хинельских лесов мы занимали населенные пункты. Отряды стояли в Фотевиже, Вольной Слободе и других населенных пунктах.

Всего было 800 человек на подводах. Передвигались быстро.

Откуда у меня появилась уверенность, чтобы выйти вот так смело в степи? Из огромного опыта, полученного мной во время скитания по тылам врага, когда я прошел пешком всю Украину. Я сделал вывод, что не только одному человеку можно пройти, можно провести дивизию, только надо уметь и знать где. Я научился чувствовать оперативную обстановку. Я мог бы сказать по карте, как лучше провести отряд скрытно от немцев: в какое время, по какой местности, в каком районе. Я всегда знал, как обойти врага и как на него внезапно напасть. Это первое.

*Сводный отряд под командованием капитана М.И. Наумова, вышедший 1 февраля 1943 г. в рейд, получивший впоследствии название «Степной», именовал себя отрядом имени И.В. Сталина (Письмо М. Наумова Т. Строкачу 5 апреля 1943 г. ЦДАГО Украины, ф. 66 оп. 1 д. 13). В дальнейшем это наименование не употреблялось..

Второе – из опыта первого года партизанской борьбы. Ведь прошел все-таки целый год, в течение которого я сделал, наверное, уже более сотни боевых операций, так что я имел уже опыт. Третье – из изучения неудачных попыток некоторых отрядов, из тщательного аналитического изучения действий других отрядов. Вот пример.

В первой половине декабря [1942 г.] Воронцов*, командир Харьковского отряда, решил идти в свою область. Для этого ему нужно было пройти всю Сумскую область. Отряд был довольно крепкий, хорошо вооруженный. И вот – он не дошел до железной дороги Ворожба – Льгов десятка два километров и был разбит основательно, потерял радиостанцию, потерял боевой обоз, имел много раненых, имел другие потери и вернулся в Хинельский лес. Он подчинен был оперативно нам, Сумскому штабу. Я затребовал от него письменное объяснение по этому поводу. Потом заслушал его, потом составили донесение за подписью Мельника на имя тов. Строкача** по поводу потери радиостанции.

В этих донесениях я изучил каждый шаг отряда и сказал: «Товарищ Воронцов, тебя разбили, потому что ты плохо маневрировал. Ты проходил в сутки 7,5 км в течение 15 дней и неправильно вел разведку». Он действовал так: пройдет километров 20-30 и станет в населенном пункте. Вышлет пешую разведку вперед километров на 40-50. Эта разведка должна была уйти пешком, вернуться назад и доложить оперативную обстановку по маршруту. А он трое суток стоит на месте. Я ему сказал: «Вот ваша ошибка, потому вас разбили». Он мне ответил: «Сходи сам туда, и ты увидишь». Случилось так, что я пошел, и он со мной. Поэтому я сделал вывод о том, что нужно все-таки действовать в степях более маневренно. Я рассчитал свой маршрут до юга Сумской области с расчетом проходить в течение одной ночи на некоторых участках 80 км, на некоторых – 50, и стоять только один день. Так мы и шли.

Была директива Строкача: в связи с наступательными действиями Красной Армии на Харьковском и Курском направлениях необходимо активизировать действия на коммуникациях Сумы – Харьков, Сумы – Курск. Это была основная директива. Во исполнение этой директивы и был разработан план. Этот план за моей подписью, утвержденный Мельником, сохранился. Помимо выполнения этой основной задачи, директивы украинского штаба, ЦК был разработан план и в интересах партизанского движения: поднять скрытые резервы на юге области, насадить там подпольные партийные и комсомольские организации. С какой целью приезжали Дрожжин и Мартынов?

*Воронцов Николай Иосифович, 1900 г.р. Волынская губерния, село Криворудка. С 24 августа 1941 г. командир 1-го Харьковского отряда им. Г.И. Котовского. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля по 22 февраля 1943 г., когда из Ахтырского р-на Сумской обл. выбыл с отрядом в Харьковскую область, где соединился с частями Красной Армии.

**Строкач Тимофей Амвросиевич (1903-1963). Село Белоцерковицы (Астраханка) Ханкайского района Приморского края. Генерал-лейтенант (1944 г.). В 1919 – 1922 годах – участник партизанского движения на Дальнем Востоке. С 1924 года в пограничных войсках НКВД СССР. В 1942 – 1945 годах начальник Украинского штаба партизанского движения. С января 1946 г. по 1953 г., с июля 1953 по 1956 годы министр внутренних дел Украины. 30 марта 1957 года уволен в отставку по болезни.

Я думаю, что они прилетели с целью активизировать действия сумских партизан на юге области, потому что было много указаний, радиogramм, чтобы мы и на юге области что-то делали. И, может быть, они прямо имели задачу выдвинуть в рейд партизан из Хинельских лесов на юг. По крайней мере, они на этом очень упорно настаивали.

Вначале рейд планировали только по Сумской области, а потом он превратился в рейд по южным областям Украины. Наш рейд по Сумщине был каким-то вихрем народного мщения. Мы каждую ночь проходили по 60-80 километров. Днем мы не отдыхали, мы днем вели бой. Чем я, главным образом, руководствовался в этом рейде? Я спешил воздействовать на коммуникации, т.е. подорвать узлы на железнодорожных магистралях Сумы – Харьков, Сумы – Курск, а все остальное решалось попутно и имело второстепенное значение.

Меня обвиняет Лукашов (по итогам рейда) в том, что я ему не давал развернуть подпольную партийную работу тем, что слишком стремительно двигался по областям. Он меня не мог понять. Мы с ним несколько раз встречались и разговаривали. Я ему говорил, что считал главной задачей рейда уничтожение железнодорожных мостов и вообще мостов. Это ведь директива Центра. Красная Армия наступает, и важно, чтобы коммуникации не работали. По-моему, это было главное. Второе: я не могу стоять, как Воронцов, и ждать пока меня разгромят. Поэтому я и не задерживался долго в каждом населенном пункте.

Третье. Я просил его согласовывать со мной встречи и явки партийного подполья в областях, потому что я знал по своему плану, где и когда я буду через три дня. Он этого не хотел делать. Такие противоречия у нас были в ходе рейда. Он говорил, что я ему мешал выполнять партийную работу. Я ему предлагал: назовите любой населенный пункт, соединение туда придет, и Вы сделаете там все, что Вам нужно. Он был представителем обкома. Комиссара не было. Я как член штаба был единоначальником* – и командиром и комиссаром. А он как бы возглавлял группу партийных работников по насаждению в области подпольных партийных и комсомольских организаций.

Я просил Куманька не посылать со мной Лукашова, что это – мелочный человек. Кроме того, он труслив и будет мне мешать. Он был замечен в эпизоде на Марчихиной Буде. И таких эпизодов была сотня. Он стравил Копу** немцам. Однажды у нас был спор с Лукашовым в присутствии Губской, которая была секретарем комсомольского бюро соединения***. Она сказала: «Товарищ Лукашов, Вы не правы. Наумов действует правильно, толково руководит соединением, и нет никаких причин создавать тут какие-то ссоры».

*«Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.10.1942 г. “Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии”».

**Копя Василий Федорович (1910-1941), организатор подполья в с. Эсмань Сумской обл. С 22-го декабря 1941 года командир партизанского отряда, погиб в конце декабря 1941 г. Он выпал из саней, уходя от преследования, был захвачен немцами и казнен.

***Губская Полина Ивановна, 1918 г.р. Молдавская ССР, г. Кишинев. Секретарь подпольного Сумского обкома ВЛКСМ. В партизанах с 25 января по 26 августа 1943 года, секретарь комсомольской организации соединения М.И. Наумова.

Выполняя главную задачу, я все время в рейде стремился нападать внезапно на мосты. В результате этого рейда было уничтожено на железных и шоссейных дорогах до десятка мостов через реки Псел и Ворскла, а железная дорога Сумы – Харьков и Сумы – Готня были остановлены совершенно и не действовали до прихода Красной Армии. Попутно отряды совершали многочисленные боевые операции. Так, были освобождены смертники из гестапо на территории сахарного завода, 28 человек в местечке Мезеновка Краснопольского района [Сумской области],

Среди них – три брата Ступичи. Все эти 28 человек поступили в партизаны. Все братья героически погибли в боях*. Был и четвертый – его мы расстреляли как подосланного к нам предателя. Накануне нашего прибытия эти смертники вырыли общую могилу, наутро их должны были расстрелять. Но на рассвете на территорию сахарного завода ворвался Хрущевский отряд, арестовал коменданта, разоружил полицию и освободил смертников.

Партизанские отряды освободили также около двух тысяч пленных на станции Ворожба [Лебединского района Сумской области]. Налетели на немецкий гарнизон, разбили его и освободили советских военнопленных [около 2000 человек. Газета «Правда» 10 марта 1943 г.].

Мы устраивали крупные засады, разбивали гарнизоны, уничтожали узлы связи, вырезали связь, перехватывали большие группы из отступающих войск и разных предателей. Помню, например, начальник полиции из города Старый Оскол попался нам в руки. Были бургомистры, старосты с деньгами, с награбленными вещами, которые шли в стороне от больших дорог, чтобы немцы их не грабили, и попадались к нам. Много наших пленных перехватили.

Весь этот путь был усеян трупами. Много пленных перебрали. Под Мезеновкой разбили штаб венгерской дивизии, уничтожили его совсем, захватили интересные документы. Жаль, что они не сохранились. Я часть отдал одному дядьке в селе на хранение, часть взял с собой.

Но документы эти сожгли, в том числе сожгли и книгу на мадьярском языке «Опыт борьбы с партизанами на Украине». Там были схемы, чертежи, карты, упоминаются города Глухов, Хинель, Рыльск, Льгов. Это проведенные операции против партизан в марте 1942 года, когда мы отманеврировали в Брянские леса.

Описано, как мы шли в Брянские леса, а потом – вопросительный знак. Что там делается – неизвестно. И численность партизан указана – три тысячи. Я думаю, эту книжку можно найти в архивах, в трофейных документах. Она отпечатана в типографии и размножена.

* Ступич Кузьма Федорович, 1905 г.р. В партизанах отряд им. Хрущева соединения М. Наумова, начальник штаба отряда. Погиб в бою 25 марта 1943 г. и похоронен у лесной дороги между селами Ябоновка и Пилипча Белоцерковского р-на Киевской обл. В 1981 г. на месте его гибели соорудили мемориальный комплекс. Ступич Иван Федорович, 1919 (1914) г.р. Сумская обл. Тростянецкий р-н, с. Гребенниковка. 14 марта 1943 г. убит в бою. Похоронен в братской могиле в с. Станиславово Ульяновского р-на Кировоградской обл. Ступич Тимофей Федорович, 1912 г.р. Сочтен погибшим в бою 14 марта 1943 г. в с. Станиславово. Его, тяжело раненого, спасли местные жители.

Мы подорвали до десятка эшелонов, организовали столкновение двух воинских эшелонов в районе станции Кренидовка и станции Басы. Мы переходили железную дорогу ночью, не успели заминировать. Идет эшелон. Я приказал обстрелять паровоз. Он пошел дальше. Через день получаю донесение разведки – столкнулись два воинских эшелона и в щепки разбились. Оказалось: мы перебили паровозную службу, паровоз на полустанке не остановился, проследовал дальше и столкнулся с встречным. Трое суток немцы к этому месту никого не подпускали, все оттуда вывозили.

А всего, что делалось, я и не знаю. Потому что ночью – марш, днем – бой, опять марш, опять крупные бои. Я не успевал изучать донесения от всех командиров отрядов, что они сделали. А тем более командиры отрядов не успевали сами принимать сообщения, записывать их и передавать мне сведения о действиях конных разъездов на флангах.

Люди пошли. У каждого были свои счеты с немцами – и они действовали. Разгромили немецкий батальон в селе Сенное, прямо на улице. Командант села Мирополье вызвал к себе командира русско-немецкого батальона: в село Сенное прибыли 50 человек партизан, окружи их. Батальон вышел из леса и с разбега ворвался в село Сенное. Село большое. В этом селе стояли Харьковский и Кировоградский отряды. Только одних автоматов было 200-300. На улицах и в хатах завязался бой. Потом мы выслали подкрепление, и мало кто оттуда ушел. Командира батальона взяли в плен раненым.

Уничтожили также и охранную роту Лебединского аэродрома, на которую наскокил Кировоградский отряд. Рота была уничтожена целиком. Были захвачены большие трофеи. Большую засаду сделали под Тростянцом на шоссе Курск – Сумы. Когда прорвались через железнодорожную магистраль Львов – Ворожба, разгромили гарнизон противника в городе Глушково (Курская обл.). Вели бой целый день. Противник понес большие потери. Подорвали несколько эшелонов*.

Но помимо всего этого, мы встряхнули население. Ведь мы везли огромное количество листовок, напечатанных от имени правительства и ЦК. Мы всю зиму принимали на Хинельском аэродроме самолеты. Листовки были использованы в качестве упаковки оружия и боеприпасов. Листовками были обернуты снаряды, гранаты, магазины к пулеметам. Газеты «Правда», «Известия», журналы, брошюры с речью товарища Сталина – все это была упаковка. Не знаю, кто работал на аэродроме по этой части. У нас, на Хинельском аэродроме этим занимался комиссар Петрикей, секретарь Конотопского райкома.

*Приказ Верховного главнокомандующего требовал уничтожать мосты, виадуки, подвижной состав, стрелки, стационарные сооружения, а не только рельсовые пути, которые реального ущерба противнику почти не нанесли (И. Старинов о «Рельсовой войне»). «Рейды М. Наумова стали высшим достижением военного искусства партизан» (Дмитрий Веденеев. «Партизаны Украины без мифов и легенд: только цифры и факты»).

Этой литературы было очень много, и мы ею напичкали наши обозы. Кроме этого, большую работу делала и наша типография. Это была типография 13-й армии, которую я нашел в лесу. Потом ею пользовался и обком, который организовал типографию в [Хинельском лесу], и мы выпускали листовки в большом количестве. Мы распространили основную массу этих материалов в Сумской области, буквально разбрасывали ее по своим маршрутам. Разведчики наводнили этими листовками все, всколыхнули народ. Что потом делалось в Сумской области, я не знаю. Я не был там.

В Новой Сечи сразу же по прибытии туда был поднят Хотенский* отряд. Трудно ожидать, чтобы подпольные работники могли вспомнить, кто их на что натолкнул. Группа 40-50 человек из Хотенского района во главе с командиром прибыла ко мне. Я даже написал приказ по соединению об организации Хотенского отряда, назначил начальника штаба, обозначил задачу: действовать в Хотенском и Краснопольском районах, перечислялось, что делать: уничтожать отряды, мосты, поднимать население на борьбу. Этот отряд ходил со мной неделю, а потом был оставлен в Сумских лесах.

Затем, Краснопольский отряд. Комендант полиции, которого мы разоружили в Мезеновке, начал выкручиваться, нацепил ярко-красную ленту на папаху: «Я – командир партизанского отряда, а вся эта полиция – мои партизаны». Я начал выяснять у населения через свою разведку. Воронцов возмутился: почему Барановского** выпустили из-под ареста, ведь это настоящая полиция, настоящие фашисты. И другие разведки также начали доносить: один из полицейских двух наших партизан убил (потом его сожгли в его же хате).

В чем тут дело? Почему я выпустил Барановского? Потому что его пригласил к себе Лукашов на беседу и признал его советским генералом. Этот «генерал» в городе Краснополье жестоко расправлялся с партизанами. Лукашов дал радиogramму, что считает мои действия неправильными, и что он предлагает назначить командиром соединения генерала Барановского. Эта радиogramма есть. Я узнал об этом позднее. Тогда только знал, что Лукашов считал, что это – партизанский отряд, и настаивал на том, чтобы этот партизанский отряд остался.

*«Новый подъем борьбы подполья Хотенского района был связан с пребыванием в районе в начале февраля 1943 г. партизанского соединения под командованием М.И. Наумова, которое совершало Степной рейд. С помощью соединения были созданы три партизанские группы общей численностью около 70 человек».

<http://ukr.rsr.ru/Sumskaja.obl/Sumskij.rajon/Hotenx.html>

**Барановский - Семен Захарович Блюменштейн, 1894 г.р., уроженец г. Станислава (Галиция), авантюрист и предатель, неоднократно судимый и в Австро-Венгрии, и в петлюровских войсках. Внедрившись в органы ЧК под фамилией Барановский, был известен своей жестокостью, осужден за мошенничество. Служил в Краснопольской полиции, организовал отряд лжепартизан. 4.03.1943 г. Особым отделом НКВД 40-й армии Барановский-Блюменштейн был арестован, 16.07.1943 г. освобожден и 25.12. 1943 г. выведен на территорию Польши в качестве командира опергруппы НКГБ УССР «Заднеэстровець». 15.08.1944 г. Барановский был арестован за измену Родине и другие преступления 18.07.1945 г. Особым совещанием при НКВД СССР осужден к высшей мере наказания.

Барановский предлагал мне переехать к нему в квартиру на территории сахарного завода, в каменное здание, и расположиться штаб-квартирой ближе к нему. Мне это предложение показалось подозрительным, и я отказался. В общем, отряд Барановского оставили как Краснопольский партизанский отряд. Я даже написал приказ: Краснопольскому отряду действовать там-то.

Приходили представители из г. Сумы, от подпольной комсомольской организации. Фамилий сейчас не помню. Они, кажется, живы и сейчас и работают в Сумах. Они работали в автомобильной организации. Они доложили, что у них есть своя организация. Мы их снабдили магнитными минами, поручили им организовать ряд диверсионных актов на железнодорожной станции, на электростанции и т.д. Они получили определенные задания и действовали.

Приходили представители из разных районов: из Курской области, из Миропольского, Сумского районов. Многие шли, услышав громы наших боев. Мы им говорили: поднимайтесь, действуйте, давно пора. Они говорили, что не действовали до сих пор, потому что по подполью распространился слух, что нужно копить силы, оружие и ждать сигнала, что рано еще выступать. Мы им объяснили, что давно пора начинать, и люди начали раскачиваться. Рейд по Сумской области продлился до 18 февраля [1943 г.]. Партизанские отряды росли. Вышли мы 760 или 800 человек, а уже 18 февраля, когда мы стояли в Мащанке, соединение насчитывало две с лишним тысячи человек*. Все были вооружены трофейным оружием, взятым у немцев.

В основном, рейд прошел легче для нас – с победами, триумфами. Противник был деморализован, сбит с толку, не знал, кто и откуда его бьет. Все шло замечательно. Но вот с концом рейда...

Почему я называю это концом? Во-первых, мы стояли 18 февраля в районе Мащанка, недалеко от Ахтырки. Это конец юга Сумской области. Во-вторых, здесь мы приняли сообщение Совинформбюро, что наши войска заняли Богодухов, в 60-70 км от нас. Значит, фронт близко. А я получил предупреждение еще от Дрожжина и Мартынова, что если я окажусь близко от фронта, ни в коем случае не соединяться с фронтом (меня за это не похвалят), а уходить на запад.

Фронт в 60-70 км, значит, это надо считать концом рейда. Нужно отрываться от фронта. Прорвутся танки [Красной Армии] на 100 км в тыл и «возьмут меня в плен». Трудности начались в этом месте. То, что было до сих пор: походы, бессонные ночи и дни, бои – все это было не трудности. Приятно было видеть, с каким воодушевлением нас встречал народ. Ведь мы останавливались исключительно в населенных пунктах, всегда среди народа, с гармошками, песнями, пальбой. Мы занимали даже несколько городков – Ворожба, Краснополье, Мезеновка.

*Такая численность соединения была в конце февраля 1943 г. после присоединения освобожденных военнопленных, пополнения за счет местного населения и до выхода из соединения Харьковского и Кировоградского отрядов и др. групп. В отчете 1944 г. указан боевой состав соединения - 1 385 человек. Форсировали Днепр и вышли в Кировоградскую обл. гораздо меньшими силами – 685 человек (материалы отчета о Степном рейде, ЦДАГО Украины ф. 66 оп.1).

Все это так приятно возбуждало весь личный состав, что не думалось ни о смерти, ни о страхе, ни об усталости. События захлестывали... Но тут случилось вот что. Первое: Воронцов доложил тов. Строкачу по радио, что он дошел до границы Харьковской области и просит разрешения действовать самостоятельно. И получил ответ: ему это разрешается*. Я получил радиogramму, что Воронцову разрешается действовать самостоятельно.

Я ему сказал: «Тов. Воронцов, если у Вас мало боеприпасов, то мы немного отойдем от этого места, запросим боеприпасы, нам пришлют». Он ответил: «Я все равно не соглашусь. Я соединюсь с фронтом, получу там боеприпасы, потом выйду. Знаешь, я с 41-го года воюю, я уже находился, устал, а область моя освобождена». Несмотря на все мои уговоры, Воронцов не согласился остаться. Стало быть, Воронцов вышел. У него было около 1000 человек. У меня, значит, теряются силы и вооружение. Он – самостоятельный командир, все, что ему прислали из Москвы, он взял с собой.

Второе: Семенчук** запросил тов. Строкача по радио: ввиду того, что от его области недалеко, он желает идти самостоятельным маршрутом. Обо всем этом я доложил на совещании командиров в Мащанке. Он говорил, что у него мало боеприпасов и т.д. Тов. Строкач дал мне указание: разрешить Семенчуку действовать самостоятельно. Семенчук, получив такое разрешение*, сказал мне: я решил идти вместе с вами единым маршрутом. Разрешите мне продвигаться с вами до Кировоградской области». Хорошо, пожалуйста. Остальные командиры отрядов отмалчивались.

Третье: я получил радиogramму от Мельника и Куманька – возвращаться в Хинель. И в то же время получил радиogramму от Строкача: идти на правый берег Днепра, в район Чигирин – Смела. Это было примерно 15-18-го февраля 1943 г. Я запросил тов. Строкача, чье распоряжение мне выполнять: Сумского обкома или украинского Штаба? Тов. Строкач ответил: «С сегодняшнего дня Ваше соединение действует самостоятельно, стало быть, выполняйте только указания Штаба».

Лукашов заявил, что сначала нужно получить санкцию обкома партии, а потом уже решать: выходить ли из Сумской области. Я не принял это заявление во внимание, объявил приказ штаба партизанского движения, сказав, что это – закон, соединение действует самостоятельно, и мы сейчас Сумскому штабу не подчиняемся, мы должны выполнять приказ Москвы.

* * *

Начал готовиться в рейд на Полтавщину, разрабатывать маршрут. В то время, когда я отдал боевой приказ – готовиться к выступлению, Лукашов провел заседание подпольного Конотопского райкома.

*Харьковский отряд Воронцова в Ахтырском районе Сумской области вышел в полном составе из соединения 22 февраля 1943 г. в Харьковскую область, соединился с Красной Армией и был расформирован.

**М.А. Семенчук вывел Кировоградский отряд на ст. Решетилровка Полтавской области в Харьковскую 20 февраля 1943 г., соединившись 24 февраля 1943 г. с 309-й гвардейской дивизией.

Проводил его без меня. Когда некоторые отряды уже начали выстраиваться в походную колонну, мне присылают пакет, в котором было решение бюро: не выходить из Сумской области. Затем второй пакет: решение Лукашова, который подписался секретарем Сумского подпольного обкома, о том, что он запрещает мне объявлять маршрут движения и угрожает мне партийной ответственностью, если я выведу отряды из Сумской области. И тут же заявляет, что отряды Червоный и «За Родину» не пойдут в рейд.

Я тогда вызываю командиров этих отрядов к себе. Козлова, командира Червоного отряда, спрашиваю, готов ли он выполнять боевой приказ о выступлении. Отвечает: «Готов!». Выстраивайтесь. Вызываю Кочемазова к себе. Спрашиваю, готов ли он выполнить боевой приказ. Готов. Выполняйте. Вызываю еще нескольких командиров отрядов. Доложили, что готовы. На полтора часа опоздали с выступлением, но выступили, пошли. Силы наши, конечно, ослабли с выходом Харьковского отряда.

Шли на Полтавщину. В отчете написано, что мы сделали, как мы шли. Следует остановиться на переезде через железную дорогу Хорол – Полтава. Все шло хорошо. На рассвете мы подходим к этой дороге. Капитан Кочемазов, командир Конотопского отряда, шел во главе, а Семенчук обижался, что он все в хвосте идет: «Мне коней дали плохих, они не успевают. Ездовые у меня неудачные. Дайте мне отдохнуть хотя бы одну ночь, поставьте кого-нибудь позади меня». Я ему пообещал, что возьму его с собой, но разрешаю идти только в хвосте колонны, потому что он вечно отставал, из-за него не выполнялся план марша. Так получилось и на этот раз: кони плохие, организация плохая и поминутные остановки. Я его все время ожидал, и вместо того, чтобы прийти ночью, мы пришли к рассвету.

Кочемазов имел задание: идти в голове колонны, заминировать железную дорогу, остановить движение поездов в нескольких километрах от переезда и провести все соединение через железную дорогу. Если не удастся - вести бой на флангах. Но тот просто опростоволосился. Потерял бдительность, был опьянен успехом и решил идти прямо. Отряд прошел через железную дорогу. Я колонну остановил – жду донесения. Он пропустил свой отряд и даже не остановил его. Отряд ушел дальше, на местечко Байрак [Диканьский район Полтавской обл.], и сам Кочемазов лично взялся минировать дорогу.

Он был человек по натуре скупой, это замечалось и раньше (когда требовалось раненому дать ложку меда (а бочку меда он хранил у себя в землянке в Хинельском лесу), то он собственной рукой брал ложку и говорил: «Этого хватит»). Так и тут: «насыпал в носовой платочек толу» и заминировал железную дорогу, и не в стороне на несколько километров, а прямо на переезде подсыпал под рельсу.

Диверсант знает, что надо заложить килограммов 7-10. И получился «пшик». Я посылаю к нему связного и спрашиваю: можно ли проходить. Он отвечает: «Все готово». Я отдаю команду: «Марш!» Пошли. В это время идет эшелон, нашел на эту «мину». Пошикал. Паровоз остановился, эшелон остановился, и начали поливать нас из этого эшелона пулеметным огнем. Я получил тогда 4 пробоины в своем маскхалате.

На той стороне - Конотопский отряд, он на пять километров ушел вперед. И мы с Кочемазовым не знаем, что делать. Никто не организовал наступление, командиры отрядов растерялись, Семенчук потерял голову. Вместо того, чтобы дать огонь по эшелону и заставить немцев бежать из вагонов, он повернул назад, за ним – отряд «За Родину» пошел назад. Но остальные отряды прорвались сквозь этот огонь. Много было перебито лошадей, человек 10-15 бойцов (убитыми, ранеными и пропавшими без вести]. И мы пошли вперед. Тут был убит комиссар Батюхно. В общем, получилась скандальная история. Во-первых, получился некрасивый, неудачный переход на железной дороге.

Но самое главное то, что ушли два отряда куда-то назад. Я четырех-пять дней шел медленным темпом, высылал разведку на ту сторону, стучал на радиостанцию Семенчуку – он молчит. Пропали люди. Это уменьшило наши силы еще вдвое. У Семенчука было уже в то время человек 550, отряд «За Родину» имел человек 200 и оружия массу. Кроме того, там еще остался взвод Червоного отряда с противотанковым оружием. В общем, я его ожидал, искал числа до 25-го февраля, в то время как он 24-го февраля соединился с Красной Армией и блаженствовал.

Соединение очень ослабело и в численности, и вооружении, и в уверенности действий. Потом, из числа местного населения в ходе движения по Полтавской области к нам присоединились люди, и численность дошла до 700-800 человек. Затем мы разгромили целый ряд гарнизонов, полицию, устраивали засады, брали оружие, вооружались, а затем боеприпасы стали подходить к концу.

Начиная с Сумской области, я все время просил прислать самолеты с боеприпасами и картами. Я был снабжен картами только на Сумскую область. Карты кончились, не доходя до Днепра, а дальше я должен был идти с трофейными картами. Как-то случилось, что мне не могли прислать карты самолетом. Я думаю, просто боялись лететь в степи. Что было дальше – написано в отчете. Мы прибыли в район Чигирина над Днепром, задачу выполнили. Здесь я получил задание: разыскать партизанские отряды Скирды* и Дибровы**.

Была такая радиограмма тов. Строкача. Я не знал, из каких соображений давалось такое задание, но я, будучи дисциплинированным человеком, полагал, что не имею права задавать вопросы, а найти этих людей – очень важная задача. И начал их искать. Десять суток я кружил в районе Чигирина, Знаменки, Александровки. Остановливались мы в населенных пунктах, несколько районов изучили и леса прошли. Всюду мы спрашивали, население уже знало нас. Мы на некоторых квартирах по несколько раз бывали.

Немцев мы там били.

*М.М. Скирда – секретарь подпольного обкома КП/б/ У в Кировоградской обл., командир партизанского отряда в районе Черного леса.

**И.Д. Диброва – один из организаторов партизанского движения на Кировоградщине. В 1944 г. десантирован в Словакию. Погиб в бою 11 октября 1944 г. в бою у Старой Туры. На месте гибели установлен памятник.

И все-таки на наши вопросы, что они слышали о Скирде и Диброве, ни один человек не сказал ни слова, тогда как тов. Строкач указывал, что они должны быть в Черном Лесе или в Холодном Яру.

Наконец, мы в Холодном Яру нашли партизанскую группу в землянке, они там прожили полтора года – бледные, измученные, истощенные до крайности. На люди они не появлялись, о них население не знало совершенно. Они операций не проводили. Они присоединились к нам. Единственная операция была. Когда они услышали, что мы пришли, они сделали смелую вылазку: налетели на одного полицая в селе, телефонную трубку разбили вдребезги, намяли ему бока и устроили сим актом соседних старост.

Так я потерял десять суток в поисках Дибровы и Скирды. Посылал разведку и местных жителей на поиски – все равно ничего не нашли. Только потом, в селе Котовка под Новомиргородом лесотехник сказал мне, что он – связной Скирды, и, по его словам, этот отряд действует на левом берегу Днепра, в лесах по направлению к Киеву.

Но эти поиски мне стоили очень дорого. У меня появился хвост – сильная механизированная колонна: пехота на машинах с танками и бронетранспортерами и три «Юнкерс-88», которые вцепились в меня и преследовали ежедневно в течение двух или более недель, каждый день давая бой ровно в 17.00 с немецкой точностью – по всей Кировоградской области, из района Чигирина до Голованевска. Днем нас бомбят самолеты, если обнаружат. Мы маскировались тщательно, но все-таки они нас иногда обнаруживали и тогда беспощадно бомбили до 17.00. А в 17 часов появлялись в степи на горизонте машины, танки, броневые автомобили, и начинался бой. Это было ежедневно.

В одном месте, в Троебортных хуторах, немецкие самолеты целый день бомбили соседний населенный пункт. Впоследствии мы узнали, что в этом населенном пункте сосредоточились в бывшем помещичьем доме эвакуированные из восточных областей немецкие коменданты, и они их колоутили, приняв за нас. Это был единственный светлый день на той неделе, когда мы торжествовали.

Чего мы пошли в этом направлении? Я из района Чигирин думал пройти в Черкасские леса над Днепром, а затем проникнуть на Таращу, а потом – в Киевскую область. Когда нас начали преследовать немцы, мы пытались проникнуть между Днепром и Смелой в эти леса. Но там стала серьезная преграда: немцы вкопали там на протяжении десятка километров артиллерию и стояли танки по направлению населенных пунктов – от Чубаровки, через Завадовку, Жаботин, Яблоновку, и проникнуть сюда было невозможно.

А восточнее Смелы проникнуть тоже не было возможности, потому что Смелянский узел сильно охранялся противником, готовилась оборона против Красной Армии на этом рубеже, и, таким образом, путь в Черкасские леса был отрезан. Кроме того, местность гористая, трудно проходимая для обозов, и разливался Днепр. Поэтому я запросил тов. Строкача относительно дальнейших действий в связи с тем, что Скирду и Диброву я найти не мог. Он мне ответил: «В маневре не стесняйтесь».

А посему я направился в Голованевские леса с расчетом принять там самолеты и эвакуировать раненых. Особенно мне нужно было противотанковое оружие, так как с танками мне бороться было нечем. В общих чертах я должен сказать, что рейд продолжался дальше, вперед - до Южного Буга и Одесской области.

Потом мы двинулись по Винницкой, Киевской, Житомирской областям - и в Полесье. Всюду нас народ встречал радостно. Всюду мы несли вести из советской Родины. Всюду к нам приходили люди и вступали в соединение. Приходили местные, которые говорили, что они подпольщики и хотят установить связь.

Несмотря на постоянные многочисленные бои, все равно мы останавливались в населенных пунктах - больше стоять нам было негде. И там, где мы убивали одного полицая или старосту - народ преувеличивал это во много раз. Если мы уничтожали десяток немцев, народ говорил - сто, если несколько десятков, люди говорили - тысячу. Это заставляло предателей, тех, кто был на службе у немцев, задумываться над своим положением.

Например, такой факт. Как только мы останавливались в населенном пункте, разведка сразу вылавливала старост и полицаяев. С полицаями разговор был короткий, а со старостами несколько длиннее. Старосту не имели права расстреливать без моего решения, его арестовывали. А я отдыхал час-два и ожидал, что будет. Если у моей квартиры собиралась толпа женщин, мне было понятно, что старосту надо отпустить. Если никто не приходил, старосту уничтожали. Это первое. Второе: разведка успевала расспросить население, что он за человек.

Ведь кто были эти женщины? Это были жены красноармейцев. Они собирались у моей квартиры, ждали, пока я их приму, и говорили: «Вы отпустите старосту, он нам помогает жить на свете, сохраняет от Германии, дает муки, поддерживает детей и т. д.» Я такого старосту отпускал, и молва шла об этом. Если старосту расстреливали, то народу объясняли за что. Человек задумывался, следует ли ему гнать людей в Германию, оставлять их голодными.

Вспоминается такой эпизод. Я видел, как однажды в каком-то селе Кировоградской области старый дед вышел на крылечко своей хаты и что-то митингует. Я остановился и слушаю. А он ударяет себя и кричит: «Брешуть німці, що у Сталіна хлопців нема. Бачите як їх багато, які веселі, гарні, бойові».

Немцы распространяли среди населения лживую клеветническую пропаганду о том, что Сталин улетел в Америку, советское правительство перестрелялось, Молотов - наш [немецкий]. Тимошенко взял 2000 самолетов и приземлился на Берлинском аэродроме, Москва давным-давно взята, Красной Армии нет, и немецкие войска уже за Уралом.

Все это, конечно, было разоблачено нашим появлением, нашими сообщениями о фронте, о советской Родине, о Красной Армии. Это воодушевляло народ, и, конечно, молва мчалась, опережая нас. За десяток-два километров можно было увидеть эту администрацию: чиновники и прочие бежали. Это было во всех рейдах. Если мы вели бои, то уже только с крупными силами или с теми, которые не разобрались в обстановке.

Немецкий административный аппарат был страшно перепуган*.

Это – общая обстановка рейда. Многие партизаны в этом рейде отстали, заблудились, проспали и остались и потом где-то действовали, входили в группу, и не удивительно, что впоследствии много партизанских групп и отрядов действовало на Украине. Так, например, партизан Филимоненко отстал в Одесской области, организовал на юге Киевской области партизанский отряд, действовал там, потом погиб. У меня есть письма одной женщины, которая сообщила о его смерти. Потом, приходило еще несколько чело-век, ставшие на учет во время составления отчетов, которые действовали под-польно в разных населенных пунктах.

Так или иначе, молва о партизанах распространялась среди милли-онов людей, также и литература проникала. Первоначально я хотел выйти в Молдавию, потом – в Прикарпатье, а потом, может быть, даже в Закарпат-скую Украину. Но этот рейд у меня был сорван, он у меня не получился. Я потерял радиостанцию, потерял связь с Большой Землей. Без этой связи не было смысла мне туда уходить и пропадать. Я резко повернул от Голованев-ска на северо-запад, потом на север и пошел искать связь с Москвой, в надеж-де найти соединение Ковпака, Сабурова или других.

Я знал из подготовки Сталинского рейда в Брянских лесах, что они пошли туда. Более того, готовясь к этому рейду, я изучил их маршруты по карте и знал, куда они должны идти и в каком направлении действовать. Поэтому я туда и пошел. Так все и случилось.

Куда делась наша радиостанция? Она была увезена Лукашовым. По-этому получился рейд такой незаконченный. Я вернулся в Полесье. Я совсем не намерен был идти в Полесье. Я возлагал надежды на Молдавию: там мало дорог, глухие места, где можно оперировать, принимать самолеты и т.д. Самолеты мы так и не получили. В Голованевском лесу к нам пришли три «Дугласа». Но кругом уже все горело после боя, артиллерия и два румынских артиллерийских полка обстреливали эти леса по площади, рвались снаряды, шел бой. Пилоты запросили тов. Строкача радиogramмой: что делать. Он распорядился выбросить груз наудачу.

[Шифрограмма 15 марта 1943 г. НАУМОВУ молния «Ночь на 15.03.43 вам выброшен груз с двух самолетов 16 мест. По донесению летчиков лес горел. Сигналов не обнаружено. Подтвердите. СТРОКАЧ»].

*«Дерзкая операция впечатлила представителей оккупационной администрации – гражданской и военной. В обобщающем отчете руководителей тыловой области группы армий «Юг» за первые десять месяцев 1943 г. значилось, что «в новосозданной тыловой области основная военная составляющая деятельности состояла поначалу в борьбе с бандой Наумова». О рейде глава РКУ Эрих Кох даже доносил в Берлин, в Восточное министерство А. Розенберга. По сведениям Коха, наумовцы в ходе рейда забрали на территории РКУ полторы тысячи коней, почти триста голов крупного рогатого скота, свыше шестисот саней и подвод и иное имущество. Нацистский глава Украины считал, что речь идет не о партизанском отряде, а о строевой части Красной армии... Осталось, прежде всего, беспокойство среди населения, которое полтора года послушно работало под немецким руководством и никогда не могло поверить в возвращение большевиков». Из кн. Гогун А. «Сталинские командос. Украинские партизанские формирования 1941-1944». М.: РОССПЭН, 2012.

Так самолетов мы и не получили. Поэтому мы после этого боя остались совершенно без боеприпасов. Потом уже, в боях по Винницкой и Киевской областям мы совершили ряд операций мелких и крупных из засад, отобрали у немцев оружие и в Полесье пришли в более или менее подходящем виде. Но все равно мы не унывали, коней не бросали. На коней мы пересели верхом еще в Кировоградской области, оставили только раненых на подводах.

В таком виде мы продолжали свое движение еще в Сумской области. У нас была хорошая кавалерия за счет мадьярских коней и седел. А опыт в степи показал, что удобнее всего действовать на конях, потому что это дает возможность быстро передвигаться в любой местности. Так образовалось это кавалерийское соединение. Впоследствии я его так и хранил. Позже мы научились лучше действовать кавалерией.

После тяжелых боев и переходов мы, наконец, прибыли в Полесье. [Первого апреля остановились в с. Молочки Гомельской обл.] Да, еще в Киевской области, в районе Кодры и Радомышля, я напал на следы Ковпака, который прошел здесь, рядом. Я начал интересоваться, где он прошел, и установил, что он ушел в Полесье. Там уже от местных белорусских партизан нам стало известно, что Ковпак находится там. Людей Ковпака я застал на переправе через Припять в районе Аревичи (Оревичи). По этой же переправе я переправил своих людей и коней.

И, таким образом, я встретился с Ковпаком, который был в курсе этого рейда и разыскивал меня, давая позывные. Они считали, что у меня есть радиостанция. Ковпак меня встретил довольно радостно, хорошо. Мы договорились с ним, что я займу один населенный пункт, буду отвечать за оборону в направлении на Днепр и вести разведку до Днепра. Через несколько дней после этого подошли Федоров и Мельник, и здесь произошла встреча четырех соединений. Мы собрались в этом районе. Федоров шел в это время из Черниговщины, Мельник – из Сумщины. Через радиостанцию тов. Ковпака я донес в украинский Штаб о своем прибытии, попросил радиостанцию, что немедленно, на второй или третий день было выслано.

Я приводил в порядок людей. Был принят в соединение целый ряд новых людей из Полесской области, из северных районов Украины. Со мной пришли тогда, из большого рейда, 260 человек. В последующие дни подошли еще отдельные группы, отставшие одиночки. Потом подошел Червоный отряд, который шел пешим порядком. Во всех соединениях украинских партизан появился ряд моих групп партизан: у Шитова, Маликова, Скубко, а некоторые так и осели в Винницкой области, впоследствии партизанили по всей Украине. Иногда встречались мы с ними, некоторые пишут.

* * *

В это же время, приблизительно числа 20-25 апреля прилетел к Ковпаку тов. Коротченко. Он немедленно вызвал меня к себе. Я находился в двадцати километрах от того места, где был товарищ Коротченко. Прибыл, познакомились. Он меня раньше не знал, и я его нигде не встречал.

В интимной беседе тов. Коротченко мне задал вопрос: «Вот ты генерал* теперь, большой опыт накопил. Скажи, как твое мнение, сможет Ковпак пойти на Винницу? И вообще, может ли крупное соединение действовать в степях?» Я ему сказал: «Товарищ Коротченко, я об этом думал все время, возвращаясь из рейда, подводил итоги и считаю, что соединение Ковпака в таком виде, как оно есть, будет неизбежно в степях разбито. Считаю, что Ковпак будет разбит под Винницей, потому что пешее соединение там действовать не может. Ковпак может пройти в сутки 30-40 километров и потерять боеспособность, люди устанут. Там надо проходить 100-120 километров и вступить в бой со свежими силами. Нужно иметь высокую маневренность». Не знаю, под влиянием ли этого, но маршрут Ковпаку был изменен. Он был послан в Карпаты, а не в Винницу. Я высказал свои соображения относительно действий в степях Украины. Я сказал, что действовать можно всюду, только нужно иметь другую тактику, специальную тактику, свойственную определенному району. Я сказал также, что слишком крупные соединения в степях Украины нерациональны, и обязательно такое соединение должно быть кавалерийским. Кроме того, я сказал, что лучше всего и смелее всего можно действовать в степях в условиях зимы, когда реки стали, когда кони быстро передвигаются, и обозы не отстают от конницы.

Тов. Коротченко привез мне генеральские погоны, вручил кокарду, подарил костюм, дал мне папирос высшего сорта несколько сот штук, еще другие подарки сделал, и на этом наша беседа закончилась. Я уехал к себе в отряд и заказал приготовить пышную встречу тов. Коротченко. Через два дня я послал приглашение товарищам Коротченко, Ковпаку, Федорову и Мельнику ко мне в гости. Перед этим мы разбили крупный полицейский гарнизон в селе Пирки**, недалеко от Днепра, взяли очень большие трофеи, особенно продовольствия и фуража, много сала, колбас. Соединение жило месяц роскошно. И вот, приготовили роскошный пир в селе Старый Радин.

Но, когда тов. Коротченко приехал ко мне в гости, я не смог его встретить - был болен. Я в этом обеде не участвовал, так как не мог ни пить, ни есть. Тов. Коротченко зашел ко мне на квартиру, разговаривал со мной. Я ему отвечал - писал карандашом на бумаге, так как говорить не мог. Тов. Коротченко распорядился меня лечить. От соединения Ковпака ко мне прикрепил двух врачей. Я в рейд вышел без врача. Врача я нашел в Великом Исторопе, на юге Сумской области, забрал его с собой***, но хирургических инструментов у него не было.

*10 апреля 1943 г. Шифрограмма УШПД. НАУМОВУ «Горячо поздравляем Вас Михаил Иванович присвоением Вам звания генерал-майор... ХРУЩЕВ СТРОКАЧ». Звание генерал-майор капитану М. Наумову было присвоено, минуя три воинских звания.

**«15 апреля 1943 г. партизанами под командованием М. Наумова разгромлен гебитскомиссариат и охранный отряд Комаринского округа БССР в сильно укрепленном пункте Пирки в междуречьи Днепра и Припяти...» (ЦДАГО ф. 66, оп. 1, л.д. 38).

***Советов Всеволод Евгеньевич, 1916 г.р., г. Владикавказ. Капитан медицинской службы. Участие в боевых действиях с июня 1941 г. В соединении М. Наумова с 15 февраля 1943 г., старший врач соединения. С 15 марта командир особого подразделения вооруженных раненых. Выбыл в РККА в апреле 1943 г., старший врач 491-го стрелкового полка 159-й стрелковой дивизии.

Так вот, от Ковпака ко мне прислали двух врачей с заданием: если я буду задыхаться, принять самые решительные меры оперативного вмешательства. Пролежал я несколько дней, и товарищи стали настаивать, чтобы меня эвакуировали в Москву, боясь, что я задохнусь. Тов. Коротченко распорядился отправить меня в Москву.

* * *

К 1 мая я оказался в Москве в санатории Воровского*, где мне в торжественной обстановке тов. Гречуха вручил Золотую Звезду и поцеловал. А тов. Строкач мне вручил американские часы с хронометром. Потом был устроен торжественный обед, провозглашались тосты в честь новоявленного гостя. Когда я получил свою награду, я говорить не мог, молчал, но написал записку: что я обязуюсь раздуть еще шире пламя партизанской войны на Украине и, если потребуется, пронести знамя партизанского движения до Карпат и Закарпатья среди славянских народов.

Я не выполнил это обещание, до Карпат-то я сходил, но за Карпаты не прошел. Я был ранен и контужен, но мои люди: Величко, Астахов, Лях, Ксензов, Кузнец и десятки других были выброшены на парашютах [в Чехословакию, Венгрию] и раздули пожар партизанской войны.

На аэродроме меня встречали заместитель тов. Строкача Тобулевич** и начальник санитарного отдела Штаба Мария Михайловна***. Второго мая меня перевезли в Кремлевскую больницу, потому что у меня увеличился нарыв [в горле], и я там находился на лечении в течение 20 или более суток.

Несколько раз меня навещал товарищ Строкач, который приносил папиросы высшего сорта марки «Фестиваль», и Мария Михайловна присылала мне вина виноградного, папиросы. Вообще, заботы было проявлено очень много.

Посетил меня Кищинский****, которого назначили ко мне комиссаром соединения. Затем Гаврилюк, который был у Воронцова начальником разведки в первом (Степном) рейде и просился снова ко мне. Я дал согласие, и тов. Строкач направил его ко мне.

После выздоровления я попросил тов. Строкача дать мне возможность повидаться с семьей: женой Надеждой Трофимовной и детьми. И он дал мне самолет Р-5, на котором я слетал в Пензенскую область, в город Нижний Ломов, где встретился с семьей.

*Партизанский госпиталь в Москве - первое лечебное учреждение для партизан в годы войны, организовано в ноябре 1942 г. Под госпиталь было выделено два здания: санатория им. Воровского по Ленинградскому проспекту 24, и здание бывшего санатория «Лебедь» в этом же районе (РГВА, ф. 41102, оп. 2, д. 4, л. 5). С августа 1942 г. в здании пединститута в г. Тамбов был развернут госпиталь для партизан. <http://zdrav.tmbreg.ru>

**Тобулевич - бывший нарком коммунхоза УССР, заместитель Т.А. Строкача по хозяйству.

***Попова Мария Михайловна - начальник медико-санитарного отдела Украинского Штаба партизанского движения, полковник медицинской службы, заслуженный врач РСФСР.

****Кищинский Сергей Семенович, 1906 г.р. Родом из Челябинской обл. г. Троицк. Член Винницкого обкома КП/б/ У, подполковник. Комиссар соединения с июня 1943 г. по январь 1944 г. Отозван в УШПД.

Вообще, в течение полутора лет семья считала меня погибшим, по крайней мере, сообщение такого свойства получили, потому что известно было в погранотряде, что я, будучи начальником арьергарда, был отрезан немцами, и меня считали пропавшим без вести или погибшим. Семья получала пенсию и не знала о моем существовании до тех пор, пока я из Брянского леса летом 42 года послал письмо*.

А я, в свою очередь, ничего не знал о них, живы ли они. Никакой связи не было. Но у меня родители живут на Урале, там они родились, там и теперь живут, никуда не уезжали. Я написал им из Брянских лесов письмо. Это было как раз перед выходом моим в Хинельские леса. Я написал подробно, где нахожусь и что делаю. Попросил их, если они имеют связь с моей семьей, сообщить им.

И в декабре 1942 года Надежда Трофимовна получила сообщение о том, что я жив и нахожусь в партизанах. В июне 1943 года состоялась наша встреча. Когда я уезжал [из Нижнего Ломова] в Москву, я взял с собой Надежду Трофимовну и сына Славика, которые находились со мной в санатории. Когда я собрался улетать, я отправил их обратно в Пензенскую область.

Перед тем, как выехать [к партизанам], я встречался с Никитой Сергеевичем Хрущевым, тов. Корнийцом и с тов. Гречухой** трижды. Я участвовал в комсомольском радиомитинге. Составил довольно удачную речь, пламенную. Произнес ее. Вообще, намечалось мое участие во Всеславянском митинге, но я в то время еще не говорил.

Никита Сергеевич пожелал меня видеть, познакомиться со мной. Он находился на Воронежском фронте, был членом Военного Совета. Я туда к нему вылетел с комиссаром Сабурова. Там мы провели сутки. Тов. Хрущев принял нас очень хорошо, тепло и чисто по-товарищески. Переночевали там, завтракали, обедали, ужинали. Побеседовали, познакомились.

Поговорили о задачах партизанского движения на Украине. Я сказал тов. Хрущеву, что слишком далеко меня нацеливают, что самолетами меня и ближе не снабжали, а далеко – тем более. Тов. Хрущев успокоил меня тем, что сказал: «Мы скоро к вам подойдем поближе». Пожелал нам всего хорошего, и мы улетели обратно. Перед нами стояла задача: действовать на юге, в степях.

По прибытии в Москву меня три раза вызывал тов. Гречуха. На одном из приемов я встретился с Куманьком. Еще раньше я с ним встречался на радиомитинге. Там был Михаил Сергеевич (Гречуха), Спивак*** и целый ряд других лиц из ЦК и правительства. Куманек сказал у тов. Гречухи, что необходимо сбросить в Брянские леса продовольствие на парашютах.

*Первое письмо семье на адрес штаба партизанского движения в Москве было направлено М.И. Наумовым 11 октября 1942 г. самолетом из Брянского леса.

**Гречуха Михаил Сергеевич (1902–1976). Родился в с. Мошны Киевской губернии (ныне Черкасской обл.). В 1939–1954 гг. – председатель Президиума Верховного Совета УССР.

***Спивак Моисей Семенович (1902–1985). Родился в с. Городище Белоцерковского района Киевской губернии. С июня 1942 г. по декабрь 1943 г. заместитель начальника УШПД. Член нелегального ЦК КП/б/У, первый секретарь Житомирского обкома ВКП(б) (1944 – 1949).

Я тогда сказал: «Фомич, я считаю, что нужно украинские партизанские отряды вывести из Брянских лесов немедленно, а не просить для них консервов. Они там погибнут и пользы никакой не принесут». Он мне возразил: «Нет, товарищ Наумов, мы ляжем костями, но боевую задачу там выполним».

Я не знаю, что это за задача была, и не стал дебатировать по этому вопросу в присутствии Михаила Сергеевича. Тот спросил меня, здоров ли я и что думаю делать. Я ответил, что вполне здоров и боеспособен, но выходить мне нужно не с пустыми руками. А мне нужно шесть самолетов [с вооружением], седла и сабли, чтобы сформировать конницу – мне идти в степи, а рубить нечем. И, кроме того, от этого большой эффект, когда на противника обрушиваются сверкающие клинки.

Это мне было обещано. Строкача уже не было. Тов. Гречуха дал распоряжение полковнику Соколову удовлетворить мою просьбу и высадить меня на сабуровский аэродром. Полковник Соколов не высадил меня. Прошло еще несколько дней. Он доложил тов. Гречухе, что я требую 26 самолетов. Михаил Сергеевич снова меня вызвал. Я проверил в штабе и увидел, что они мне туда включили то, что я совсем не просил, например, 76-мм снаряды. Тогда снова звонок и указание, и опять уверения в том, что они готовы меня высадить. И опять - кроме места в самолете ничего не дают.

Опять проходит несколько дней, опять вызывает меня тов. Гречуха и говорит: «Готово». Возвращаюсь от него. Из ставки пришел приказ – не давать самолеты, а бросить все на бомбежку, и Штаб остался без самолетов. В конце концов, я уже 3 раза был у тов. Гречухи, неудобно уже, нужно лететь.

* * *

Я собираю группу ребят в несколько человек, наконец, загружаю самолет боеприпасами и вылетаю. Слетали один раз – не нашли точки. Полетели на вторую ночь. В полете ничего такого не случилось.

Над Днепром нас захватил рассвет, и нас обстреляли. Но, в общем, приземлились благополучно и еще раз встретились с тов. Коротченко, Строкачем и остальными. Они хотели лететь на Липецкий аэродром. Я им сказал, что летел в это же время, и над Днепром нас захватил день, нас спасла гряда облаков. Я не рекомендовал им лететь сразу на Большую Землю, рекомендовал сесть где-нибудь на аэродром в Белоруссии и передневать там. Они так и сделали.

Прибыл я, стало быть, к Сабурову. Моего соединения не оказалось на месте. Оно куда-то ушло. По рассказам получалось, что оно находится в километрах 70-80 в Пинских болотах. Данные были такие: видно было из самолета ночью, что все населенные пункты Полесской и Пинской областей горели. Немцы организовали крупные карательные экспедиции и загнали всех партизан в Пинские болота. У Сабурова в соединении была весьма напряженная обстановка. Некоторые разведчики сообщали, что немцы в трех – пяти километрах. Передо мной встала проблема – как же добраться к соединению.

Я со своей группой пять человек привез оружие. Потом с сабуровской радиостанции попытался связаться со своей. Связь удалась.

Я вызвал разведку соединения, а сам решил выходить навстречу. Выменял у местного командира белорусского отряда за оружие пару коней с телегой, пару волов, погрузили все и поехали. Ехали два дня или больше. Меня встретила в пути моя разведка. В ее сопровождении мы ехали долго по пинским болотам. Наконец, прибыли в соединение.

В соединении я застал безрадостную картину. Командовал тогда мой бывший начальник штаба Мельник* и комиссар - Кищинский. Когда я улетал в Москву, я дал твердую директиву Мельнику: ни в коем случае не уходить на север, в белорусские леса, потому что там нет фуража, нет овса, нет сена. А у нас конница, коней нужно беречь, так как наше соединение в дальнейшем будет кавалерийским. Следует держаться где-то на опушке полесских лесов, на севере Киевской области и там маневрировать.

Вместо этого Мельник сделал совершенно противоположное: он стал в хвост Ковпаку, присоединился к нему и пошел на Калинковичи**. Потом на участке соединения произошли сильные бои с танками противника. Соединение в боях потеряло 2/3 личного состава. Два командира отрядов были убиты: Щебетун и Будаш***.

Был расформирован отряд Хрущева, оставили Червоный отряд и отряд «Смерть фашизму». Коней побросали, в том числе и моего коня, который прошел всю Украину. Он исдох от истощения и комаров. Главная разведка соединения ездила на волах. Люди оборвались, опустелись, потеряли боеспособность, скитаясь по этим лесам и болотам. Людей будто подменили. В населенных пунктах не жили совершенно, только в болотах и, конечно, вид у них был ужасный. Питались мясом. Ни хлеба, ни сала, ни картошки не было. Люди болели цынгой.

Когда я приехал [5 июля 1943 г.], я нашел их в болоте. Тишина. Выстроились. Поздоровался с ними и говорю: «Разрешаю петь песни». Эта была первая песня, которая была спета после моего отъезда. Ребята повеселели. Все меня очень долго ждали.

Сразу по прибытии туда я наметил маршрут на Украину. Я сказал: пойдем, ребята, туда, где кони бегают, и прямо проложил по карте маршрут на юг. Несколько суток мы шли полесскими лесами, через болота на юг и вышли, наконец, в Городницкий район Житомирской области. Там пришлось в нескольких населенных пунктах мобилизовать кузнецов, столяров и делать седла.

*Мельник Григорий Арсентьевич, 1917 г.р. Родом из Одесской области, село Грушка Ульяновского района. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г., ст. лейтенант. Начальник штаба соединения с 16 февраля по ноябрь 1943 г. Исполнял обязанности командира соединения с 26 апреля по 5 июля 1943 г. 2 ноября 1943 г. выбыл в диверсионный отряд А.М. Грабчака. 17 октября 1944 г. десантирован в Чехословакию, командир партизанского отряда им. Яна Козины.

**Калинковичи — город в Гомельской области на юго-востоке Белоруссии.

***Будаш Митрофан Егорович (1900-1943). Сумская обл. Ямпольский район, с. Воздвиженка. В РККА политрук артиллерийской батареи. С 1 февраля 1943 г. в кавалерийском соединении М.И. Наумова, командир отряда «Смерть фашизму» с 15 марта 1943 г. 17 мая 1943 г. погиб в бою на Воспинской дороге при защите переправы через реку Припять у села Новоселки Хойницкого района Гомельской области.

Несколько групп были отправлены на поиски коней. Искали их в немецких колониях. Одним словом, недели две-три мы занимались формированием конницы. Потом все были посажены на коней, в седла. Неделю занимались боевой подготовкой, обучением посадке, спешиванию, эксплуатации коней, учили работе коневодов.

* * *

И мы пошли на Киевскую область. Задачи выхода в Киевскую область определены в моем дневнике. Но в основном, задача состояла в том, чтобы укрепить соединение, пополнить его за счет рабочих города Киева и вообще украинского населения. Практика показала, что белорусское население не хотело выходить на Украину, многие белоруссы от Мельника бежали. Итак, надо было укрепить соединение, сформировать его как кавалерийское и проводить диверсионную работу на железных дорогах Киев – Курск, Киев – Фастов. Так определялись основные задачи соединения.

В то же время решение Политбюро определяло задачу соединения: действовать, совершать рейды в Киевскую, Кировоградскую, Житомирскую области. Это решение Политбюро ЦК КП/б/ У от 12 или 15 июня 1943 года. У меня есть выписки из этого решения.

Какую связь имеет первый рейд с освобождением Харькова? Наши войска брали Харьков два раза: зимой и летом. Сама задача, поставленная тов. Строчаком: действовать на коммуникациях Сумы – Харьков, Сумы – Курск говорит о том, что действия партизан Сумщины должны быть направлены на содействия операциям Красной Армии в наступлении на Харьков, потому что подрывались коммуникации харьковского направления. Именно мы подорвали тут несколько мостов и остановили железные дороги. Этим мы не дали немцам подвозить войска, боеприпасы. Это первое. Второе. Мы действовали по тылам немецких войск, которые удерживали Харьков.

Третье. Мы вели военно-политическую разведку в интересах наступательных операций. Я ежедневно доносил результаты своих наблюдений в штаб партизанского движения тов. Строчаку. Я доносил, по каким шоссе-ным и железным дорогам идет движение, где и какие войска и гарнизоны находятся. Я даже сообщил, что для контрудара накапливаются войска, которые перебрасываются из Франции. Мы точно установили, переходя железную дорогу Хорол – Полтава и шоссе Хорол - Полтава, что в течение последних двух недель или 10 дней движутся бесконечные немецкие дивизии СС, перебрасываемые из Франции, которые имеют целью восстановить положение на Харьковском направлении. Такие данные у меня есть. Эти данные были взяты у населения и другими путями. Эти дивизии двигались бесконечным потоком, круглосуточно.

Затем мы сообщили, в каком состоянии находится оборона Днепра, также сообщили о наличии людских резервов призывного возраста. У старост узнавал, сколько мужчин призывного возраста, и сообщал, что в населенном пункте столько-то дворов. Получалось человека полтора-два на двор.

В общем, на Полтавщине из каждого двора следили - кто проехал. Это непосредственная помощь в Харьковских операциях. Уничтоженные эшелоны, сожженные мосты, уничтоженные узлы связи – все это непосредственная помощь. Мы фактически выполняли задачу десантной части, которая была заброшена в тыл врага действовать на коммуникациях. Мы остановили две железные дороги. Это исторический факт. За эти первые две недели рейда я и получил звание Героя. Еще когда мы были в Полтавской области, я получил поздравление Никиты Сергеевича с получением звания Героя Советского Союза.

* * *

В конце июля 1943 года соединение находилось в населенных пунктах Людвипольского района Ровенской области: Старая Гута, Брониславка, и мы занимались боевой подготовкой. Было отстреляно первое упражнение по курсу боевой подготовки. Кроме того, капитан Горобец* ежедневно в течение двух недель проводил занятия по конному делу: эксплуатация коня, посадка, тренировка коноводов, разворачивание из походного в боевой порядок в конном строю и пешем, атака в конном строю.

После завершения этого этапа боевой подготовки было решено пойти в рейд по Житомирской и Киевской областям. Соединение было еще слабое, насчитывало всего 350 бойцов. Оно еще не оправилось после тех ударов, которое претерпело на Припяти, в боях, когда соединение Ковпака неудачно пыталось разгромить станцию Калинковичи и отходило на юг и юго-запад с тяжелыми боями.

Известно, что тогда основная сила удара немецкого войска пришла как раз по нашему соединению, которое выдержало натиск противника, но было значительно потрепано. Там погибли два командира отряда (Щебетун и Будаш) и вообще было много других потерь. За отличие в этих боях в приказе Ковпака выражена благодарность всему личному составу.

Итак, в начале августа соединение вышло в рейд по Киевской и Житомирской областям. Задача состояла в том, чтобы разведать Житомирскую и Киевскую области и определить возможность действовать соединению в районе Киева или Житомира и тем самым выполнить приказ ЦК о направлении действия соединения. Предполагалось найти возможность получить самолеты с грузами где-нибудь поближе к Днепру. Учитывалось, что ночи короткие, самолеты дальние рейсы не делали.

И соединение пошло по маршруту: Мочулянка, Великая Цвиля, Сербы, Слободка, Симоны, Бараши - районный центр, который был атакован, занят, но противник не был выбит, потому что находился в дотах, а у нас не было артиллерии, и мы его не могли выбить, но все же часть противника была разбита.

*Горобец Федор Яковлевич, 1914 г.р. Киргизия, г. Джелалабад. Из освобожденных партизанами военнопленных, капитан. Отряд Киевский, начальник штаба отряда с 5 февраля 1943 г. В марте 1944 г. выбыл в госпиталь по ранению.

Это была только проверка, но это дало мне уверенность пойти дальше, ближе к Киеву. Далее передвигались по маршруту: Сантарка, Старики, Шершни, Германовка, Устиновка, станция Ирша. При переходе железной дороги западнее станции Ирша на наших минах подорвался бронепоезд, который вышел, чтобы не допустить перехода железной дороги. Соединение здесь же завязало бой с заставой противника. В Ялцовке было подбито несколько автомашин, и противник понес большие потери. С нашей стороны было много раненых.

Дальше соединение переправилось через Тетерев и попало в тяжелые условия в трех километрах севернее станции Тетерев. Противник засел в населенном пункте Раска [Бородянский район], а потом был нами выбит. Так мы оказались в лесах северо-восточнее станции Тетерев. Было установлено, что все населенные пункты Киевской области в этом районе - и севернее и восточнее - заняты гарнизонами противника. Не было возможности занять ни один населенный пункт. Немцы строили оборону Киева и вокруг каждого населенного пункта строился узел*.

С большими трудностями, без дорог, без продовольствия мы преодолели эти леса и решили пробиться на север. Мы прошли через населенный пункт Унин, в этом районе снова форсировали Тетерев, потом разгромили гарнизон противника и окружили укрепленный узел в населенном пункте Олива, сожгли укрепление противника, потом вели бой в населенном пункте Гута, в районе Базар.

Потом заняли населенные пункты: местечко Ксаверов, Скураты, где также разгромили полицейские гарнизоны. Потом направились через железную дорогу восточнее станции Чеповичи в населенный пункт Устиновка. Нами было принято решение: действовать в треугольнике железных дорог: Киев - Коростень - Житомир. В этом районе партизан почти никогда не было. Только через некоторые населенные пункты - Замеры, Гута Потиевская когда-то прошел отряд Ковпака, перестоял день и ушел. Население сначала отнеслось к нам подозрительно, не высказывались, боялись с нами говорить.

Это объяснялось тем, что гестапо в этом районе выловило все подполье. В Потиевском районе было уничтожено гестапо 96 человек. То же было и в других районах. Через некоторое время население с нами подружилось, встречало радостно и оказывало всякую помощь. Мы из этого района почти не выходили в течение целого ряда месяцев (август, сентябрь, октябрь). Мы организовали разведку в Коростене и Житомире, посылали своих агентов в Житомирский гебитскомиссариат. К нам начало приходиться пополнение, сначала одиночки, потом целыми группами. Было проведено много боевых операций по очистке населенных пунктов от полиции. Наша активность росла с каждым днем. Немцы начали усиливать свои гарнизоны - в Коростене, Радомышле, на станции Малин, на Тетерева и даже в Потиевку прибыл целый батальон.

*11 августа 1943 г. был отдан приказ о немедленном строительстве линии «Вотан» «Восточного вала» - стратегического оборонительного рубежа немецких войск. Линия «Вотан» должна была соединяться с линией «Пантера», создавая непрерывный Восточный вал от Азовского моря до Балтийского моря.

Под влиянием этих событий у нас появились в штабе разногласия. Седьмого сентября [1943 г.] у меня так записано в дневнике*: «Гута Добрыньское 26 км южнее Коростеня, карта 1:100 000. Гута Добрыньское – небольшая деревня, еле вместившая наше небольшое в 350 человек соединение. Население живет бедно, скота немцы оставили мало, нет ни цыбули, ни чесноку. Молодежь угнали».

Сюда мы решили стать в результате глубоких внутренних противоречий. Мой комиссар, подполковник Кищинский, и начальник штаба [Г.А. Мельник] очень боялись, что мы засиделись в треугольнике Малин – Коростень – Черняхов слишком долго, и, пугая самих себя, создали мнимую опасность, умышленно усложняя данные об обстановке. В последнее время они требовали немедленного отхода соединения на запад, в район Емильчино – Городница.

Мне не хотелось уходить с Украины. Все это создавало атмосферу взаимного недовольства, а это отражалось на моральном состоянии бойцов и командного состава. Приходилось проводить часто совещания комсостава, где обычно я доказывал необходимость маневрировать в этих местах, необходимость разворачивать диверсионную и агентурную деятельность, доказывал, что ничего серьезного нет. На таких совещаниях командиры обычно отмалчивались. Начальник штаба дипломатично говорил, что «товарищ генерал очень много рискует, находясь в этом, безусловно, опасном месте», упомянув, что остальные генералы находятся далеко, в белорусских лесах и посылают на Украину только диверсионные группы.

Комиссар, товарищ Кищинский Сергей Семенович, обычно заявлял, что вместе с Михаилом Ивановичем и он весьма многим рискует здесь, что эта диверсионная деятельность нам так не пройдет (а мы организовывали диверсионные действия, и наша диверсионная группа непрерывно действовала и пускала под откос эшелоны). И что, наконец, сколько можно, «треба мати совість», противник может окружить. Особенно нездоровая обстановка сложилась в Червоном отряде, которым командовал Боров**, комиссаром – политрук Коренский***. И капитан Муракин**** всегда имел обильны сведения о том, что немцы разгромили партизанское соединение Сабурова, то соединения Шитова, Маликова, Ковпака, Мельника и т.д.

*Кн. Жизнь генерала Наумова. – Киев, Альфа реклама, 2015, с. 221.

http://militera.lib.ru/bio/sb_zhizn-general-naumova/index.html .

Кн. Партизанская война на Украине..., М., Центрполиграф, 2010, с. 264.

**Боров Иван Ильич, 1912 г.р. Сумская обл. Глуховский р-н, с. Суходол. В партизанах - отряд Червоный с 10 ноября 1942 г. по апрель 1944 г., лейтенант.

***Коренский Иван Петрович, 1908 г.р. Сумская обл. Глуховский р-н с. Хотминовка. В партизанах с 6 ноября 1942 г. 13 декабря 1943 г. убит бульбовцами при переходе р. Случь возле села Моквин Ровенской обл. Похоронен в братской могиле в с. Сосновое Ровенской обл.

****Муракин Павел Федорович, 1917 г.р. Московская обл., Сергиево-Посадский район, д. Уголки, капитан. В соединении М.И. Наумова с 28 мая 1943 г., помощник комиссара соединения по комсомолу, комиссар местного Рава-Русского отряда. 4 марта 1944 г. погиб в с. Завоне Львовской обл. Похоронен в братской могиле в г. Сосновка Червоноградского р-на Львовской обл.

То появлялись такие настроения, что немцы нас могут окружить, и что правильно делает Сабуров, что бережет людей, и надо идти к нему в леса. Под влиянием таких обстоятельств я решил, что один в поле не воин и уступил. Мы заняли одно село, чтобы ночью на восьмое перейти железную дорогу Коростень – Житомир и там повернуть назад.

К моменту размещения людей прибыл мой помощник по разведке старший лейтенант Гаврилюк. Он находился в группе старшего лейтенанта Величко, успешно действовавшей на железной дороге у Коростеня. Он провел там глубокую разведку вплоть до гебитскомиссариата и утром мне толково обрисовал оперативную обстановку и настойчиво просил не уступать трудностям, а предложил остаться здесь и развернуть агентурную работу, внедриться в гарнизон противника.

Общий вывод Гаврилюка: противник, как никогда, дрожит за свою шкуру, а Коростенский гебитскомиссар вопит, что он блокирован партизанами. Те же сведения мне передал и ст. лейтенант Величко. Доклад Гаврилюка укрепил мою уверенность в правильности моей деятельности и тактики, и я немедленно собрал совещание.

Гаврилюк информировал совещание, и все удивились тому, как неверно понимали обстановку. Я вынужден был в заключение сказать грубость, что вся наша полемика о тактике и стратегии партизанской борьбы вообще и действий нашего соединения, в частности, произошла потому, что в это дело вмешались сопливые стратеги, обнаглевшие до того, что обучают этому делу меня. Я приказал, чтобы замазали в дальнейшем рты и не смели больше осуждать мои решения и тактические приемы.

После этого было принято решение: остаться здесь, за железную дорогу не уходить, действовать более дерзко, расширить район действий до Радомышля. Тут же было принято решение: истребить отряд казаков, прибывших в Злобичи для уборки урожая. На другой день во время обеденного перерыва в гарнизоне казаков мы в конном строю, развернувшись в степи, на полном карьере их атаковали. Мы потеряли тут убитыми начальника штаба Хрущевского отряда Юрчишина* и пулеметчика Степаненко**.

А из полного отряда казаков и немцев прибыло в Коростень только шесть человек. Остальных мы порубили, расстреляли или взяли в плен. Захватили большие трофеи, а двигатель и немецкую молотилку сожгли, хлеб забрали и отдали населению. Больше из Коростеня никто не бывал в Злобичах до прихода Красной Армии. Даже коростенский комендант выезжал за сбором яиц для собственного пользования не далее, чем на 3-4 км от Коростеня и в сопровождении роты солдат.

*Юрчишин Федор Николаевич, 1908 г.р. Луганская область, Сватовский район, с. Мостки. По направлению УШПД в Хинели с 15 октября 1942 г. В соединении М.И. Наумова с 2 июля 1943 г. Отряд Червоный, начальник штаба отряда. 8 сентября 1943 г. погиб и похоронен в с. Злобичи. Коростенского района Житомирской обл.

**Степаненко Дмитрий Гаврилович, 1911 г.р. Беларусь, Гомельская обл. Хойникский район, с. Молочки. В партизанах отряд им. Н.С. Хрущева с апреля по сентябрь 1943 г., пулеметчик. Был ранен в бою, сочтен убитым, остался жив.

В этом районе за нами все время следил отряд националистов-бандеровцев. Мы жили то в Иогановке, то в Яновке, то в Меньковке и все время маневрировали. А этот отряд все время оставался в лесу по соседству с нами, в нескольких километрах. С одной стороны, он прикрывался нами от немцев, с другой стороны, следил за нами и изучал, в то же время налаживая связи среди населения. У меня написано об этом отряде: «В середине ночи началась тревога, обстреляли группу. Их около 150 человек. Живут только в лесу. Никаких операций не проводят. Занимаются только распространением листовок и разъясняют населению, что они партизаны «За вільну Україну». Грязные и обовшивленные, голодные.

Когда говорят о «вільній Україні» - плачут. Это вызывает смех у населения. Люди знают, что настоящие борцы не плачут. Когда бандеровцы хотят кушать, то заходят в село и собирают куски хлеба, дыбуню, чеснок и все это складывают в торбу за плечами - хотят показать, какие они есть апостолы украинского народа. Но петлюровские «старці» (как мы их называем) любят кушать и мясо. Поэтому группа этих старцев ночью крадется в село и в первой хате выкрадывают и уводит в лес корову.

Уже повсюду известно, что бандеровцы ночами крадут коров. Старцы также хотят пить и для этого берут с собою бочку с водой. Здешний народ не понимает их, и нет ни одного случая, чтобы кто-либо пошел к ним. В селе Сычевка был такой диалог между «старцем» и старушкой. Бандеровец (входя в хату): «Добрый день!» Старушка отвечает: «Здравствуйте». Бандеровец (угрюмо оглядывая хату): «Здравствуйте - там, за Москвой! .. » Старушка: «А мені - все одно де, чи за Москвой, чи тут! .. » Бандеровец (грозно, наставительно): «Не все одно: треба казати «добрий день!» » После этого вышел, оставив бабушку в недоумении.

Под Новоград-Вольнским бандеровский отряд насильно мобилизовал 26 человек колхозников, которых используют для черновых работ под строгим надзором, на ночь связывают. Одному из них удалось перебежать к нам. Он рассказывал, что все эти люди собирались перебежать к красным партизанам, причем называл их «наши советские украинцы». Бандеровцы узнали об их намерении и решили всех задушить.

Один наш разведчик, Мороз*, попал к ним в лапы - мы скоро нашли его труп с отрезанной головой. Они охотились за нашими автоматами, финками. Плохо им живется на нашей земле. Ненавидят они нас, в то же время следят за нами и держатся вблизи. Это им нужно, чтобы прикрыться нашими силами от немцев. Но нужно признать, что они занимаются серьезной пропагандой».

11 июля мы пришли в Ляхово, 26 км севернее Коростышева. Это большое село, оно обильно фруктами. Мы пришли сюда для того, чтобы и здесь показать людям партизан, а также расширить свое влияние на юг. Отвоевали территорию у противника. Народ нас принял радушно. Оказалось, что влияние противника здесь слабое, никакие мероприятия не выполняются.

*Мороз Николай Андреевич, 1927 г.р. Житомирская обл. Радомышльський район, с. Котовка. В Радомышльском отряде с 1 мая 1943 г. Убит бандеровцами 17 октября 1943 г., похоронен в братской могиле на гражданском кладбище в с. Котовка.

Как и в Потиевском районе, считали, что тут партизанский край. Мы стояли до 17 часов, после чего пошли на Заньки с расчетом переночевать и утром пойти на ст. Дубовик в двух километрах от районного центра Потиевка. Это необходимо было, потому что, по сведениям агентуры, в Потиевке была размещена отдельная рота армян-легионеров, настроение которых подавало надежду на переход к партизанам. Среди них усиленно распространяли листовки со сводками Совинформбюро. Все данные были за то, что мы будем иметь в этом деле успех. Я решил показать Потиевскому гарнизону свои силы и тем самым покончить с полицией.

12 сентября на рассвете соединение заняло село Дубовик и огороды вокруг него. Разведка знала, что противник вышел из Потиевки в 9 часов. Появилось несколько легионеров, одетых в немецкое обмундирование. Двое перебежали на нашу сторону и доложили, что около 300 легионеров и немцев наступают на Дубовик. Рота развернулась и пошла в наступление. Бой длился 4 часа. Был ранен командир Червоного отряда Боров и еще несколько товарищей.

Агентурную работу по разложению Потиевского гарнизона вели потиевские девчата во главе с Евой Мартыненко*. Она в настоящее время секретарь Потиевского райкома комсомола. После этого боя, когда гарнизон был отброшен, они начали говорить о переходе на нашу сторону. Армяне были обнаружены в районе Устиновки, в 25-30 км от Потиевки. После этого я распорядился указать им путь на Дерманку [с. Луки в настоящее время].

15-го числа [сентября] эти легионеры-армяне в количестве 242-244 человека со всей боевой техникой и оружием перешли на нашу сторону. Они боялись немцев и имитировали нападение на партизан. Искали они нас целые сутки.

Потом вызвал к себе офицера, поставил задачу – взять районный центр Потиевку. Сказал ему: если возьмете, мы поверим, что вы партизаны, не возьмете – не поверю. Они пообещали, что возьмут. Потиевка была сильно укреплена. Там был большой военный городок, огражденный колючей проволокой, было много ДЗОТов и бункеров, и взять Потиевку без авиации и артиллерии было бы трудно. Но воспользовались тем, что они отлично знали расположение, так как сами там находились.

Принимая во внимание то обстоятельство, что они изменили Родине: сдались в плен, взяли оружие врага в руки и пошли против нас воевать – все это было принято в расчет, и была поставлена перед ними такая задача. Я дал им отдохнуть два часа, заказал для них обед и велел подготовить 50 подвод. Я решил довести их до Потиевки на подводах. Через два часа так и было сделано, и я лично поехал к ним.

Поздоровался, поздравил с благополучным прибытием к партизанам, взял с них обещание, что они будут честно воевать за советскую Родину, поздравил со званием партизана и пожелал разгромить Потиевку. После обеда они были рассажены по подводам, и соединение в полном составе двинулось.

*Мартыненко Ева Никифоровна, 1923 г.р. Житомирская обл., пгт Потиевка. Активный член потиевского подполья. В соединении М.И. Наумова в отряде «Смерть фашизму» с 16 сентября 1943 г. по 30 марта 1944 г.

План операции был такой: в лоб наступают армяне, на флангах – моя колонна, а дальше - резервный Хрущевский отряд. В 12 часов ночи мы прибыли к Потиевке, и в результате боя на рассвете Потиевка была очищена от немцев. Укрепления мы все взорвали и сожгли. Так гарнизон потиевской полиции перешел к нам. Таким образом, нашего полку сразу прибыло.

Тут же я создал под командованием Грищенко Авраама Моисеевича партизанский отряд. Грищенко был раньше в Карпатском рейде Ковпака, потом прибил к мне. Я ему из партизанского отряда «Смерть фашизму» выделил человек 20 бойцов, несколько пулеметов, назначил его командиром отряда, назначил к нему еще комиссара.

Потиевский местный отряд быстро оправился и вырос в крупный отряд. Это тоже был мощный кавалерийский отряд, и я строго приказал хотя бы один или два раза, но каждый в день, приходить артиллерийский выстрел для того, чтобы создавать впечатление, что мы продолжаем тут стоять. И так было в течение несколько месяцев, до прихода Красной Армии. И все это время в районе Потиевки не было ни одного немца.

Мы поставили задачу Грищенко: в Потиевке сжечь все помещения, где были немцы. Пожар был виден на несколько десятков километров. Немцы решили, что мы еще там гостим. С этого времени дела у нас пошли совсем хорошо, силы наши очень выросли. Наш отряд уже насчитывал свыше тысячи человек, все вооруженные.

Потом нам подбросили семь «Дугласов», они привезли пушку, минометы, боеприпасы и т.д. Мы вооружились сильно. Потом мы решили свой район деятельности перенести на Тетерев, в Киевскую область.

Уже к концу сентября к нам прибыл Киевский партизанский отряд под командованием Кузнеца*, часть Белоцерковского партизанского отряда под командованием Соколова-Шелеста**, Коростышевский отряд под командованием Волкова-Кучеренко***, Макаровский – Коротюка****.

Одновременно работали с местными партизанскими отрядами – Радомышльским и Чоповичским. Были образованы два Киевских и два Макаровских отряда, и вся эта территория превратилась в партизанский край.

*Кузнец Яков Мефодиевич, 1906 г.р. Киевская обл., с. Горенка, лейтенант. С 1941 г. в подполье села Горенка. В марте 1943 г. организовал Киевский партизанского отряда. В сентябре 1943 г. вошел в соединение М.И. Наумова, начальник штаба соединения в Западном рейде. 6 сентября 1944 г. десантирован в Венгрию, Словакию, командир диверсионного отряда.

**Шелест Зосим Григорьевич, 1900 г.р. Киевская обл., с. Быкова Гребля. Командир и организатор Белоцерковского партизанского отряда «Сокол» с 11 октября 1942 г. Вошел в соединение М.И. Наумова в сентябре 1943 г. Выбыл 1 апреля 1944 г.

***Кучеренко Василий Денисович, 1915 г.р. Житомирская обл. г. Коростышев. Командир Коростышевского отряда с марта 1943 г., воентехник 2 ранга. В соединении М.И. Наумова с июля 1943 г. по апрель 1944 г.

****Коротюк Григорий Яковлевич, 1912 г.р. Родился в г. Грозный (Чечня). Командир местного Макаровского отряда с апреля 1943 г. В кавалерийском соединении М.И. Наумова с сентября 1943 г., капитан. Погиб в бою 14 февраля 1944 г. на хуторе Рейтаревичи (с. Верховцы) Самборского р-на Львовской обл. Похоронен в братской могиле в с. Крученичи Мостисского района Львовской обл.

Конница была большая – свыше 1 000 всадников, плюс Армянский отряд. Мы перевозили его на подводах. Соединение ходило под Великую Рачу, Коростень, Малин, Потиевку, Черняховку, Радомышль, Киев и маневрировало. Больше суток, как правило, мы нигде не стояли, ни в одном населенном пункте, и создавалось впечатление, что в этом районе действуют бесчисленные силы партизан, потому что вечером мы тут, а наутро – в 50 км.

Одновременно в районах – Тараща, Тетерев, Фастов, на Житомирском шоссе действовали многочисленные диверсионные группы нашего соединения. Они подрывали эшелоны, уничтожили подземный телефонный кабель Киев – Берлин [Киевский отряд], уничтожали мосты, линии связи. В результате в этих районах население не выполняло никаких немецких мероприятий. Об этом у нас было свидетельство коростенского окружного комиссара:

«Українці, українки громади Вепрін, Межирічки, Меделівки, Мірчи, Краснобірки, Ходори, Негребівка, Райівка, Вирва, Юрівка, Біла Криниця, Кримок. Супроти всім іншим громадам округи Коростишева, стоїте ви по задачі на самому останньому місці. Якщо дехто стверджує, що своєму обов'язку постачати він не може слідувати через діяльність бандитів, то це все є поважною причиною також і інших громад, не лише району Радомишля, а й в інші райони округи часто відвідували більшовицькі банди. Але, не дивлячись на те, населення виконало свій обов'язок згідно нового порядку. Тому треба гадати про вас, що ви навмисно не слідували обов'язку постачати, і не намагаєтесь, як раніше, брати участь у відбудові. Таке відношення з вашого боку є саботаж у вищій мірі. Якщо я ще до цього часу мовчав, то тому, що я гадав, що здорові, охочі до відбудови сили, візьмуть у вас перевагу. Але в тому, що в останній час появилось з вашого боку ще більше пасивності, і ви майже зовсім не здаєте, навіть по задачі зерна стоїте на останньому місці, не маю я більше приводи ще далі милувати вас. Сучасний стан на фронті, ні в якому районі не є безнадійний, бо в цю годину з'єднання сил всіх наших солдат звільнили цю країну від панування більшовизму. Кров цих німецьких солдат проливалася тут за нову щасливу Європу, в якій ви будете жити вільно та щасливо. Я спрямував тепер в останній раз до вас цей заклик – наздогнати добровільно усіма засобами те, що до цього часу пропустили. Я вимагаю, щоб ви остаточно сдали ваші поставки та наздогнали заборгованість останніх місяців.

Я вимагаю, щоб ви остаточно виконали всі останні покладені на вас плани поставок. Я вимагаю, щоб ви надалі слідували всім розпорядженням точно та добровільно. Якщо ви не послідуєте цьому заклику, ви ризикуєте на тяжке покарання. В подібних випадках я буду притягати до проведення згаданих заходів німецьких солдат. Все залежить від вас. Я сказав моє останнє слово. Окружний комісар».

В общей сложности, насчитывалось около 20 таких районов вокруг Коростеня, Новоград-Вольнского, Радомышля. Весь этот край, в числе двух десятков районов, не выполнял никаких немецких мероприятий, как по хлебосдаче, по мясopоставкам, сдаче молока, сбору яиц и по угону людей в Германию. Когда пришла Красная Армия, то все эти районы, в частности, Потиевский, сдали хлеб государству на два или три года вперед, мяса – то же самое. Население было все налицо. То, что до нашего прихода немцы могли взять там, после они уже ничего не брали.

21 сентября [1943 г.] я получил радиogramму от товарища Строкача о том, что ЦК ставит передо мной задачу – захватить на Днестре переправу в Сваромье*, чтобы оказать помощь Красной Армии в форсировании Днестра. Соединение находилось в районе населенного пункта Буки Чоповичского [ныне Малинского] района, т.е. в 160 км от Днестра. Переправу требовалось захватить к утру 23 сентября.

Одновременно с этой радиogramмой я получил боевой приказ, который привез старший лейтенант Леонов на самолете. В этом приказе говорилось, что я должен захватить (навести) переправу, и что мне в оперативное подчинение входят партизанские соединения: Шитова**, Скубко***, Олексенко****, и что комиссаром этой группы соединений назначается Олексенко.

Я не мог выполнить этот приказ. В моем распоряжении оставалось 36 часов времени, и за эти 36 часов даже по прямой полета птицы я бы не смог пройти 160 км. Задача была поставлена невыполнимая. Кроме того, эти соединения находились где-то далеко, и на это требовалось тоже время, и Олексенко неизвестно где находился. Со своей стороны, они не предприняли никаких мер, чтобы прийти ко мне.

Однако я все-таки пошел, но дойдя до населенного пункта Майдановка Бородянского района, мы встретили сильное сопротивление немцев и вели с ними бой в течение дня. Разведаль, выяснил обстановку и установил, что дальше на западе организована оборона немцев, и в конном строю туда не проникнуть. Местность там лесная, болотистая, управлять конницей в такой обстановке чрезвычайно тяжело, и я запросил украинский Штаб – что делать? Или я вынужден бросить коней и этим разрушить конницу?

Еще при выходе во второй рейд я планировал себе к осени оформить крупное конное соединение для того, чтобы потом, когда будут длинные ночи и короткие дни, пройти всю Украину и, может быть, распространить партизанское движение в Бессарабию, Молдавию и т.д., или выйти в район Черновиц, на Буковину. И теперь эти мои планы рушились. Из Штаба я получал много указаний, в особенности через полковника Соколова. Было принято решение: разрушить конницу. Всех коней и седла мы оставили в лесу, в районе Меньковка Потиевского района. С этой целью мы оставили Макаровский партизанский отряд под командованием Плаксина*, чтобы хотя бы часть коней он увел в лес и распределил среди населения.

*Утром 28-го сентября батальоны 842-го и 836-го стрелковых полков, переправившись через Днестр, расширили плацдарм до Лютежа (8 км западнее Сваромье). Этот плацдарм впоследствии стал называться лютежским, с него наши войска перешли в решительное наступление и 6 ноября 1943 г. освободили столицу Украины Киев.

**Шитов И.И. (1916–1945). В партизанах с октября 1941 г., командир соединения отрядов Каменец-Подольской области, которое действовало на территории Житомирской, Каменец-Подольской, Ровенской областей.

***Скубко И.Е., командир Каменец-Подольского партизанского соединения им. Г.К. Жукова.

****Олексенко Степан Антонович (1904–1976). С 1938 года – зав. отделом ЦК КП(б) Украины. С мая 1943 г. по март 1944 г. – начальник Штаба по руководству партизанским движением в Каменец-Подольской области.

И соединение направилось на Киев. К этому времени уже была получена следующая радиограмма и поставлена задача: атаковать и прорваться к Киеву с запада, если возможно, раньше частей Красной Армии. Задача была весьма ответственная и рискованная. Захватить Киев – это все-таки не Злобичи. Но приказ есть приказ, и соединение с большими боями в районах Тетерева, в населенных пунктах Кодра, Радомысль и др. прорвалось на запад, сосредоточившись в Клавдиевских лесах, в двух километрах южнее станции Клавдиево, в 40 км от Киева.

Во всех населенных пунктах: Клавдиево, Королевка, Михайловка, Забуянье, Бородянка и др. находились большие силы противника: танки, артиллерия, пехота и пр., а далее, на восток от Клавдиевских лесов, находилась позиционная оборона противника, которая доходила вплоть до Днепра – с траншеями, артиллерией и пр. Была организована разведка. Ее вел местный партизанский Киевский отряд под командованием Миндича** и Тарасова***. Киевляне лазили по всей обороне противника и дали точные сведения не только о каждой артиллерийской батарее, а и о каждой пушке, где и у какого дома она стоит – полные сведения о немецкой обороне в районе Киева.

Но в это время, 25-го сентября, точно не помню, был получен отбой из Штаба: соединению Киев не атаковать, а уходить на запад. Противник готовился к разгрому соединения, но оно своевременно отманеврировало в леса, вело большие бои с противником, но прорвалось на запад, к населенным пунктам Ульяновка, Германовка, Иогановка, Рышавка, Семеновка, Емильчино.

Соединение к этому времени состояло из отрядов: имени Хрущева, Червоного, «Смерть фашизму» (Конотопский отряд), им. Микояна (Армянский отряд), Киевского, Макаровского, Коростышевского. Самым сильным отрядом в это время был отряд им. Микояна. После разгрома Потиевки я сказал армянам на похоронах их офицеров и бойцов, которые погибли во время этого боя, что я признаю их партизанами и удовлетворяю их ходатайство – присвоить этому отряду имя тов. Микояна. Оставил командира этой отдельной группы Осипяна**** командиром отряда. Из отряда был образован батальон из трех рот. Пришли еще другие армяне. Командирами рот стали командиры взводов, командирами отделений остались те, которые были.

*Плаксин Георгий Тихонович, 1918 г.р. Тамбовская обл., Кирсановский район, д. Николаевка. В РККА с 1940 г. В партизанах начальник штаба, командир Макаровского отряда. Погиб 2 марта 1944 г. в бою в с. Купичволя Львовской области.

**Миндич Борис Абрамович, 1916 г.р. г. Киев. Отряд 3-й Бородянский, помощник начальника штаба. 20 декабря 1943 г. выбыл в связи с расформированием отряда.

***Тарасов Николай Яковлевич, 1909 г.р. Отряд Киевский местный с 26 августа 1943 г. 20 декабря 1943 г. выбыл в связи с расформированием отряда.

****Осипян Арамаис Меликович, 1918 г.р. Армения, Иджеванский район с. Севкар, старший лейтенант. Один из руководителей подпольной группы в лагере для военнопленных в г. Пулавы, Польша. В партизанах командир Армянского отряда им. А.И. Микояна с 16 сентября 1943 г. по 1 апреля 1944 г.

Никакой реорганизации в отряде я не делал. Они были в немецкой форме, в касках, со своими традициями и действовали по немецкой методике и тактике. Я только дал туда комиссара – Павловского Юрия*, начальника штаба – капитана Лобача Федора** и помощником по хозяйственной части – партизана Козеху***.

Наиболее сильным из всех отрядов был отряд им. Хрущева и партизанский Червоный отряд. Сильным отрядом, не столько по численности, сколько по боевой закалке и дисциплинированности был Киевский партизанский отряд Кузнеця. Эти отряды могли спорить друг с другом в любом отношении. Это была большая сила. Все эти перечисленные отряды я называл кадровыми партизанскими отрядами, т.е. отрядами, которые находятся при мне, у меня в руках как единая войсковая часть.

Кроме этих отрядов, самостоятельно действовали под нашим контролем партизанские отряды: Потиевский кавалерийский, с которым мы время от времени встречались, Радомышльский пеший, Малинский, второй Макаровский, Чоповичский кавалерийский. И, уходя из Клавдиевских лесов, я оставил тут местный Киевский отряд, написал ему приказ, дал ему свою радиостанцию и поставил задачу:

- организовать оперативную и тактическую разведки киевского узла обороны [противника]. Эта разведка была осуществлена полностью. Фронтальной разведке наши партизаны-киевляне передавали все сведения;

- организовывать диверсии на коммуникациях противника в районе Киева. Это было организовано;

- железнодорожный мост через реку Бучанка был взорван Киевским партизанским отрядом. Гарнизон был снят, и мост взорван, и железная дорога Киев – Курск остановилась перед штурмом Киева Красной Армией;

- организовать указание ракетами расположение артиллерийских складов и баз противника в районе Бородянка – Клавдиево. И разведчики Киевского отряда указали нашей бомбардировочной авиации, где находятся склады;

- возложена задача на местный Киевский отряд: в минных полях Клавдиевского леса сохранить 10 человек наших раненых бойцов и командиров, организовать уход за ними, а потом передать их в госпиталь Красной Армии [что и было выполнено].

*Павловский Юрий Афанасьевич, 1904 г.р. Из военнопленных, освобожденных партизанами на станции Ворожба Сумской обл., ст. политрук. Отряд Армянский им. А.И. Микояна, комиссар отряда, редактор партизанской газеты «Народный клич» с 17 февраля 1943 г. Погиб 18 октября 1943 г. в районе сел Вышевичи - Белка Житомирской обл. в бою с полком СС «Бранденбург».

**Лобач Федор Павлович, 1917 г.р. Минская обл., г. Борисов. В партизанах из освобожденных 14 февраля 1943 г. военнопленных на станции Ворожба Сумской обл., ст. лейтенант, отряд Армянский им. А.И. Микояна, начальник штаба отряда с 17 сентября 1943 г. 12 февраля 1944 г. погиб в бою у с. Туринка Жолковского района Львовской области. Похоронен в братской могиле на кладбище в п. Магеров Львовской обл.

***Козеха Иван Михайлович, 1908 г.р. Сумская обл. Глуховский район, с. Бачевск. Отряд Котопский «Смерть фашизму» с 15 ноября 1942 г. С 1 февраля 1943 г. в соединении М.И. Наумова. Помощник командира отряда по хозяйственной части. Погиб 18 октября 1943 г. в районе сел Вышевичи - Белка Житомирской обл. в бою с полком СС «Бранденбург».

И все эти местные некадровые отряды обязаны были оставаться в своих районах до прихода Красной Армии с тем, чтобы сберечь население от угона в Германию, сберечь населенные пункты, скот и урожай, создавать видимость, что соединение находится в этих краях.

А соединение взяло курс на запад. Следует сказать, что противник вцепился в нас в лесах в районе Тетерева, Радомышля и не отпускал нас до самого Емильчино. На всем этом маршруте в течение двух недель мы вели кровопролитные бои с немцами. Они нас преследовали постоянно, они встречали нас у Малина, Радомышля, Житомира, Коростеня, Емильчино, Новоград-Волынского, Белокоровичей. Возвращаясь сюда, мы частично опять восстановили свою кавалерию, так что можно считать, что половина людей была на конях, половина – пеших.

Особенно напряженные бои шли в районе Рышавка, где мы разгромили немецкую колонну, отобрали у них много оружия, в том числе пушку захватили, и далее с боями откатывались все дальше на запад. Следует упомянуть, что в бою за Вышевичи погиб комиссар Микояновского отряда Павловский и помощник по хозяйственной части Козеха. Павловский был со мной еще в первом рейде. Это был культурный командир с высшим образованием. Он был редактором нашей газеты «Народный клич», был толковый парень.

Козеха был партизаном еще из Червоного, Эсманского отряда и был со мной с самого начала партизанской деятельности. Это был отъявленный партизан по натуре. Его родной брат был полицаем, кажется, в селе Бачевск. Их хаты стояли рядом. Полицай сжег хату брата-партизана с его семьей, с тремя детьми. Козеха напал на семью своего брата-полицая и уничтожил его семью и хату. Такая жестокая борьба происходила на Сумщине в 42-м году между партизанами и полицаями.

Вот, эти два товарища погибли, и еще много людей из других отрядов погибли в этих боях. Конечно, эти продолжительные ежедневные боевые действия истощили нас во всех отношениях. Люди похудели, устали в этих боях, было человек 100 или более раненых, тяжело раненых. Отощали наши кони, мы не имели времени их кормить и поить – день и ночь в боях, и переходы тяжелые. Истощились у нас и боеприпасы.

* * *

К Емильчино мы подходили почти совершенно не имея боеприпасов. Но в Емильчино стоял пятитысячный гарнизон немцев, казаков, полиции. Полиция была из Сумской области. Мы захватили там списки Ямпольской полиции. Они получили данные своей разведки и от местного населения, что от Киева идет соединение Героя Советского Союза Наумова, громит всех, кто попадет под руку и следует прямо на Емильчино. В Емильчино началась паника, причем, у них имелись данные, что у меня имеется 17 000 штыков и сабель. Паника разразилась такая, что этот гарнизон решил бежать на Новоград-Волынский.

И когда моя разведывательная группа появилась недалеко от Емильчино, они начали спешно бежать, причем, оттуда ничего не забрали. В Емильчино осталось 100 000 центнеров зерна – продовольственного и фуражного.

Осталось несколько сот тысяч центнеров забуртованных овощей, склады сушеных фруктов, табака, сахара, несколько сот голов крупного рогатого скота, собранного немцами. Но самое главное и ценное для нас было – это патроны. Они оставили около миллиона патронов.

Это было 13-го ноября 1943 года. Часть патронов захвачена была в складах, часть сгорела в двух казармах, много патронов мы натаскали из реки, из-под мостов. Под этими мостами глубокие омуты, и они туда сбросили очень много патронов. В последний момент своей эвакуации из Емильчино они вспомнили, что не погрузили семьи немцев, казаков и полицаев, и поэтому боеприпасы сбросили в реку, а семьи погрузили. А мы все это вытаскивали. Было много винтовок, пулеметов.

Занят был город Емильчино. Мною был написан приказ, отпечатан в типографии. Городская типография была на полном ходу. Запустили электростанцию, городские бани, кинотеатр, где мы дали 14 концертов самодеятельных, причем, каждый отряд подготовил самодеятельный художественный вечер.

Вот, например, сегодня Киевский партизанский отряд устраивает вечер – афиширует это по всему городу и занимает весь вечер своим художественным творчеством. Все отряды дали по вечеру, некоторые отряды дали по два вечера самодеятельности. Основной материал самодеятельности: декламация, пение концертное и сольное, танцы, также сольные номера, музыкальные номера на баяне, на гармонии, на гитаре и т. д. Там же, в кинотеатре, мы проводили и собрания.

Заняв Емильчино, я решил там отдохнуть после всех боев, тем более что материальная база была налицо. Нужно было оперировать раненых и лечить их. Их было больше сотни. Кроме того, нужно было провести санитарную обработку всего соединения. Запустили в ход городскую баню, дезкамеру и начали пропускать организованно отряды через баню. Мы их 2 или 3 раза пропустили через баню и дезкамеру. Привели людей в порядок. Надо было поправить и лошадей. У нас было огромное количество хлеба, и лошади питались очень хорошо.

Потом нужно было ожидать самолеты: у меня не было шифров, нужны были медикаменты. А главное – противотанковые патроны. Винтовочных патронов у нас было достаточно, не было взрывчатки для диверсионных работ, поэтому я решил держать городской аэродром. А наличие ДОТов (это наш бывший укрепленный район) позволяло держать прочную оборону в городе. Кроме того, большой военный городок в центре Емильчино, обилие ДЗОТов, сделанных немцами, позволяли держать прочную оборону.

Чтобы народ не бездельничал, я стал создавать литературно-художественную творческую группу. Созвал несколько совещаний и поставил задачу: писать историю соединения или, во всяком случае, описать отдельные эпизоды, которые помогли бы мне потом отчитаться за партизанскую войну и являлись бы дополнением к отчету. Что там и начато было. Три недели мы стояли в Емильчино и писали. Условия для этого были подходящие: хорошая квартира, электрический свет, хорошее питание – все это позволяло нам разумно провести время.

Было решено все запасы хлеба раздать населению, партизанским отрядам и соединениям. В течение трех недель шли бесконечные вереницы подвод в обе стороны по всем дорогам – люди развозили хлеб. У меня сохранились в архиве целый ряд отношений всех партизанских отрядов и соединений того края: Шитова, Маликова, Мельника, Андреева и т. д., которые стояли в западных лесах и просили дать им пшеницу, овес, табак, сахар и пр. Все получали, за исключением Андреева [в дневнике М. Наумов называет Шитова], которому было отказано в оконных рамах и дверях для землянок.

Населению города Емильчино и прилегающих населенных пунктов было разрешено брать и вывозить из этих складов зерна столько, сколько они хотели. Приезжали за хлебом люди из дальних районов: Новоград-Волынского, Олевского, Людвипольского и даже из Белоруссии. Немцы шесть раз пытались нас атаковать, но были побиты и изгнаны отсюда с позором. В это время шли упорные бои в районе Коростеня, Житомира и Брусилова, но это нас мало беспокоило, и мы там упорно держались три недели.

День конституции - 5 декабря мы решили отметить грандиозным митингом, но в эту ночь на нас напали немцы. Подошла сильная дивизия с танками и артиллерией, которая повела планомерное наступление в середине ночи на Емильчино. 12 часов шел упорный бой.

Мы нанесли им большие потери: сожгли три их танка, сожгли ДЗОТы в Емильчино и благополучно отманеврировали на Подлубы. Отошли организованно, не бросив ни одной повозки. Правда, потопили пушку в реке. Я знал, что мы ее бросим, потому что приказал зажечь мосты. А мосты были сожжены, потому что в город прорывались танки.

В Емильчино в общем мы простояли 21 сутки. Пожили весело, кони поправились, раненые больше чем на половину поднялись. После боев за Емильчино мы отошли на свои старые квартиры в Брониславку и Старую Гуту Людвипольского района.

Соединение сюда вернулось сильным, могучим. В Емильчино ко мне влилась еще тысяча партизан. Правда, часть из них пошла в местные отряды, но и к нам многие отошли. Емильчинских мужиков я собрал в кинотеатре и провел с ними воспитательную работу. Сформировал отряды самообороны и заставил их вооружиться своим оружием. На речке был легкий ледок. Дядьки эти начали нырять и доставать себе оружие. Впоследствии эта самооборона была зачислена в отряд, и все они пошли с нами.

В общем, около тысячи человек мужского населения пополнили наши ряды, и уже в Людвипольский район мы вернулись огромной силой – в наших отрядах было около двух тысяч человек.

Так как мы никогда не имели привычки возить с собой обозы, продовольственные и фуражные, мне предлагал комиссар в Емильчино: вывезти часть продовольствия в лес и закопать на всякий случай. Я ему сказал: «Сергей Семенович, если мы закопаем в лесу продовольствие, мы воевать не будем. Давай лучше будем воевать, а не продовольствие охранять». И никаких запасов не оставили себе, за исключением нескольких тонн муки, которые Кузьмин придержал как аварийные запасы.

* * *

Пришли в Брониславку. Нужно питаться. Положение там было очень тяжелое. Со всех краев, где украинские националисты вырезали польское население, люди собрались сюда. В каждой хате проживало по несколько семей поляков. Продовольствия у них не было, они голодали. Среди них свирепствовал тиф. Рассчитывать нам, конечно, было не на что. Там был еще ряд населенных пунктов, которые занимали шитовские партизанские отряды.

Мне ничего не оставалось, как идти за Случь, в бандеровские или бульбовские националистические края. За Случем, в населенных пунктах Моквин, Костополь и др. свирепствовали националистические отряды, так называемые бульбовцы. Опорным пунктом у них был населенный пункт Быстричи. Я знаю, что Шитов давал в Штаб радиogramмы, что за Случем бульбовская территория, на реке Случь – граница, которая обозначена красными флажками – пограничными знаками, и туда ступить ногой невозможно, потому что там сильные бульбовские отряды.

Но так как у нас кушать было нечего, то я приказал сразу же атаковать эти Быстричи. Направил туда несколько отрядов, которые заняли Быстричи и Моквин, а также ряд других населенных пунктов, и там стали. Вышибли оттуда националистов. Потом те ходили в контратаку. Причем, интересно: наступают, впереди идут с винтовками, ружьями и стреляют. А где-то позади идут секирники с секирами в руках. Назначение их такое: первые огнем должны обработать противника, опрокинуть его, противник побежит, и в это время выпускают секирников, которые должны рубить противника.

У них были две самодельные пушки на деревянных станинах. Все это было разбито в щепки, опрокинуто, и они панически бежали. Впоследствии были захвачены их документы разведывательного характера, из которых было видно: их руководитель Хмара писал, что неудача бульбовцев в бою за Быстричи с красными партизанами произошла, «потому что ковали недостаточно доброкачественные гарматы».

Потом еще был отвоеван ряд населенных пунктов и проведены операции по заготовке фуража и продовольствия. Богатства там было очень много всякого. В общем, мы Людвипольский район наводнили и фуражом и продовольствием. Улучшили положение местного населения, вывели тиф, усилили питание и оздоровили население. Стали там на отдых.

Потом националисты призвали к себе на помощь немцев, и впоследствии мы уже за Случем воевали с немцами. Там же, в районе Брониславки, мы оборудовали аэродром для посадки самолетов. Но самолеты к нам все-таки не прислали. В это же время украинский Штаб настаивал на том, чтобы я вышел в район Шепетовка – Здолбунов для диверсионной работы. Но у меня не было ни грамма взрывчатки, ни топографических карт, ни шифродокументов, не было радиопитания. Я боялся потерять связь.

Все, конечно, можно было достать – кроме шифродокументов. Поэтому я решил выждать, пока пришьют. Но в Штабе этого не понимали и не высылали мне ничего, а только настаивали и ругались, что я не выхожу.

Чтобы отряды не бездельничали, мы все-таки решили выступить в Городницу, занять город, где, говорили, стояло соединение Андреева. В ночь под Новый 1944 год мы стояли в Городнице. Встретили там Новый Год под гром выстрелов – и весь новый год у нас прошел в боях с немцами. Немцы отступали от Коростеня через Городницу крупной силой, им некуда было податься. Они решили во что бы то ни стало прорваться через Городницу, и им удалось это. Мы отошли от Городницы после суточного боя.

Вышли в порядке оттуда. Правда, Андреев обещал мне на оборону Городницы держать 700 человек, а в действительности держали только 200, а остальные были в лесу. А потом и эти 200 человек под атакой немцев не выдержали и сбежали, отдали часть города в руки немцев, и мне пришлось вытаскивать свои отряды. Однако славно провели Новый Год – немцев били по обе стороны Случа.

Потом пошли опять на Брониславку, где и встали. Через несколько дней мы соединились с Красной Армией. Вскоре Городница была взята дивизией генерала Сараева*. Я к нему приехал в Городницу [5 января 1944 г.], переночевал у него, приглашал его смелее продвигаться вперед до Случа, но он не решался несколько суток... Мы вместе с генералом Сараевым решили [захватить] город Березно, угол обороны противника. Эту операцию мы выполнили. Руководил операцией Кузнец. Он атаковал Березно с запада. Я в это время на операцию не ходил.

Почему я соединился здесь с Красной Армией? Вот почему. Дело в том, что в декабре мне прислали из Штаба радиogramму, что самолетов не дадут, и чтобы я послал свои обозы за боеприпасами через фронт в Овруч, где развернута база партизанского штаба. Я собрал 100 пароконных подвод и поручил провести эту операцию отряду Микояна. Командиром был Осипян, комиссаром Величко, начальником штаба Лобач, помощником по хозяйственной части – Соколов-Шелест.

Отряд Микояна с подводами насчитывал в то время около 400 человек. В таком составе он двинулся в направлении на Белокоровичи. Здесь благополучно прорвался с боем через немецкий фронт, имея только несколько человек раненых, и вышел в Овруч за боеприпасами.

Там боеприпасов не оказалось, и он подался на Чоповичи. Здесь их тоже не оказалось. Потом их отправили в Овруч, нагрузили там 100 подвод, и они направились обратно. Отряд нагрузили снарядами, минометами, дали медикаменты, две противотанковые пушки, ружья противотанковые, несколько пулеметов, шифродокументы, несколько радиостанций. С таким грузом они прибыли в то время, когда я соединился с Красной Армией.

*Сараев Александр Андреевич (1902–1970). Родился в д. Плесниха Кадниковского уезда Вологодской губернии. С 1930 г. в погранвойсках. Генерал-майор, командир 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД СССР, отличившейся при обороне Сталинграда. 5.02.1943 г. дивизия переформирована в 181-ю стрелковую дивизию в составе 13-й армии 1-го Украинского фронта.

Из Штаба шли угрожающие радиogramмы одна за другой. Потом я выяснил, что это всех укоряли, а писали мне - Наумову. Уверяли меня в том, что я бездействую в то время, когда все остальные соединения ушли далеко на запад, предлагают мне немедленно выйти в рейд, со всеми вытекающими последствиями, если я не выполню этого. Я оправдывался, объяснял, что у меня нет шифродокументов, взрывчатки, топографических карт. Но все это не помогало.

Наконец, отряд прибыл, оружие, боеприпасы были распределены. Пристреляли мы опять свое оружие, отработали со всеми бойцами, выбраковали всех престарелых, искалеченных, женщин, которых у нас было около 80 человек, [подростков] – разрешили им отправиться домой. В общем, выбраковали сотни три и собрались в третий рейд. Так закончился второй рейд – соединением с Красной Армией и разгромом опорного пункта в Березновском районе*.

Как проявил себя Кузнец? Я доложил об этой операции тов. Строкачу и он ответил, чтобы я представил участников к награде. Я представил. По предложению тов. Строкача Кузнец был представлен к ордену Красного Знамени. Чтобы выйти в тыл врага, на запад от Березно, надо было форсировать Случь. Река вскрылась. Кузнеца это не остановило. Люди, сняв сапоги, обмундирование, голые форсировали эту реку и вышли в тыл к врагу, вышли к Березно с запада. Предполагалось, что когда начнется артиллерийская подготовка и атака частей Красной Армии, противник побежит на запад и будет расстрелян нашими отрядами. Но артиллерийская подготовка запоздала на двое суток.

Мои партизаны лежали на снегу. Потом ударил мороз. Они лежали полтора суток и вынуждены были сняться и пойти в атаку на Березно. Кузнец действовал, конечно, правильно. Удалось только расстрелять пару машин жандармерии. Там сосредоточились жандармы из Крыма, все они с началом операции начали бежать на этих автомашинах из Березно, и как раз нарвались на засаду Киевского партизанского отряда и были расстреляны – только офицеров человек 40 или больше. У меня даже трубка была шефа жандармерии, документы, кресты и т.д. Потом Кузнец организовал атаку на Березно с запада. В результате атаки партизан город был взят. Правда, с этой стороны (показывает на карте) подошли танки на подкрепление, но потом операция развернулась, и противник был выбит. Операция продолжалась трое суток.

* * *

Теперь эпизод с польскими патриотами. Подошел я к Брониславке, соседний населенный пункт занял подполковник Вуек с отрядом в 800 человек, имея много пулеметов – десятка полтора станковых и штук 40 ручных пулеметов. Начали мы заводить с ним дружбу, налаживать отношения.

*«8 января 1944 г. Соединения партизанских отрядов под командованием М.И. Наумова и И.И. Шитова во взаимодействии с 362-м и 271-м стрелковыми полками освободили местечко Березно Ровенской области». *Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.* – Киев, 1985.

Этого Вуека* я узнал, когда он был у меня в гостях [в Брониславке]. Знал, что он выброшен на парашюте из Лондона, окончил в Лондоне Академию Генерального штаба и прислан для организации партизанского движения. Характерно то, что население Людвипольского района было под его влиянием, и к нам в партизаны не шел ни один человек, а к нему шли все. Я узнал, что Вуек раньше служил здесь, был начальником разведки. Мы с ним наладили добрососедские отношения и держались, друг на друга не нападали. Он меня несколько раз приглашал к себе в гости, но я не находил времени, а у меня он был 2-3 раза.

Вскоре за ним подошел отряд НКГБ СССР под командованием Богунна и Карасева**, с которым мы некогда служили в одном погранотряде в Могилев-Подольском. Богун мне сказал, что гнался за Вуеком в течение ряда месяцев и не может его поймать. Когда они прибыли ко мне после боя с бандеровцами, он был крайне утомлен. Он был абсолютно неспособен справиться с Вуеком и открыто попросил меня содействовать ему в захвате Вуека с его штабом и документами. Это было очень важно – у Вуека были важные сведения.

Я сказал, что у меня с Вуеком отношения налажены, и он в любое время приедет ко мне в гости. Богуну необходимо было пригласить к себе Вуека в гости, но у него не было ни мяса, ни хлеба, ни самогонки, чтобы организовать приличный стол, а все-таки общество должно быть большое. Нужно, чтобы был не только я, но и мои офицеры, его офицеры, Вуек и пр. При этом, операцию нужно было совершить очень тонко. Ни нападать мы, конечно, не могли на него, ни в борьбу ввязываться. Это было бы политически неправильно.

В то же время я заявил Богуну, что драться с Вуеком не буду и не хочу, чтобы поляки знали, что я буду участвовать. И чтобы у меня в соединении никто, кроме меня, этого не знал. Был принят такой план: сначала мы познакомимся, погостим у меня, потом на мои средства Богун организует у себя завтрак. Тем временем люди и кони отдохнут. Ведь нужно будет быстро идти из этого района на север, в белорусские леса, на аэродром.

Так все так и получилось. После гостевания у меня Вуеку должны были объяснить, что их приглашают к Богуну, в соседний населенный пункт. Все они перепились мертвецки и не помнили, как они оказались у Богунна со всем штабом и документами, а потом уехали куда-то в Белоруссию.

*В. Коханьский (псевдонимы «Бомба», «Вуйко») - командир польского отряда Армии Краевой. Никакой помощи оружием и боеприпасами польские центры самообороны не дождались. В июле-сентябре 1943 г. отряды Шитова вместе с отрядом В. Коханьского «Вуйка» охраняли сбор урожая на полях сел Костопольского района от нападений бульбовцев и немецких карателей. В ноябре 1943 года 1-й полк соединения И. Шитова и отряд «Вуйка» Коханьского вместе с польским отрядом им. Дзержинского разбил группировку бульбовцев (более 2 тысяч человек) недалеко от с. Старая Гута, которые потеряли около 500 сечевиков убитыми.

**Карасёв Виктор Александрович, 1918 г.р., из г. Елец Липецкой обл. С 1935 г. служил в погранвойсках. Подполковник, командир разведывательно-диверсионного отряда НКГБ СССР «Олимп» (сентябрь 1942 г. - февраль 1945 г.), действовавшего в Украине (Ровенская область), Белоруссии, Польше, Чехословакии, командир партизанского соединения им. Александра Невского. Герой Советского Союза (5.11.1944 г.)

В этом польском отряде, оставшемся без единого офицера, получился разброд, люди не знали, куда делись офицеры. Знали, что гостили у меня, гостили в польском селе, распрощались, я его отправил, потом оказалось, что он неизвестно куда уехал и пропал. А потом он оказался в Москве. Потом было сообщение нашей крупной прессы о том, что делает эмигрантское польское правительство, какие козни оно устраивает.

Это было сделано очень просто: они уехали домой, а по пути их взяли – без выстрела. Дескать, какие-то украинские националисты захватили Вуека и неизвестно куда дели. А отряд его рассыпался.

Это все о втором рейде.

* * *

Теперь переходим к третьему рейду.

С прибытием отряда им. Микояна из Овруча с транспортом, боеприпасами и оружием мы приступили к деятельной подготовке для выхода в рейд. Это был нелегкий рейд. Я предвидел трудности последнего рейда. Во-первых, нужно было перейти фронт. Затем, нужно было идти по западным областям Украины, где свирепствовало националистическое движение. Много всяких дорог, сами дороги как будто вас держат – шоссейные, железные и прочие, бесконечная путаница дорог. Много рек, которые надо было форсировать, пограничных линий, какая-то старая граница с Галицией и другие границы; сокращение оперативного плацдарма вообще в связи с отходом противника на запад, плохая зима.

Даже в ходе подготовки к рейду я заказывал отрядам приготовить сани, потом я заказывал приготовить телеги. Не поймешь на чем ехать – то снег есть, то он растает. Потому и на реках нужно было ожидать наводнения, а не льда. Затем, неудача Ковпака в тех краях, куда нас нацеливали. Это всем партизанам было известно. Кроме того, опыт показывал, что в тех краях вообще не развернулось партизанское движение.

Все это, конечно, пугало и командиров и партизан, которые смутно догадывались о конечной цели рейда. Потом, приход Красной Армии также сказался, так как нужно было уходить в тыл к врагу.

Вот все это определяло трудности предстоящего рейда. Да и, правду сказать, что и остальные партизанские соединения не хотели туда идти, это чувствовалось. Ко мне приезжали Шитов, Маликов, ряд других командиров, которые все вокруг да около говорили о задачах выхода в рейд, но ничего реального не предпринимали. Говорили: надо обсудить, договориться. Но о чем договориться? Очевидно, о том, как бы не выходить.

Укомплектовав самое необходимое и снабдив соединение, я решительно пошел на запад. Наметил переход фронта в районе Степань [поселок в Сарненском районе Ровненской области на реке Горынь], которая была уже занята Красной Армией.

И в ночь на 26 января [1944 года] мы начали переходить фронт на запад от Степани в лесу. Тьма непроглядная, шел дождь. На лесной дороге ночью нам встретились войска партизанских соединений Сабурова, Маликова, Шитова, Скубко, Буйного [Грбчака] и других.

В общем, они закупорили мне все дороги, и сколько я ни бился, сколько не требовал, никого из командиров найти не мог. Сколько ни работали нагайками мои разведчики, ничего добиться не смогли. В конце концов, получилось, что мои обозы перепутались с их обозами. Приближался рассвет. Не хватало только авиации противника, чтобы ударить по этому скопищу в десяток тысяч людей. Нам пришлось повернуть на Степань. Тут я остановился. Причем, тут рассказывали страшные вещи, что там самолеты их бомбили, танки напирали – короче говоря, идти на запад невозможно.

Однако это меня не смутило. Я провел совещание с командирами и сказал, что мы на запад пойдем. Когда освободились переправы через реку Степань, мы вышли на следующую ночь опять туда же и пошли. Прошли через линию обороны удачно, но на второй оборонительной полосе, в районе реки Стырь, мы наткнулись на серьезное препятствие. Снег сошел, началось наводнение – вода в реке поднялась.

Немцы даже отдельных разведчиков обстреливали батареями. На западном берегу Стыри оборона была прочной. Тогда пришлось повернуть на юг и выйти восточнее Луцка. В это же время в тыл противника по этим же лесам входили Первый и Второй кавалерийские корпуса [РККА]. Один должен был атаковать Луцк, а другой – Ровно*. Пользуясь этим обстоятельством, я решил, что в тот момент, когда они ударят по Луцку и Ровно, я должен между ними проскочить в тыл.

Так и сделал. В нескольких местах мы разгромили гарнизоны и оборону противника и благополучно вышли южнее Луцка в местечке Торговица. Там навели переправу через реки Стырь и Икву, форсировали и ушли на запад. В отчете это все подробно показано.

Я должен отметить, что не было желания у других командиров соединений идти на запад. Можно было бы пройти на запад всем, как и мне, но они не пошли, и не проявлено было должной настойчивости руководства, чтобы послать их туда. Через некоторое время я попросил Штаб ориентировать меня, где находятся другие соединения. Мне ответили: «Вы находитесь западнее всех». Еще там, в тылу, находилось соединение им. Ковпака под командованием Вершигоры**.

С ним я встретился в районе г. Горохов, в с. Печихвосты, в 10 км от Горохова, но Вершигора доложил в Штаб, что занял Горохов. Когда мы вошли в Горохов, я тоже доложил, что занял Горохов. Меня спросили: как это так? Я его таки занял, и мы стояли там двое суток.

*Ровно-Луцкая операция. Части Первого гвардейского кавалерийского корпуса В. К. Баранова утром 2-го февраля заняли Луцк. В течение почти всего февраля 13-й армии Н. П. Пухова пришлось вести жестокие бои за удержание Луцка. Город Ровно освобожден войсками 1-го Украинского фронта 2 февраля 1944 г.

**Вершигора Петр Петрович (1905 – 1963). Родом из селе Севериновка ныне Каменского района Приднестровья, генерал-майор, Герой Советского Союза (7 августа 1944 г.), писатель, автор книг «Люди с чистой совестью», «Карпатский рейд», «Рейд на Сан и Вислу» и др., лауреат Сталинской премии второй степени.

Я съездил к Вершигоре, мы провели с ним вечер, взяли условный код для взаимной связи по радио и договорились идти параллельно: он несколько севернее, я – южнее. Впоследствии у нас завязались бои. Вершигора об этом знал и решил мне не отвечать, чтобы я не пришел туда и не притянул к нему беды. Больше у меня встреч с ним не было в этом рейде.

Таким образом, мы вышли в третий рейд.

* * *

Итак, соединение совершило всего три рейда. Первый был совершен из района Хинельских лесов Орловской области через степные районы Украины и проходил по территории следующих областей [административное деление на 1941 г.]: Сумская, частично Курская, Полтавская, Кировоградская, частично Одесская, Винницкая, Киевская, Житомирская и Полесская. Первый рейд закончился в Полесской области. Я говорю «закончился», потому что в Полесской области соединение имело возможность сделать передышку после боев и трудных переходов. Соединение нуждалось в отдыхе, а Полесье давало возможность отдых организовать.

Первый рейд продолжался около 70 суток. За это время было пройдено расстояние свыше 2 000 км, и среднесуточная скорость движения составляла 45 км. Это только средняя цифра. А некоторые суточные переходы составляли 120 км. И в то же время, в некоторых местах соединение останавливалось до трех суток. С точки зрения военной, темпы движения соединения степными областями Украины, пожалуй, беспримерны. Может быть, Махно еще так ходил, как мы. По крайней мере, я не знаю таких случаев, чтобы в течение двух с лишним месяцев воинская часть шла со средней скоростью 45 км. По нашим военным уставам считается нормальным форсированный суточный переход конницы 60-70 км, но это не может долгое время продолжаться. Через пару таких форсированных переходов обязательно нужно дать отдых.

Правда, в истории Отечественной войны есть пример, когда конница пробиралась со сталинградского участка фронта на другой участок фронта и прошла около 500 км маршрута со средней скоростью 50 км*. Правда, они совершали дневки. Да, я считаю, что нормально воинская часть не может совершать такой ход, потому что конский состав не выдержит такого напряжения.

И если наш конский состав выдержал такое сильное напряжение, то только потому, что мы имели возможность заменять коней. Во время рейда можно было наблюдать такую картину. Соединение идет вперед, позади можно было видеть отдельных брошенных коней, которые по инерции продолжали свой путь за соединением. Некоторые шли, пока не падали и так прекращали свое движение.

*25 января 1943 г. штаб Северо-Кавказского фронта поставил перед конно-механизированной группой генерала Н.Я. Кириченко задачу: «С утра 25.01.1943 г. наступать на Батайск для удара в тыл ростовско-батайской группировке противника. Казаки-гвардейцы прошли около 500 километров с боями в кратчайшие сроки, в условиях бескормицы конского состава, в тяжелых условиях местности, испытывая большие лишения. В. Зайдинер, С. Ковынева. - Газета Донской маяк, 23.04.2017 <http://gazeta-dm.com/article/63032/>

Следует отметить еще одну особенность наших рейдов, как первого, так и второго. Это совершенно демонстративная борьба украинских партизан на глазах народа. Мои партизаны не знали ни землянок, ни шалашей, ни походных кухонь, ни котелков, ни вообще никаких предметов бытового обслуживания. Не было этого. Все было рассчитано на то, что мы должны были жить и воевать в населенных пунктах Украины.

Мы нигде не применяли никаких маскировок. Единственная маскировка, которую мы применяли – это была маскировка от воздушных налетов противника. Соединение останавливалось для отдыха, для фуражки лошадей и питания людей только в городах и селах. Демонстрация нашей непокорности немецким порядкам или, вернее сказать, что непокорность украинского народа в моем соединении была доведена до того, что я не снимал свои золотые погоны и ордена, так, в генеральской форме со своей Золотой Звездой и орденами я ехал на коне.

Я считал, что такими действиями мы поднимаем народ на борьбу с немецкими захватчиками. Да так оно и было. У меня был товарищ, который действовал в Таращанском районе Киевской области, в подполье. Он мне рассказал, что когда мы уходили в дальний рейд, он стремился связаться со мной, но не удалось встретиться. Но наши подвиги и боевая смелость заставили их группу выйти из подполья и так же смело и энергично действовать. Это не единичный случай. Таких случаев было много.

Еще следует отметить одно обстоятельство – каждый партизан и партизанка являлись как бы агитаторами среди населения за правду о советской Родине. Кроме листовок, газет, разных воззваний, которые мы печатали в портативной типографии, мы ежедневно, в порядке политической работы доводили до всего состава сводки Совинформбюро. И не нужно было быть каким-то мудрым пропагандистом, чтобы рассказать населению то, что мы слышали.

А сказать населению каждый партизан или партизанка имели возможность. Мы каждый день находились в каком-то населенном пункте: или мы там стояли, или отдыхали, или проходили через него. И естественно, что, заняв населенный пункт, в каждой хате находился партизан, который рассказывал то, что он знает о событиях на фронте.

Народ на оккупированных территориях интересовался событиями на фронтах Отечественной войны. Таким образом мы разоблачали клеветническую пропаганду, которую распространяли немцы. И народ узнавал правду о Советском Союзе, о Красной Армии, о ее победах и достижениях. Конечно, эта молва быстро распространялась среди населения, ширилась и далеко опережала.

Еще следует отметить одну особенность – это своеобразная тактика партизанской войны в степях Украины. Ее коротко можно сформулировать так.

1. Гибкая маневренность партизанского отряда, способность к быстрым передвижениям.
2. Партизанский отряд, действующий в степях Украины, никогда не должен базироваться на одном месте.

По крайней мере, у меня было правило: не останавливаться более суток в каждом районе и этим не давать противнику возможность подтянуть крупные силы и блокировать нас.

3. Нельзя стеснять партизан, действующих в степях, какими-то рамками границ района или области. Нельзя их привязывать к одному району, нужно давать им полную свободу действий. Очень часто определенная обстановка диктует партизанскому отряду уйти из данного района в другой какой-нибудь, и когда оперативная обстановка улучшается в пользу партизан, этот отряд или соединение может вернуться туда обратно.

4. Наилучшее время для действий в степях Украины – зима. Зимой долгие ночи и короткие дни. Отряд может в течение ночи пройти большой путь, будучи незамеченным с воздуха самолетами противника.

Короткий день не дает возможности противнику организовать операцию по окружению партизан. Противник, узнав о появлении партизан, с рассветом, часов в 8 утра высылает разведку, и эта разведка часам к 12-14-ти доносит, сколько и где примерно партизаны. И только уже часов в 15-17 противнику удается выдвинуть какую-нибудь часть для наступления на партизан. Начинается перестрелка с заставой, а когда дело дойдет до боя с главными силами, начинается вечер. А вечер позволяет партизанам или прорваться под покровом ночи в недостижимое для врага место, просто его обмануть и уйти незамеченными в другой район.

Зимнее время позволяет форсировать реки в любом месте. Ледяной покров на реке является тем мостом, который нужен, и позволяет обойти любое узкое место, где ожидает партизан противник, и любой гарнизон, любой узел сопротивления. Зима также в условиях боевых действий создает выгодные условия для партизан и невыгодные для противника. Партизаны, занимающие населенные пункты в степях Украины, чувствуют себя гораздо лучше, чем противник, который несет потери не только от огня, но и от холода, от мороза. Зима также позволяет при хорошей организации обороны не выпустить из населенного пункта ни одного доносчика, а летом, маскируясь растительностью, доносчики могут пройти незамеченными, как доносчики от партизан, так и лазутчики от противника.

Еще нужно сказать, что летом противник в положении «к бою» быстро разворачивается в степи на машинах и быстро маневрирует. Мне десятки раз приходилось наблюдать, как немцы наступали на нас в степях, разворачивая свои машины. А глубокий снег затрудняет это продвижение, и машины могут проходить только по расчищенному шоссе, по снегам же они совершенно не идут. И обозы противника не в состоянии за нами угнаться, потому что у них были тяжелые лошади-арденцы или заклеянные лошади (на копыте стоит номер), и противник не имеет права бросить такую лошадь. А нас это обстоятельство не останавливает, так как мы можем бросить лошадь на одном берегу, а на другом берегу взять другую такую же лошадь. А противник не имеет права это делать.

Еще одно существенное замечание. В условиях зимы обоз партизан продвигается легко и быстро. Снег – и сани скользят где угодно: по ухабам и ямам, там, где повозка может застрять и поломаться. Повозки часто опрокидываются, а сани нет, они никогда не опрокидываются.

Затем: сани идут бесшумно, тогда как телега громыкает, особенно на мостовых, и такой создается шум от колесного обоза, что за десятки километров слышно, и это тоже невгодно. Но это совершенно не значит, что нельзя действовать в степях летом.

И летом в степях можно действовать, и лучше действовать, конечно, легким конным отрядам, но можно действовать и крупному соединению, но при одном условии: чтобы от раненых все-таки освобождали, чтобы присылали самолеты и вывозили раненых. Раненые – это основной бич для партизанских отрядов в степях.

Нужно прямо признать, что за все время моего действия на Украине, я все-таки считаю, что я все время действовал южнее всех соединений на Украине. Возьмем любой год партизанской войны. 1942-й год, лето. Все отряды, включая даже Ковпака, находились в Брянских лесах. Ковпак в июне 1942 года вышел из Путивльского района в Брянские леса и оставался там вплоть до Сталинского рейда. Я же находился в то время в Хинельских лесах со своим Эсманским отрядом и действовал в лесах Сумской и других областей. Еще был партизанский район, но все равно ни один отряд, даже Федорова, и тот не был на той географической параллели. Все они были значительно севернее. Если все это проанализировать, это будет совершенно бесспорно.

Вот 1943-й год. Первый рейд, который доходит до Одесской области, до берегов Южного Буга. Конечно, нечего говорить, что кто-либо еще в это время там был. Лето 1943 г. Мое соединение действовало под Киевом, под Житомиром, и ни одного соединения там не было. Я знаю, что под осень 1943 года соединение Андреева вышло в Барановский район Житомирской области, это было южнее Житомира, но все-таки сам Андреев со своим штабом находился в Городнице, в лесах. А таких соединений я не знаю, кроме Ковпака, который находился в Карпатах, и Мельника, который прошел степями несколько дней, был разбит и не оправился до прихода Красной Армии.

Таким образом, возвращаясь к тому, что эвакуация раненых из этих южных точек не была поставлена на должную высоту, и этим мало занимались. И мне ничего не оставалось, как из первого рейда уйти из Украины в Полесье для того, чтобы поправить свои дела, эвакуировать раненых и получить помощь боеприпасами и вооружением.

Служба самолетов была организована, к сожалению, так, что она мало способствовала развитию партизанского движения на Украине. Для того, чтобы получить помощь самолетами с Большой Земли, нужно было идти в белорусские леса на сабуровский аэродром. Я хочу сделать такой вывод: прежде чем посылать крупный партизанский отряд или соединение в украинские степи, нужно заранее подпереть его мощными самолетами, которые бы систематически освобождали отряд от бремени раненых. Я в степях Украины находил все: оружие, боеприпасы, находил это у немцев и отбирал лошадей, продовольствие, обмундирование – все, что необходимо было для жизни воинской части. Я не находил только одного – способа эвакуации раненых.

Еще в Голованевских лесах убежали от меня несколько командиров отряда – Лукашов, Козлов, Грищенко. Они испугались и противника, и бремени раненых. Они ставили вопрос: что будет с ранеными?

Раненые нас сковывали, мы не могли быстро идти. И, в конце концов, они решили по-своему: чтобы не погибать всем вместе, они просто сбежали со здоровыми. Это и было основной причиной их бегства.

А в общем, в этих трех рейдах боевая деятельность соединения выглядит таким образом. В период наступления Красной Армии на Харьков и Курск соединение содействовало боевым подвигам красноармейцев. Оно имело прямую задачу: ударить по коммуникациям врага, едущего на Курский фронт. И этот удар был сделан. Соединение подняло много тысяч людей на вооруженную борьбу на харьковском направлении, в тылу врага, и тем самым отвлекало какие-то силы противника как на довольно значительных объектах, так и в борьбе с народным движением.

В период подготовки операции Красной Армии по освобождению Киева соединение действовало на важнейших коммуникациях противника, идущих в Киев: на железной дороге Киев – Коростень, где были уничтожены десятки немецких эшелонов, на железной дороге Киев – Фастов – Житомир, на шоссейной дороге Киев – Житомир, на житомирском шоссе. Соединение также отвлекало на себя немало сил противника, который гонялся за соединением в районе Киев – Житомир.

Главную часть войск немцы сосредоточили на обороне административных центров, важнейших производственных объектов и особенно – на охране железнодорожных станций и мостов. До сих пор еще видны следы больших оборонительных подземных сооружений противника у Житомирского шоссе или у железных дорог. Вообще, эти коммуникации действовали благодаря тому, что ливнем пуль из пулеметов противник прочесывал прилегающую местность. И они были густо расположены: через каждые 500 – 100 метров стояли огневые точки. Немцы отвлекали крупные силы для охраны и обороны крупных ж-д узлов Киев – Житомир – Коростень.

В период третьего рейда соединение способствовало подготовке операций Красной Армии по освобождению Львова. Я вам приведу такой пример. В последнем рейде было сброшено под откос несколько десятков эшелонов на железнодорожных путях Львов – Варшава, Львов – Рава Русская, Рава Русская – Ярослав, а также в результате боя соединения на магистрали Львов – Перемышль. Там бои продолжались свыше 30 часов непрерывно. Мы немцев расстреливали прямой наводкой и нанесли им крупное поражение. Мы отразили 7 крупных атак в 14-ти км восточнее Перемышля, и сколько раз сами переходили в атаку (в Дрогобычской области). В одном бою убили немецкого генерала, повредили ж-д мосты и вынудили противника издать приказ о прекращении ночного движения по ж-д линии Львов – Рава Русская – Ярослав.

И после наших боев и операций в течение полутора месяцев ночного движения на этих дорогах не было. А это немало значило в то время, когда готовились операции Красной Армии по штурму Львова. Магистраль железной дороги Львов – Варшава двухколейная, и там движение круглосуточно по несколько эшелонов. И остановка ночного движения поездов дорого стоила немцам. Когда мы шли в третий рейд, то у меня была мысль разгромить ж-д узел Рава Русская, где было только 250 немцев.

Но я, связанный жесткими сроками, вынужден был спешить, а когда я шел обратно, там уже были оборонительные бои, и стоял гарнизон в десять тысяч человек, не считая того, что в соседних городах и местечках стояло огромное количество войска. Этот пример показывает, сколько войска стояло у противника на охране этих железнодорожных станций. Для противника эти станции и узлы имели в то время важнейшее стратегическое значение, и естественно, противник не жалел сил и средств на оборону этих пунктов. И так было всюду.

Кроме того, для борьбы с соединением было брошено несколько дивизионов. Под Перемышлем мы дрались с очень крупными силами. Когда привезли в Москву и Киев английских летчиков, они рассказывали, что против соединения было брошено несколько тысяч, около 40 000 войск противника. Была брошена целая дивизия эсесовцев «Галичина», усиленная танками («Тигр» и «Фердинанд») и самолетами. Конечно, все это отвлекалось от восточного фронта.

Я считаю, что в итоге деятельности соединения в трех рейдах мы непосредственно способствовали освобождению Харькова. Партизаны моего соединения способствовали освобождению Киева и Львова, как и диверсионные акты Киевского отряда, который взрывал мосты, склады и пр.

Было ли все это стихийно, по моему капризу? Нет. В первый рейд я пошел по решению ЦК и приказу Строчака. Во второй я пошел также по решению Политбюро ЦК КП/б/У от 15 июля 1943 г. о состоянии и дальнейшем развитии партизанского движения на Украине, где было написано: «Возложить на партизанское соединение Наумова задачу совершить рейды в южную часть Житомирской и Киевской областей и северную часть Кировоградской области, преследуя цель связаться с партизанскими отрядами т.т. Скирды, Дибровы и другими действующими партизанскими отрядами в районе Чигирин, Смела, Знаменка Кировоградской области, а также организовать постоянные диверсии на железнодорожной магистрали Белая Церковь – Смела – Знаменка и нападать на судоходство противника по реке Днепр».

Теперь у Вас возникнет вопрос: зачем я записывал в дневник о наших противоречиях в руководстве, в частности, с Мельником и Кищинским. Что, они не хотели выполнять решения Политбюро ЦК? Нет. Потому что мы не знали об этом решении. Оно пришло к нам только в январе 1944 года. А радиограмма об этом решении до нас не дошла. Я информировал вас о том, что я встречался с товарищем Хрущевым, тов. Коротченко, беседовал о судьбах партизанского движения с т.т. Корнийцом и Гречухой, и с тов. Строчаком, но не было документа, во исполнение которого я бы просто запретил всякие разговоры о том, чтобы вернуться в леса на север.

И в третий рейд я пошел не по капризу, а была прямая директива, приказ лично тов. Хрущева. Что же получается? Получается, что все три рейда были совершены по непосредственным указаниям Центрального Комитета Коммунистической Партии большевиков Украины. Эти рейды были совершены в толщу украинского народа. Они пришлись как раз по сердцу Украине и, конечно, не могли не вызвать такой реакции, как развертывание всенародного партизанского движения на Украине.

И если кто-нибудь сейчас может сказать и доказать, что он начал партизанскую войну самостоятельно, без помощи ЦК, то это, конечно, бахвальство. Соединение несло знамя партизанской борьбы на Украине по указанию ЦК и, конечно, оно подталкивало десятки и сотни групп и, может быть, тысячи одиночек-партизан на вооруженную борьбу с немецкими оккупантами.

* * *

И весь путь отмечен красной чертой – кровью этих партизан, которые погибли в борьбе. По всему боевому пути разбросаны могилы наших партизан: похоронено где 5, где 10, а где и 35. И, безусловно, эта борьба не прошла бесследно – она вызвала активизацию партизанского движения на Украине. Конечно, не только рейдами ограничивалось влияние на партизанское движение.

Успехи нашей Армии на фронтах Отечественной войны еще в большей степени способствовали этому. Но успехи успехами, а народ мог спокойно сидеть и ждать, пока их освободит Красная Армия. И нужно было кому-то проложить путь, показать героический пример бесстрашия и научить народ как нужно действовать, как бороться с немцами.

Конечно, на Украине было много очагов народного фронта, к которым мое соединение не причастно. Были, конечно, тысячи и тысячи людей, которые вели самостоятельную борьбу, как, например, «Молодая Гвардия» и другие партизанские отряды, которые действовали в Сталинской, Днепропетровской областях, и в самой Одессе. Но рейды моего соединения показали народу, что не только мелкие группы борются с немцами, пишут листовки и пр., но есть целая воинская часть, партизанская часть, которая ведет совершенно открытую борьбу. В этом свете, стало быть, я и расценивал решение ЦК о проведении рейдов в степях Украины как мудрое решение, направленное на развертывание партизанской войны в южных районах.

Например, в Полтавской области. Что может быть степнее Полтавской области? А Андрей Лях* пришел ко мне оттуда, он был родом из Белоцерковки Великобогачанского района. Когда я остановился в населенном пункте Байрак, в 8 км от Белоцерковки, ко мне пришли несколько ребят, молодых людей, которые заявили о своем желании поступить в партизанский отряд, и они были приняты в отряд им. Хрущева. Я беседовал с ними и интересовался: что делает молодежь. Они сказали, что знают в Белоцерковке Ляха Андрея, комсомольца, который имеет свою комсомольскую группу, и эта группа совершает мелкие боевые операции. Они убили несколько немцев, забрали несколько автоматов и мотоциклов. Они проживают тут же, в Белоцерковке. Я послал одного из ребят вызвать ко мне Ляха. Он долго искал Ляха. Лях сначала боялся идти, но потом прибыл.

*Лях Андрей Кириллович, 1924 г.р., с. Белоцерковка Великобогачанского района Полтавской области. В соединении М.И. Наумова с 22 февраля 1943 г. Отряд им. Н.С. Хрущева, разведчик, адъютант командира соединения. 26 января 1944 г. выбыл по ранению. 26 июля 1944 г. десантирован в район Низких Татр, Словакия, комиссар 1-й Словацкой партизанской бригады им. М.Р. Штефаника (командир П.А. Величко).

Я сказал, что мне требуется проводник – перейти шоссе Хорол – Полтава. По этому шоссе из Франции на восток шли моторизованные колонны, танки. Он взялся за это дело, и я увидел, что это партизаны действительно. Он сказал, что готов сдать свое вооружение и со своей группой поступить к нам в отряд. И он был принят в отряд им. Хрущева. История его своеобразна. Он был в концлагере в Киеве, несколько раз попадался немцам. В нашем соединении он пробыл до начала третьего рейда, пока не был ранен националистами. Потом, в Чехословакии, был комиссаром бригады Величко*. До рейда Андрей Лях искал случая напасть на немца, и после рейда, даже за Карпатами, он всюду искал немцев.

Потом, в Кировоградской области, когда соединение стояло в населенном пункте Снежково [Светловодского района], из с. Иваньковцы [Знаменский район] прибыл ко мне человек (его фамилия была у меня записана, но документ не сохранился). Он сказал, что он – кандидат в члены партии, и что его прислал начальник Иваньковецкой полиции связаться со мной. Этот начальник полиции якобы был командиром подпольного партизанского отряда и имел в своем распоряжении около 200 подпольных партизан. Они хотели бы получить помощь, чтобы выйти из подполья и развернуть партизанскую войну.

Но случилась такая беда. Вскоре после этого разговора, он еще был у меня, началось наступление немцев на Снежково, и завязался [26(28) февраля 1943 г.] сильный бой, который продолжался до вечера. В ходе боя я этого парня упустил из виду, он ушел от меня. А потом мы отманеврировали в другое место, и так эта связь у нас не состоялась. Поднялся ли этот отряд – я не знаю. От него же я узнал, что на конном заводе на станции Лекаревка [Александрийский район] имеется крупный партизанский подпольный отряд, который имеет не один десяток пулметов.

Я имел намерение туда пройти, но потом, в силу сложившейся обстановки, не удалось задержаться в этом районе. Это второй случай. Затем, в Винницкой области, припоминаю много случаев, когда ко мне на штаб-квартиру приходили отдельные люди. То же было и в Киевской, и в Житомирской областях. Но ввиду того, что я тогда спешил в Полесье и не имел связи с Большой Землей, я не задерживался в этих местах. Нужно было дать отдых соединению, нужно было эвакуировать раненых, и у нас не было боеприпасов.

О боеприпасах я начал сигнализировать еще в Сумской области. Дошел до Днепра, потом в районе Чигирина я просил самолет с боеприпасами, но мне не высылали. Я просто это отношу за счет негибкости оперативного отдела Штаба. Тов. Строкач мне обещал, но оперативный отдел Штаба, видимо, просто не обращал на это должного внимания и не обеспечил. Это обстоятельство, бедность в боеприпасах, все время меня терзало.

*Величко Петр Алексеевич, 1911 г.р. Казахстан, Алма-Атинская обл., Талды-Курганский район, с. Столбы. В РККА с 1932 г., ст. лейтенант. 29 мая 1943 г. десантирован в соединение М.И. Наумова., командир диверсионной группы, начальник штаба соединения во 2-м рейде, комиссар спецразведотряда в глубоком тылу противника. 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию в район Низких Татр. Командир 1-й Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника. Почетный гражданин ряда населенных пунктов в Словакии.

Особенно – отсутствие противотанковых ружей. Было всего одно ружье, а танки все время наседали, и я не мог с ними бороться. Будь у меня какой-нибудь десяток противотанковых ружей, я мог бы постоять еще неделю. Позже у нас были противотанковые ружья и пушки. Обычно начиналось с наступления танков. После того, как мы подбиваем один-два танка, противник обычно уходил. Мои ребята привыкли к этим танкам, подпускали метров на 100-200 и ударяли из ружья или пушки. Танк горит, и на этом заканчивается дело.

* * *

Задача соединению в третьем рейде сводилась к тому, чтобы выйти в район Самбор – Комарно Дрогобычской [ныне Львовской] области и организовать там диверсионную деятельность. Но для диверсионной деятельности необходима взрывчатка. Эту взрывчатку я получил, и то в небольшом количестве, только в январе [1944 г.], причем, во второй половине января, и то каким способом. Я послал отряд им. Микояна с сотней пароконных подвод прорваться через фронт в район Белокоровичи – Олевск, получить там взрывчатку и боеприпасы и вернуться.

Для нас это вообще было проблематично. Овруч был занят Красной Армией, и там была база украинского Штаба. Некоторые соединения свободно к Овручу подходили и получали там боеприпасы, а я находился далеко, по ту сторону фронта, в тылу противника, и я не знаю, почему мне поставили задачу своим обозом проникнуть за боеприпасами. Ведь я должен был прорваться за линию фронта. Люди прорвались один раз. Они опять должны были бы прорываться. Но случилось так, что в Овруче боеприпасов не оказалось. Они поехали в Чоповичи и проехали две с лишним недели, а то им и повторно нужно было бы прорываться через фронт, и их могли разбить. Меня упрекали в радиোগрамме, что я задерживаюсь [с выходом в рейд]. Но все это было как-то неосновательно, несолидно*. Этим и объясняется, что с выходом в рейд я опоздал немного. И этим объясняется, что я в третьем рейде очень спешил.

Было бы очень заманчиво разбить Самборский узел, но я не имел времени, у меня истекал срок. Но все это половина беды, а главная беда была вот в чем: выйти в район Самбора я вышел, но удержаться там не мог ни единого дня. Причиной этому была отвратительная зима. Все мои расчеты строились при планировании рейда на том, что я буду иметь все-таки зиму, а посему были заготовлены для обозов сани. Но я вынужден был все оставить в Брониславке и выйти в рейд уже на телегах, потому что снега не было. Это было в конце января [1944 г.].

Шли дожди, небольшой снежок, потом – опять дожди и т.д. По карте видно, что путь в Дрогобычскую область лежит через многочисленные мелкие речонки, которые от дождей в зимнее время наводнялись, вздувались и являлись серьезной помехой, не говоря уже о том, что нужно было форсировать реку Горынь.

*Письмо М. Наумова Н. Хрущеву 19.01.44 г. ЦДАГО Украины, ф. 66 оп. 1 д. 13.

Затем река Стырь – немалая река с обрывистыми берегами и быстрым течением, затем река Западный Буг, затем Днестр с многочисленными притоками. Все это крупные реки, и все в том районе, где проходили главные коммуникации Варшава – Львов.

Вместо ожидаемого снега на полях в течение всей зимы держалась непролазная грязь, которая сковывала нас сильнее противника. Затем – густая сеть шоссейных дорог, которая сама опутывала нас бесконечными окружениями, кольцевала нас и давала возможность врагу кольцевать нас все время. Затем – непрерывные дожди мешали нам эвакуировать раненых самолетами. Самолеты к нам не шли из-за плохой погоды.

Таким образом, прорвавшись в Дрогобычскую область, в район Самбор, соединение не могло там оставаться. И еще: мы не могли прямо идти в Карпаты, потому что немцы, наученные примером Ковпака, очень боялись за свой нефтяной район в Карпатах и приняли все меры для того, чтобы не пропустить соединение на юг. Они заняли все переправы через самые мелкие речки, укрепили эти пункты, поставили гарнизоны в каждом населенном пункте, в каждом фольварке на юг от железной дороги Перемышль – Львов до Самбор – Стрый.

Стало быть, отсутствие зимы в этом районе заставляло нас бесконечно драться на переправах за мосты. Форсировать же реки вброд в условиях зимы, причем, наводненные, не представлялось возможным, потому что все броды были затоплены. К примеру, река Сан в районе Лежайска [Польша] в сухое время года имеет брод. Когда же мы подошли к этому месту и хотели вброд форсировать реку Сан, то оказалось, что уровень воды поднялся на 4 метра. Кроме того, ряд мостов немцы убрали на свою сторону, а там, где мосты оставались, поставили сильную оборону, которую мы не в силах были сломать.

Попытавшись прорваться в район Самбора южнее Мосциска и не добившись результата, соединение повернуло назад. И мною было принято решение: сделать попытку прорваться в этот район окольными путями, т.е. обойти с северо-востока Перемышль, Ярослав, Пшевурск, форсировать реку Сан в районе Лежайск и потом попытаться пройти на юг в район Санок [Подкарпатское воеводство] и далее на юго-восток в район Турки. Однако через Сан прорваться мы также не могли – нас всюду ожидал противник. Но еще большим врагом для нас оказалось половодье на Сане.

Неудача на реке Сан заставила меня перейти к третьему варианту проникновения в район Сан – это пойти на восток в направлении Рава Русская, потом обойти Львов с северо-востока, спуститься на юг в район Ходоров [Жидачовский район], потом на Стрый, и опять пойти в район Дрогобыч – Самбор. Таков был план.

Однако, этот план тоже не удался ввиду того, что на Тернопольском направлении наши фронты перешли в наступление, и район юго-восточнее Львов – Золочев был превращен в фронтную полосу, в условиях карпатских предгорий, обилия шоссейных дорог, при отсутствии снега и опять-таки при изобилии речек по всей этой линии. Убедившись в безнадежности этого варианта, я начал продумывать маршрут на северо-запад: из района Рава Русская в район Варшава, оставив всякую надежду проникнуть в Карпаты. Но этому помешало просто отсутствие топографических карт.

Перед выходом в рейд я был снабжен украинскими штабкартами в направлении на юго-запад, через район Львов – Самбор. Северная граница имевшихся в моем распоряжении карт проходила через населенные пункты Кристинополь, Любич, Крулевка, Тарногруд, Кшешув. Все остальное на север оставалось для меня неизвестным, и без карты продолжать рейд в северном направлении я не осмелился. К тому же, в первом рейде я уже имел опыт вождения соединения без карты, которая также у меня кончилась, не доходя Днепра.

Я забыл сказать, что в ходе первого рейда я сделал немало ошибок тактического порядка из-за отсутствия карт. В моем распоряжении случайно оказалась трофейная старая карта масштаба 1:50 000, и она меня несколько раз обманывала. Там, где я считал, должен быть глухой район, и я предполагал в нем остановиться на дневку, к рассвету я подходил к какой-нибудь важной новой дороге, где нам навязывали бои. С одной стороны, эта карта меня подводила, а с другой стороны, много было пройдено районов вообще без карты, и ориентироваться и планировать марш было чрезвычайно трудно. Вообще, без карты воевать нельзя даже на фронте. А в тылу врага без карты водить крупное соединение по незнакомым местам совершенно невозможно.

* * *

Я просил карты. Мне обещали каждый день выбросить, но не выбрасывали, и мне ничего не оставалось, как отходить на восток обратно, в сторону фронта. К этому побуждали такие обстоятельства. Во-первых, в тех районах, где я действовал, условия были невыносимые. Полтора месяца прошли в непрерывных боях с немцами, мы выходили из одного боя, и начинался следующий бой. В ходе этих боев мы набрали свыше 200 человек раненых. Каждый тяжелораненый занимал отдельную подводку, запряженную парой коней, с ездовым и медсестрой.

Стало быть, две сотни человек тяжелораненых – это двести подвод только с ранеными, которые надо было бесконечно вытягивать и за них биться. Они абсолютно сковали нашу маневренность, да еще в условиях грязных дорог, отсутствии ледового покрова на реках. Стало быть, бесконечная борьба за переправы через реки, через железные и шоссейные дороги, которые там имеются в изобилии, бесконечная борьба за раненых. Не могло быть никакого другого выхода, как попытаться соединиться с Красной Армией.

Задача, поставленная Никитой Сергеевичем Хрущевым и решением ЦК, в основном была выполнена, и соединение в район Самбор вышло, и в Дрогобычской области воевало. Но, как на всякой войне, много делается такого, что не зависит от одной стороны. Соединение сделало все, что могло, но силы были слишком неравны. Начавшееся генеральное наступление [Красной Армии] на востоке, на Львовском направлении, вынудило противника организовать контрнаступление в этом районе. И мы попали как раз на коммуникации, где решалась судьба Львовского направления, генерального направления на Варшаву, на Берлин. И, конечно, выдержать такой напор партизанскому соединению при неблагоприятных условиях было невозможно. Нужно было с этого направления просто уходить.

Я считаю, что только огромный опыт трехлетней партизанской войны, мой личный опыт в тылу врага, большой опыт вождения соединения в самых трудных условиях спасли соединение от разгрома. Высшего класса боеспособность соединения партизанских отрядов, высокая дисциплина соединения, выучка в борьбе, большой опыт командного состава: командиров отрядов, рот, привычка воевать, привычка постоянно драться с противником сделали невозможным разбить соединение в районе Рава Русская.

Я выделил Рава-Русский партизанский отряд человек в 50. (Этот отряд был выделен в конце февраля 1944 года). Он должен был действовать в районе Рава Русская, Сокаль, Стары Мосты. Назначил туда опытных командиров: Мороз, старший лейтенант, действовал с группой в Дрогобычской области, находился при Ковпаке, потом, при неудаче Ковпака в Карпатах, остался там, а потом пришел ко мне со своей группой.

Затем, капитан Муракин, который был комиссаром Червоного отряда, человек опытный. Он стал комиссаром Рава-Русского партизанского отряда. Их отряд за счет польского населения на Западном Буге быстро превратился в большой отряд, человек до двухсот. Но все-таки, ни Мороз, ни Муракин не смогли действовать в тех районах, они без меня прожили 3-4 суток. На 4-е сутки после того, как я их отделил, они были уничтожены вместе с населенным пунктом Завоне. От отряда и села остался пепел. Спаслись два человека, два Примака, уроженцы города Емильчино Житомирской области. Командиры погибли все. Это показывает, насколько тяжела там война, и какое искусство и бдительность должны быть у командования.

Немцы применяли против нас целые дивизии, как дивизия «Галичина». Не установили, какая дивизия действует против нас в районе Перемышля, где мы убили немецкого генерала. Он был похоронен в Судовой Вишне. В местечках Турзе, Станиславчик, Монастырище Львовской области нас в один день бомбили 38 бомбардировщиков. Это было 14 марта. День 14 марта для меня знаменательный. В 1943 году в этот день я имел страшное побоище в Станиславчике [Станиславово] Одесской области, в 1944 г. – в Станиславчике Львовской области. При этом наступала пехота с танками, с 600-мм минометами. Применялись противником и бронепоезда, и самолеты, и танки.

Но соединение все-таки осталось единым, прочным и сумело прорваться через фронт к своим, к городу Броды, со всеми ранеными. Это был крупнейший обоз с ранеными и больными, свыше 300 подвод, не считая артиллерии, тачанок, санитарного состава, радиоузла и прочего – всего около 500 подвод. И в таком составе соединение прорвалось через фронт противника к западным окраинам Брод.

Я был в то время ранен и контужен. Я поручил Кузнецу договориться с командованием Красной Армии – взять Броды и одновременно прорваться через город. Был составлен план взаимодействия, договорились атаковать Броды. Мы взяли западную окраину, разминировали паровозное депо, электростанцию, разобрали три километра железнодорожного пути на Львов из Брод, перерезали шоссе на дорогу Броды – Львов, разбили там колонну автомашин и полтора суток держали в своих руках западную окраину. Затем остановили 6 эшелонов, 3 из них сожгли. Из двух эшелонов освободили население.

Это было в 20-х числах марта*. Просили прислать патронов. Патронов нам не дали. Полтора суток мы держали западную окраину в своих руках. В атаку с востока никто не пошел. И когда наши разведчики донесли, что со стороны Львова идет сотня «Тигров» и «Фердинандов», мы вынуждены были ретироваться и ушли, а эти сто «Тигров» и «Фердинандов» остались в Бродах. И только в июле** наши войска взяли Броды, но от города уже остались рожки да ножки***.

Мы соединились с частями Красной Армии в 20-х числах марта. Я ничего не сказал о населении. Могу прочесть выдержки из дневника. Что следует добавить о трудностях третьего рейда? Конечно, если бы товарищ Хрущев не поставил такой боевой задачи, то и я и все соединение не сделали бы таких героических усилий. Но мы понимали, что тов. Хрущев поставил задачу, которая воодушевляла каждого, и мы преодолевали любые трудности. Ведь кроме всех тех трудностей, которые я перечислил, был еще один вид трудностей.

Из дневника: «За Случем – бульбовская территория. Сразу же на горе виден огромный крест на пьедестале, сделанным из дерна, высотой около 3-х метров в виде конуса и в основании до 6 метров. На кресте трезуб – «государственный герб» и надпись: «Або здобудеш у боротьбі свою державу або загинеш в боротьбі за неї». По словам одного старика, это могила одного видного бульбовца, националиста, убитого партизанами.

Если же в других населенных пунктах не было такого павшего героя, то в «могиле» закапывали обрывки цепей или кандалы и все равно строили такой памятник. Этот громадный памятник построен был в течение одной ночи. Очевидно, в строительстве участвовало большое количество людей. По всей вероятности, все жители окрестных сел положили хотя бы по одному куску дерна на могилу националиста.

- Хто це збудував?

На наши вопросы один старик отвечал:

- Не знаю, будували вночі.

- З чого це збудовано?

- Не знаю, бо будували вночі.

- Кого тут поховано?

*«19 марта партизаны Наумова заняли железнодорожную станцию и юго-западную часть Бродов, перерезав Львовское шоссе и железную дорогу. В это время с севера и востока на город наступали войска 1-го Украинского фронта. Однако гитлеровскому командованию удалось перебросить окруженной в Бродах группировке значительное количество танков и пехотную дивизию. Бои набрали затяжной характер». *Броды как административный и культурный центр львовщины, история и современность, часть 14.* <http://kaltancleaning.ru/?p=60>

**17 июля 1944 года г. Броды был освобожден войсками 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции 13.07 - 29.08.1944 г.

***Броды были сильно разрушены в ходе боев с частями немецкой армии и 1-й дивизией СС "Галичина". Почти 2 000 домов были разрушены, особенно в центре города. При этом дивизия СС «Галичина» была почти полностью уничтожена.

- Не знаю. Це діло робилося вночі.
- Чи давно це збудовано?
- Не знаю, це робилося вночі.

Эти ответы поставили нас в тупик, и для того, чтобы проверить, не сумасшедший ли старик, задали еще серию вопросов. Рядом стояла дивчина с ребенком на руках. Спрашиваем ее:

- Сколько лет ребенку?
- Не знаю.
- Как его зовут?
- Не знаю.

Спрашиваем старика:

- У тебя жинка есть?
- Є.
- Как ее звать?
- Не знаю.
- Мы ее заберем с собой.
- Беріть.

Другой способ не отвечать на наши вопросы в этих краях состоит в том, что многие притворяются больными тифом, при этом забинтовывают голову тряпками, иногда набрасывают на лоб сухое полотенце, иногда одно на двоих и при этом старательно стонут, вращая совершенно здоровыми глазами. Очень распространенный способ – притвориться парализованными. И для того, чтобы заставить этого «больного» двигаться, надо было идти в коровник, сказав при этом, что требуются волю. Тогда мнимый паралитик стремительно вскакивает с печки и, опережая вас, с воплем мчится во двор. Это в населенных пунктах Быстричи, Моквин, Березно на Случе. Народ запуган УСБ – украинская Служба Безпеки [ОУН (б)].

Националисты организовывали секретную службу безопасности*. И эти секретные агенты беспощадно расправлялись с населением за самую малейшую помощь, оказанную ими партизанам или Красной Армии. Человек, заподозренный в помощи красным, карается отрезанием головы или удушением при помощи короткой веревки. Затягивают на шее человека петлю короткой веревки, концы так оставляют, а его бросают. Прикалывают на грудь записку – СБ и больше ничего. Кто это сделал – неизвестно. Самое страшное, конечно, в этом СБ – неизвестность. Никто из людей не знает, кто это – СБ.

Народ совершенно не смеет отвечать на наши вопросы. Отсюда и начинаются трудности Хрущевского рейда. В ходе рейда мы потеряли немало разведчиков, искусных разведчиков, которые прошли через всю Украину как разведчики. К таким относится и Вертюченко Вася, убитый в Львовской области националистами. В списках убитых можно найти целый ряд разведчиков. Население очень часто вместо помощи подставляло нас под удар. Вертюченко погиб при таких обстоятельствах. Как обычно, они подъехали к населенному пункту и в крайней хате спросили, есть ли немцы, есть ли бульбовцы. Им сказали, что нет. Тогда они пошли в другую хату, а там их просто схватили и уничтожили.

Это повторялось очень часто. Население сплошь и рядом обманывало нашу разведку относительно расположения противника, или отвечали таким способом, как я привел. Даже дошло до того, что уже отдельных или группы бойцов в разведку посылать стало невозможно. Националисты уничтожали наших разведчиков и мелкие разведывательные партии**.

У меня, правда, не было ни одного случая, чтобы соединение подвергалось нападению националистов. Это происходило потому, что, насколько я понимаю, у них была директива: на Ковпака и Наумова не нападать. Это я знаю со слов опрошенных националистов. Не нападали, потому что это были слишком сильные соединения. Рекомендовалось нападать на мелкие и малобоеспособные отряды в целях избежать излишних потерь. Я знаю, что и на Ковпака националисты не нападали, и на Вершигору не нападали.

А вот в районе Броды Львовской области я встретил в начале марта девятый батальон Маликова под командованием Корневского, и только мой приход спас батальон от разгрома. Националисты окружили его со всех сторон и собирались повести на него генеральное наступление силами нескольких батальонов. Потом мы взяли несколько человек в плен, и они показали, что готовили операцию, чтобы уничтожить этот батальон, и только наш приход помешал им – с приходом нашего соединения они просто ушли.

Было много случаев, когда разведка доносит, что в таком-то лесу, на такой-то дороге противник, их обстреляли, есть убитые и раненые. Через полчаса соединение идет по этой же самой дороге – и никого нет, ни единого выстрела, тишина... Т.е. националисты вели против нас тоже партизанскую войну, планомерную войну. Очень часто, не смея сами вступать с нами в бой, они просили немцев, они работали на немцев, они приводили немцев. Не успеет ли развернуться, встать на отдых, как уже немцы знают, что мы тут. Появляется самолет, начинает бомбить, появляются колонны, начинается бой. Националисты нас всюду выдавали.

Были случаи выступлений отдельных фанатиков-националистов против нашего соединения. В районе населенного пункта Острожец Ровенской области в первых числах февраля, когда гремели бои за Луцк и Ровно, соединение прорвалось в район Торговица на реке Стырь и шло колонной через населенные пункты. Несколько националистов мы уничтожили: один обстреливал нас из винтовки с соседней высотки, потом было еще несколько таких случаев.

*Служба Безпеки ОУН(б) – структурное подразделение ОУН(б), созданное летом 1940 г., весной 1943 г. была интегрирована в УПА. Ликвидация СБ ОУН(б) в основном завершена МГБ СССР к 1952 г. СБ ОУН(б), широко применяли групповую ответственность, уничтожая как гражданское население, так и собственно членов ОУН (называвших персонал СБ «ангелами с удавками»). Приказ на осуществление «чисток» исходил от Бандеры. Руководители СБ: с 1940 г. Н. Лебедь, Н. Арсенич, Я. Дякун.

**«У зв'язку з просуванням більших більшовицьких відділів досить важко встрявати з ними в бій тоді, коли на п'яти їм стають німці. Все-таки наші збройні відділи, що діють на тому терені, стараються ліквідувати їх менші групи чи індивідуально. Н[а]пр[иклад], зліквідовано 4 більшовиків, при чому здобуто 2 ППШ, 2 кріси і 3 коні зо сідлами». *Літопис УПА том 13. ЦДАГО, ф. 3833, оп. 1, спр. 126, арк. 51.*

В центре одного населенного пункта, кажется, местечке Воротнюв, один молодой парень с расстояния 70 метров днем стрелял по колонне главных сил соединения из пистолета. Был, конечно, схвачен, сказал – просто так стрелял. Он не был задержан, не был арестован.

Кроме того, националисты распространяли среди населения клеветническую пропаганду. Они говорили, что красные партизаны сжигают населенные пункты, бросают детей в огонь, насилюют женщин и девушек и вырезают всех мужчин. И что Красная Армия то же самое делает с населением. И вот, когда соединение заходило в какой-нибудь населенный пункт, то все население скрывалось, бежало в леса, оставляло свои хаты, и кроме какого-нибудь немощного старца или старухи мы никого не находили в хатах. Прятались в подполье, особенно в Волынской области, в южной части.

В восточной части Львовской области мы обнаруживали под населенными пунктами еще и подземные «населенные пункты», куда все прятались. Приходилось проводить большую воспитательную работу среди населения. В некоторые населенные пункты мы заходили не один раз, и все-таки это каждый раз повторялось. Так был запуган народ националистами.

В городах дело обстояло несколько иначе. Среди городского населения националисты такой популярностью не пользовались. Вот, например, мы занимали город Горохов Волынской области и стояли там двое суток. Там население даже было радо, когда мы выбили оттуда националистов. Прекратились пожары, издевательства над населением, и там население нам оказало большую помощь. После этих тяжелых переходов, дождей, тяжелых боев, мы нуждались в обуви, разбилась у бойцов обувь во всем соединении. Мы провели соответствующую политическую работу. Я предложил политическому и командному составу соединения провести на улицах работу с населением: чтобы принесли, кто что может. И люди принесли очень много совершенно новой обуви и одежды.

Был такой интересный случай с отрядом им. Микояна. Он проходил санитарную обработку в бане. Но микояновцы, армяне, народ вообще непрактичный. Когда они сдавали свое обмундирование в дезкамеру, то оставили в карманах спички – все сгорело, и одна рота осталась совершенно голой, остались только шинели, которые не сдавали в дезкамеру, а гимнастерки и брюки – все сгорело. Остались сапоги и ботинки. Так вот: народ на этой улице узнал об этом бедствии и моментально, в течение одного часа рота была одета в белье и во все остальное, причем, без всякого принуждения. Выходит, население городов было совсем другим.

Для того, чтобы население нам как-то помогало вести разведку и отвечало правильно на наши вопросы, пришлось с первых же дней рейда по западной Украине отдать приказ по соединению, чтобы наши разведчики сняли красноармейские звездочки, ремни со звездой на пряжке, красные ленточки и пользовались националистическим приветствием. Вы заходите в хату и, если вы свой человек, националист, вы говорите вместо «здравствуйте» - «Слава Україні». И вам должны ответить «Героям слава», и после этого начинается дружеская беседа. Вы узнаете все необходимое правильно, точно, вас принимают очень хорошо, угощают и пр. И вот такими методами наша разведка стала пользоваться.

Мы в ходе рейда разгромили несколько националистических центров и уничтожили главарей. В частности, в районе Березно Ровенской области мы вскрыли один крупный подпольный центр украинской повстанческой армии, УПА, надрайон «Берег» во главе с его начальником штаба, кажется, там был Хмара. В общем, арестовали мы тогда их руководителей, человек 30. Обнаружены они были в подполье.

В этот надрайон «Берег» входили районы: Людвипольский, Березновский, Рокитнянский, Сарненский, Степанский, Костопольский, Столинский. Захватили массу документов, которые были переправлены в украинский Штаб. Среди этих документов – инвентарные книги, в которых указывалось свыше трех тысяч различных наименований продовольствия, обмундирования, снаряжения и боеприпасов. Все это находилось в подвальных складах, было тщательно законспирировано в полях.

Нередко в этих подземных складах мы находили орудия, пушки в чехлах с боекомплектами, пулеметы – где-то под люком. Откроешь люк, и начинает работать пулемет. Там же хранилось всевозможное продовольствие и картотека. На карточке написано: на такое-то число значится столько-то крупчатки, зерна, спирта, холста и т.д. Это все было фонды УПА. Создавались они, видимо, годами. Кроме того, в ходе рейда у националистов мы захватили очень много различной националистической литературы.

Оказывается, что с благословения немцев они издавали всякую литературу, начиная от учебников для малышей, для студентов по разным наукам – по истории, географии, литературе и т. д. Были пьесы, стихи, песни, музыкальные произведения, гимн украинских националистов. Все это культивировалось в начальных школах и в остальных, и все это было направлено к тому, что главный враг Украины и украинцев – Россия, Москва.

Нам было известно со слов и населения, и националистов, что они брали у населения клятву: бороться за «вільну Україну» до последнего вздоха, и под этой клятвой они подписывались своей кровью. Вообще, можно было бы еще многое рассказать о националистах, но это – то основное, что характеризует дополнительные трудности последнего рейда соединения. Как я уже сказал, население городов имело несколько иное настроение и лучше относилось к нам.

Как мы вели политическую работу с населением?

Было выпущено несколько листовок, обращений – специально к украинским националистам. Мы распространяли сводки информбюро, мы проводили беседы. Политсостав, командный состав и партизаны старались проводить эту работу во время пребывания на квартирах в населенных пунктах. Кроме того, я лично в ходе рейда провел несколько бесед о поведении партизан, инструктировал партизан, как правильно вести себя с населением, как вести разведку. И там, где мы побывали, отношение населения к нам менялось, потому что ни единого случая издевательства над населением, оскорблений его не было, это строго наказывалось, если кто-то занимал неправильную позицию. Так или иначе, этой работой мы разоблачали на Западной Украине ложь провокаторов о красных партизанах и Красной Армии. Кроме того, население там получало неправильную информирмацию вообще о положении дел на фронте.

Мы рассказывали народу о том, что Красная Армия уже недалеко, имеет большие успехи, немцы будут разбиты. И те, кто боялся помогать нам до сих пор, конечно, перестраивались. Как я уже сказал, у населения городов было несколько иное настроение, и они лучше относились к нам. Совершенно противоположное отношение к нам было со стороны чехов в чешских колониях. Чешское население нас встречало весьма радостно: выходили на улицы, выносили партизанам фрукты, несмотря на зимнюю погоду, хорошо принимали вообще и всячески помогали в деле разведки информацией...

Так же хорошо принимали нас и поляки. Были отдельные случаи вступления в наши ряды мужчин и в западных областях. В списках соединения можно найти ряд лиц, которые вступили в соединение уже в ходе третьего рейда, уже из числа местных жителей. В Польше, в Люблинской области население встречало нас очень хорошо, но оно было очень бедно. Мы мало затрагивали интересы населения в западных областях Украины. Там обилие фольварков, немецких хозяйств. В основном, мы продовольствие находили в фольварках. Находили иногда тысячу овец, десятки, сотни голов молочного скота, птицу. Захватывали на складах фольварков масло, мед, сахар, мармелад, спирт и т. д.

Немцы при крупных фольварках имели офицерские дома отдыха, и держали там все необходимое. Лошадей мы также брали в фольварках. В первый же день рейда, после прорыва через фронт, мы в населенном пункте Воротнюв атаковали гарнизон противника, располагавшийся в бывшем господском доме, и захватили 200 чистокровных лошадей и другие трофеи.

* * *

В общем, в итоге трех рейдов по Украине соединение прошло боевой путь от Севска в Орловской [ныне Брянской] области до реки Сан в Люблинской области [Люблинское воеводство, Польша] – это с востока на запад; с севера на юг – от реки Припять в Полесской области до реки Южный Буг в Одесской обл., т.е. вдоль и поперек по Украине. В отчете указано, по каким областям мы прошли, по территории скольких районов. Было подсчитано, но, вероятно, не полностью подсчитано – административной карты-то не было. Было подсчитано около 200 административных районов, по которым мы прошли. Мы занимали свыше двух тысяч населенных пунктов, десятки районных центров, прошли очень много крупных рек, форсировали их, железные и шоссе-дороги и т. д.

Не считая врагов, погибших в 80-ти эшелонах, подорванных нами, соединение уничтожило в открытых боях свыше 12 000 вражеских солдат, офицеров и предателей. Сюда не входит моя боевая деятельность до рейда, когда я провел десятки боевых операций, и сам нередко участвовал в боях. Я этого еще не подсчитал.

После соединения с Красной Армией в последний раз, в Ровенской области, в населенном пункте Волковые, я, раненый и контуженный, при помощи товарищей оставил соединение, сел в машину и уехал в Киев делать доклад о положении дел в соединении. Перед выездом я в с. Волковые собрал всех командиров и комиссаров отрядов на совещание.

Присутствовали командиры и комиссары отрядов: имени Хрущева, Червоного, «Смерть фашизму», Киевского, Макаровского, имени Микояна,

Коростышевского, имени Чапаева (НКГБ СССР) и командир батальона Маликова, который от меня не отставал уже до самого последнего времени. Я сказал им: «Товарищи, как видите, я ранен, ходить не могу, мне нужно лечиться. Сейчас я еду в Киев. Что мне доложить Никите Сергеевичу, если перед соединением поставят задачу выйти в 4-й рейд?» Я хотел услышать их мнение.

И вот, они один за другим выступали и говорили, что все чрезвычайно утомлены, что действовать на западе тяжело, население мало поддерживает, оперативный плацдарм сократился, вообще театр военных действий неподходящ для партизанской войны. Они готовы лучше пойти на фронт, только не в рейд. В общем, почти все высказались против рейда, даже комиссар соединения Тарасов Михаил Михайлович тоже был такого мнения, что следует воздержаться от выхода в следующий рейд.

Я видел: война еще не закончена, воевать так или иначе надо, что воевать еще можно на севере, в западной Белоруссии, можно выйти в район Варшавы, Кракова, в Чехословакию – все это я предвидел. У меня даже была такая затаенная мысль: не выполняя задачи третьего рейда выйти в Словакию всем соединением, тем более, что там уже недалеко оставалось, но условия погоды не позволяли это сделать. Я думал, что зимой придется воевать еще в Западной Белоруссии и в Польше.

Но поскольку народ был так настроен, то я им задал другой вопрос: «Если все-таки поставят задачу, то что вы думаете делать?» Тогда они мне заявили: «Я пойду один, своим собственным отрядом, и никто для меня не авторитет. Из нас кого ни поставят командиром соединения – другим он не авторитет. Если я пойду, то только сам, своим отрядом». Выслушав такие мнения, я и поехал к Никите Сергеевичу.

Отчитавшись, я доложил, что соединение очень устало, что оно имело большие потери: убитыми 100–150 человек [с учетом без вести пропавших], в том числе несколько начальников штабов, командир Макаровского отряда тоже убит. Раненых было много, свыше 200 человек. Соединение нуждается в отдыхе, и вообще, кроме как в белорусских лесах, уже в том направлении воевать партизанам невозможно. Что все-таки мы больше походили не на партизан, а на десантные части, действующие в тылу врага без должной поддержки населения. Никита Сергеевич в заключение сказал: «С вас хватит, разрешаю соединение расформировать».

Причем, ввиду того, что соединение на протяжении всего периода борьбы самоотверженно выполняло боевые задачи, действовало в самых опасных краях и районах, разрешается людей определить по Вашему усмотрению и по их желанию». Он разрешил мне самому расформировать соединение. Я попросил у Никиты Сергеевича разрешения, во-первых, отпустить кадровых организаторов соединения, сумских партизан, в отпуск сроком на один месяц. Во-вторых, оставить без расформирования литературную группу, тот коллектив, который еще в Емилчино начинал работать над своими произведениями, чтобы подкрепить историю соединения фактами, людьми и т.д. Разрешил он мне и это. Все имущество и коней я приказал пригнать в Киев.

В это время вышло Постановление Президиума Верховного Совета о том, что есть Указ о награждении соединения Почетным Красным Знаменем

Президиума Верховного Совета, Совнаркома и ЦК КП(б) У. Среди всех партизанских отрядов и соединений, действовавших на Украине, награждены только три соединения: Ковпака, Федорова Ровенское [Федоров И.Ф. командир Ровенского партизанского соединения № 2 «За Родину»], и мое. Кроме того, я еще сделал Никите Сергеевичу представление партизан к наградам. Почти все представленные были награждены орденами.

Несколько человек были представлены к званию Героя, но из них звание Героя получил только один Верховский. Три человека, представленные мной, еще не удостоены, это: Астахов Роман, Величко и Кузнец. Я сейчас ходатайствую за них [ходатайство не удовлетворено].

Из Киева я уехал в соединение, в Волковые [с. Волковый Демидовского района Ровенской обл.], где провел митинг, зачитал решение Верховного Совета о награждении Почетным Красным Знаменем и приступил к расформированию. Со мной прибыли представители Наркомзема, Совнаркома, ЦК, НКВД и НКГБ.

В их задачу входило отобрать для себя нужных людей. В течение нескольких дней я стоял у себя на квартире и принимал партизан по очереди. Отряды приходили по расписанию, а я принимал и опрашивал каждого партизана – что он хочет. Некоторые хотели работать по своей старой специальности: трактористами, шоферами, слесарями...

Некоторые шли в Наркомзем, некоторые – в органы НКВД, другие – на партийную работу, на советскую работу. Я их направлял в соответствующие областные комитеты партии – в Житомирскую, Львовскую, Одесскую и другие области. Некоторые пошли в распоряжение ЦК комсомола. Часть пожелала учиться, и сейчас они учатся в разных институтах. Некоторые, из офицерского состава, пожелали остаться в кадровой армии. Все, таким образом, были распределены. В Армию были направлены бывшие полицейские, в распоряжение запасных полков.

Остатки Армянского отряда, который сохранился процентов на 30 [с учетом выбывших по ранению, пропавших без вести и погибших в боях], поступили в распоряжение Ровенского обкома партии для охраны сахарных заводов и, кажется, еще до сих пор там.

Все раненые соединения были отправлены в город Дубно и сданы в эвакуогоспиталь Красной Армии. Потом я получал от них письма. Многие из них оказались на Кавказе, в Крыму и других местах на излечении.

Все имущество, которое имело соединение, как то: конский состав, повозки, сбруя, седла, огромные запасы муки (когда соединение вышло на соединение с Красной Армией, мы обеспечили себя мукой за счет войсковых складов УПА). Так вот, эта мука в количестве 50 или 70 тонн была погружена на наши обозы, все это целиком было пригнано в Киев и здесь сдано в соответствующее место.

Весь конский состав соединения был передан в распоряжение Совнаркома. Сейчас в Совнаркоме все подсобное хозяйство держится на этих моих лошадях, причем, самых лучших, даже ездовые там пристроились.

Своих пару боевых коней, в том числе жеребца в серых яблоках, который со мной прошел второй и третий рейды и остался жив, я подарил с соответствующей грамотой командиру Потиевского отряда Грищенко, который при расформировании соединения стал председателем Брусиловского

райисполкома. Мне передали, что конь мой жив и является сейчас племенным жеребцом.

После соответствующего оформления личного состава в штабе соединения в Волковые, соединение отправили маршем в Ровно, где было организовано сдано все оружие, пушки, минометы, пулеметы, все остальное вооружение и боеприпасы на базу украинского Штаба партизанского движения. Это было километрах в двухстах, и соединение организовано, стройно совершило этот переход и разоружилось на базе. Каждый получил соответствующее удостоверение от штаба соединения, отпечатанное в нашей портативной типографии, с печатью, которую мы сами сделали (она находится в музее Ленина), и разъехались в разные концы.

* * *

В Львовской области – человек 100 моих ребят, в Одессе – человек 300 в НКВД, много – в Киеве, в Житомире и т.д. Сейчас я получаю письма от партизан из разных областей и районов Украины. У некоторых бывал, пользуясь сейчас промежуточным положением по службе в связи с переводом на Украину [из г. Тильзит, восточная Пруссия, ныне г. Советск Калининградской обл.]. Посетил Шосткинский, Глуховский, Эсманский районы – проехали на машине с Надеждой Трофимовной. Выезжал затем в Радомышльский, Малинский, Чоповичский, Потиевский районы. Я гостил у командира Червоного отряда Борова в селе Уланово Червоного района Сумской области. Гостил в селе Пустогород у партизана Батехи.

Был у бывшего редактора нашей хинельской типографии Румянцева [Александра Харитоновича], теперь он секретарь Глуховского райкома партии. Был в гостях в Чоповичах Житомирской области, где два моих партизана – Васянович и Гребенченко, Васянович стал заместителем председателя райисполкома. Заезжал в Малин, где Роман Астахов, бывший мой адъютант, работает в НКВД.

Заезжал в село Менькивка Потиевского района на часок, и в Ходоры Радомышльского района побеседовать с населением – там мы часто бывали. Был у командира Белоцерковского партизанского отряда Шелеста-Соколова в гостях. Был в Володарском районе Киевской области. Был в Москве в гостях у Тарасова, который был у меня в соединении хирургом и комиссаром в последнем рейде, а сейчас работает директором Центрального ортопедического института в Москве и собирается ехать в Иран командовать русской больницей. Ему туда предлагает выехать ЦК.

В Киеве был у целого ряда партизан. Начальник моего штаба, Кузнец Яков Мефодьевич, как и до войны, начальник управления мелиорации Украины. Он сам инженер-мелиоратор.

Был у Михайловского, который был бронебойщиком. Сейчас он работает управляющим делами министерства земледелия Украины. Вообще он – бухгалтер-экономист.

Был у Надежды Филимоновны Солодюк. До войны она была ассистентом академика Богомольца. У меня она была начальником санитарной службы соединения. Теперь она защищает диссертацию и написала книгу «Мой путь». Книга вышла из печати на украинском языке.

Был у Панасюк Евгении. Она живет на Театральной улице в Киеве, работает в больнице и учится на врача.

Был у Швейцарского Анатолия, который был начальником разведки Хрущевского отряда во втором рейде, Теперь он учится в Киевском университете.

Был у Горбаня. Это партизан Киевского отряда. До войны он учился в институте, продолжил учебу, закончил уже институт и получил диплом инженера-механика.

Видел Величко в Киеве. В свое время он был моим помощником, потом улетел в Чехословакию, там организовал бригаду. Кузнец тоже был в Чехословакии, Роман Астахов тоже был.

Командир Хрущевского отряда Сипливый работает сейчас вторым секретарем Липоводолинского райкома партии Сумской области.

Петрикей тоже сейчас работает председателем Смелянского райисполкома. Политруки Хрущевского отряда Лаврик и Рогуля работают в Недригайлове Сумской области. Комиссар Потиевского отряда Решетняк – секретарь Потиевского райкома партии и т.д.

Нужно еще сказать, что после расформирования соединения целый ряд партизан, человек 150 [количество уточняется], чувствуя необходимость все-таки еще воевать до полной победы, в то время, когда я уехал лечиться после ранения, были десантированы на парашютах в Чехословакию и Венгрию и там раздули пламя партизанской войны. Можно без преувеличения сказать, что основными руководителями партизанского движения в Чехословакии были партизаны соединения: Величко, Кузнец, Астахов, Лях, Химич, Луневский и прочие. И это не случайно, это потому, что они получили большой опыт партизанской борьбы в сложных условиях.

* * *

Теперь несколько слов обо мне. После излечения на курорте (я был в санатории Фабрициуса в Сочи) я пожелал [и был направлен] пройти курс обучения при Академии Генерального Штаба Красной Армии. Окончил я курс обучения, экзамен сдал на оценку «отлично», после чего проходил стажировку в Восточной Пруссии, в 11-й гвардейской армии [в качестве заместителя командира 26-й Гвардейской стрелковой дивизии].

Я мог бы оставаться в гвардейской армии и дальше сколь угодно, но партизанская война на Украине так меня спаяла с моими друзьями, боевыми товарищами-партизанами и со всем украинским народом, с его городами и селами!

Кроме того, эта партизанская война, как мне кажется, выявила так много прекрасного в людях, благородного, отважного и героического, что я чувствовал настоятельную потребность и необходимость довести свою миссию на Украине до конца, т. е. поработать над тем, чтобы оставить кое-какие следы в назидание будущим поколениям. Я хочу помочь Комиссии по составлению книги по истории Отечественной войны в ее работе. Потом написать или, может, помочь кому-то написать книгу, популярную книгу о своем соединении. Я хочу видеть те места, где я воевал, хотя бы изредка видеть места, где я проходил, встречать знакомых и чувствовать своих товарищей...

А потому, стало быть, я был очень доволен, когда Никита Сергеевич Хрущев написал соответствующий документ в Генеральный Штаб Красной Армии и отозвал меня в распоряжение ЦК КП(б) Украины, где я и нахожусь в настоящее время, работаю по истории соединения, как [в архиве], так и на выставке партизанской войны на Украине*, т.е. над памятником партизанскому движению.

До сих пор я ничего не говорил о своей семье. Когда разразилась война в июне 41-го года, я находился на государственной границе в Карпатах. Надежда Трофимовна с сыном Славиком, которому было 3 года, отправилась погостить к своим родным в Шостку. Ехала налегке, по-летнему, с одним маленьким чемоданчиком. А потом война заставила их бежать на восток.

Эвакуировался завод шостенский, с ним эвакуировалась семья [Петренко] в полном составе, и с ними моя жена и сын. Поселились они в Нижнем Ломове Пензенской области. Во время войны, в 1941-м году, родилась дочь Галина. И, таким образом, Надежда Трофимовна без средств, без одежды и без известий обо мне осталась с двумя детьми.

Вскоре она получила извещение, что в боях с немецкими захватчиками я пропал без вести в первые дни войны. Я не мог сообщить о себе по двум причинам. Во-первых, не было возможности переправить письмо до лета [осени] 1942 года, когда в Брянских лесах начали приземляться самолеты. И во-вторых, потому что я не знал, где она находится.

Но так как мои родители всегда жили на Урале, то я написал им и просил их известить, если они имеют связь с Надеждой Трофимовной. Получилось так, что Надежда Трофимовна все время писала им письма, поддерживала с ними связь, и они ее известили о том, что я нахожусь в партизанском отряде.

В 1943-м году, когда я находился на излечении в Москве, я получил самолет от тов. Строкача, полетел в Нижний Ломов, потом привез семью в Москву. Некоторое время жена и сын Славик находились при мне. Потом я вылетел обратно, в тыл врага, совершил еще 2 рейда и после окончания их вернулся и в настоящее время проживаю со своей семьей. Славику уже 8 лет, сейчас он в Шостке, заканчивает первый класс.

*Выставка "Партизаны Украины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков" была открыта в апреле 1946 года. В начале 50-х годов выставку закрыли, а все материалы переданы в фондохранилища Государственного исторического музея. В 1970-м году начала работу подготовительная группа по созданию музея истории Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов. Открытие Украинского государственного музея истории (тогдашнее его название) состоялось 17 октября 1974 года.

Характеристика отдельных партизан, комиссаров и командиров соединения.

Комиссар соединения Тарасов Михаил Михайлович. Член партии с восемнадцати лет. Когда-то воевал еще у Буденного* бойцом. Сам – ивановский рабочий. Окончил в свое время, после гражданской войны, рабфак**, потом – медицинский институт. Учился в Институте красной профессуры***. Долгое время учился хирургии у профессора Юдина Сергея Сергеевича**** и является его другом. Владеет своим делом в совершенстве. До войны работал в Кремлевской больнице хирургом-консультантом.

В 1943 году по мобилизации ЦК был направлен хирургом в партизанский отряд. Раненых лечил на ходу, в рейдах и, несмотря на постоянное передвижение соединения, свыше 90% раненых возвращал в строй. В третьем рейде был одновременно и комиссаром соединения. Вот примеры. Герой Советского Союза из нашего соединения Евгений Верховский под Перемышлем был тяжело ранен: 11 см кости выше колена у него было вырвано очередью пуль.

Тарасов все-таки сумел сохранить ему ногу, хотя были все показания к ампутации. Мы Верховского возили по тылам врага в повозке, потом отправили сюда, в Киев, на самолете. И он до сих пор здоровствует. Командир Червоного отряда Боров был ранен в грудь навывлет крупным осколком авиабомбы. Полтора месяца его лечил Тарасов в повозке, все время в рейде. Потом Боров встал, принял командование отрядом и сходил в третий рейд. Здоровствует до сих пор. Еще Ксензов, комиссар Червоного отряда. В Чехословакии был тяжело ранен, вывезен самолетом в Киев. Рана была чрезвычайно опасная – в шею. Хирурги и высокие киевские специалисты сказали: безнадежен. Тарасов сделал ему операцию. Ксензов жив и сейчас.

Был у меня комиссар – Кищинский Сергей Семенович, один из работников Винницкого обкома до войны. Прибыл в соединение в июне 1943 года и находился там по январь 1944 года включительно. Провел немалую политическую работу в соединении. Сам был хорош, но выпить любил, бедняга, чрезмерно много. Никогда он больше одного-двух отрядов в день объехать не мог, потому что в первом отряде, где он должен провести мероприятие, он засиживался за чаркой горилки больше, чем до половины дня, а из второго отряда он возвращался очень веселым.

*Семён Михайлович Будённый - Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки верховного главного командования.

**Рабочие факультеты (сокращённо рабфаки) осуществляли подготовку абитуриентов ВУЗов.

***Институт красной профессуры – специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах.

****Сергей Сергеевич Юдин (1891 – 1954) – крупный советский хирург и учёный, главный хирург НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, директор НИИ хирургии имени А.В. Вишневского.

И так было каждый день. Начнет с одного отряда, еле успеет до другого добраться, а отрядов было много: 7-8 и до десятка. Но это все еще ничего. А вот в январе 1944 года, перед выступлением в третий рейд, он съездил в Киев на трофейном мотоцикле, привез из Киева какой-то спирт, как оказалось впоследствии, древесный. И вместо подготовки к рейду занялся такой беспробудной грандиозной пьянкой, что умер старый партизан Конопского отряда подпольщик Забияка, и ослеп лауреат Сталинской премии Касаткин. Правда, он потом прозрел. Пострадали еще товарищи. Короче говоря, в силу этих причин я вынужден был дать тов. Хрущеву радиограмму, чтобы тов. Кищинского отозвали. И он был отозван.

А комиссаром был назначен Тарасов. Вообще, Кищинский – человек живой и интересный, хорошо танцует и поет. Главный его недостаток – слишком увлекался спиртными напитками. В остальном про него ничего плохого сказать нельзя. Жили мы с ним сравнительно дружно. Но перед выходом в рейд, когда я предвидел все трудности рейда, я считал недопустимым такое явление. Тем более, что остальных командиров я бы не смог призвать к порядку. Я бы требовал: «не пить», а люди бы пили.

Комиссар Анисименко Иван Евграфович погиб в первом рейде. Очень умный, энергичный и симпатичный был человек. Оставлен был Сумским обкомом партии для подпольной работы. Он был первым командиром Червоного отряда. Потом был у меня командиром взвода, потом – политруком в группе, а потом, в первом рейде стал комиссаром соединения. Под Голованевском получил, наверное, 77 ран. Был вытасчен нами, в т.ч. и мною, из места ранения, и везли мы его в таком состоянии до Базарского района Житомирской области. Раны были осколочные и пулевые. Уже были мы в лесах, но попали в одном месте в Базарском районе в засаду, и основной удар пулеметным огнем как раз пришелся на тов. Анисименко.

Этот человек никогда не терялся, ни в какой обстановке. Он не имел высшего образования. Он был до войны председателем сельсовета в Червоненском районе, был очень крепкий большевик, настоящий. Никогда он ни с кем не ссорился, но умел требовать. Это был мой личный друг, и я возбуждал ходатайство перед украинским Штабом до моего отъезда в Москву, чтобы его семье (а у него осталась жена и трое детей) установили персональную пенсию. Не знаю, состоялось ли такое решение. Приезжал ко мне его старший сын, инвалид Отечественной войны, я такой документ ему подписал. Больше я его не видел.

Еще был у меня комиссар группы в Хинельских лесах – Дегтярев Аркадий. Это был человек необычайно большого роста, здоровый парень, всегда спокойный. Он, кажется, был уполномоченным наркомзага [Народный комиссариат заготовок] до войны, в Червоненском районе. Он тоже был оставлен для подпольной работы в Червоненском районе.

Здоровый, сильный, всегда был с пулеметом в руках. Я уже говорил раньше, что при одном из налетов немецкой авиации в Хинельском лесу 27-го мая 1942 года он был убит и похоронен нами в Хинельском лесу. Я его застал еще теплым, вытащили мы его оттуда с Буяновым Василием и при всех воинских почестях похоронили.

Это все мои комиссары.

Начальники штабов.

В период деятельности в Хинельских лесах у меня был адъютант, который вел все штабное делопроизводство в отряде и оставил большой след – толстый дневник под названием «Хинельские походы». Этот дневник сейчас находится на партизанской выставке, его перепечатывают. Это – Инчин Анатолий Иванович, лейтенант. Попал где-то в смелянских лесах в окружение и прибил к мне в период хозяйственной операции по заготовке фуража и продовольствия не то в марте, не то в апреле 1942 года. Пришел с еще одним лейтенантом. Эти ребята пробавлялись гаданием на картах.

Гадали женщинам, обещали скорое возвращение мужей и всякие прочие блага – тем и кормились. Инчин имеет высшее образование, окончил два института. Очень остроумный, до безумства смелый, решителен и горяч, как расплавленный металл. Весь израненный, в первом рейде он у меня был командиром партизанского отряда им. Хрущева. Он же по моему заданию формировал его в Хинельских лесах, когда у нас были противоречия с Куманьком. Он никогда меня не покидал. Мы с ним пережили очень много опасных моментов. В Станиславчике, в Одесской области [ныне село Станиславово Кировоградской обл.], когда нас осталось 10 израненных человек, Инчин хотел застрелиться. Я его остановил, сказал, что еще рано. Потом мы вышли и шли до конца первого рейда и вышли в Полесье вместе. Но так как его нервы были расшатаны, психика немного пошатнулась, я его отправил самолетом в Москву, на излечение. Сейчас он проживает в городе Черновцы, пишет мне письма.

В первом рейде был у меня начальник штаба капитан Мельник, выброшенный украинским Штабом в Хинельские леса в числе других. Это молодой человек. О нем можно сказать, что под Голованевском он сильно перепугался, растерялся и совершенно не оказал мне никакой помощи по выходу из тяжелого положения. Вместо этого он уничтожил все штабные документы, списки личного состава, оперативные и разведывательные сводки, приказы и т. д., совершенно все уничтожил, сжег и этим дал повод всем остальным штабам отрядов тоже сжечь документы. И сейчас у меня нет этих документов [позже, в течение нескольких лет многие документы удалось восстановить].

Потом, когда я был в Москве на излечении (а он оставлен командовать соединением), он не выполнил моих указаний, разрушил конницу, расформировал отряды. Потом обиделся за то, что я ему не присвоил звание Героя Советского Союза за первый рейд. Дошло до того, что я вынужден был освободить его от обязанностей начальника штаба и откомандировать в другое соединение.

Следующим начальником штаба был Кузнец Яков Мефодьевич, инженер-мелиоратор по образованию. Работал до войны начальником управления мелиорации Украины [«Гидромелиопроект»]. Попал в киевское окружение. Организовал Киевский партизанский отряд и действовал с ним до сентября 1943 года в Киевском, Бородянском, Дымерском, Макаровском районах Киевской области.

Потом, под влиянием репрессий немецких карательных отрядов вынужден был пойти ко мне и вступил в соединение со всем отрядом. Вскоре был назначен начальником штаба. Очень серьезный человек, смелый, твердый характер имеет, хорошо разбирается в любой оперативной обстановке. Участвовал в разработке оперативных планов, пользовался моим доверием, руководил операциями, безгранично верил мне, никогда не выражал никаких сомнений. Всегда, втайне от меня, нес еще дополнительную службу по охране командного пункта. Сохранил все штабные документы и вывез их из тыла врага. Они сейчас все налицо. После составления отчета о соединении вылетел в Венгрию, выбросился туда на парашюте с группой своих партизан-киевлян. Действовал в Венгрии, потом – в Чехословакии. Организовал там партизанскую бригаду. Сейчас опять работает в Управлении мелиорации, начальником управления.

Мои заместители.

Гаврилюк Александр Феодосиевич, заместитель по разведке, капитан государственной безопасности. Впервые познакомился с ним в Хинельских лесах. В первом рейде он был начальником разведки Харьковского партизанского отряда. Потом этот отряд соединился с фронтом. Когда я лежал в Кремлевской больнице, Гаврилюк пришел ко мне и напросился, чтобы я взял его с собой. Так и случилось. Он был моим заместителем по разведке. Очень умный, толковый парень и смелый. Сейчас он работает начальником НКГБ в Шепетовке. Пишет мне письма.

Моим помощником по хозяйственной части был Кузьмин Иван Александрович, из окруженцев. Он прошел со мной первый, второй и третий рейды. Всегда толково командовал тылом. Во всяком бою его основной задачей было спасать тылы и обозы с ранеными, боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами и радиоузелом.

В то время, когда шел бой, он организовывал обозы и своевременно вывозил их туда, куда указывалось, а потом организовывал оборону и охрану. Очень часто выходил из очень трудного положения, спасая обозы с ранеными и имуществом. Славился тем, что умел красиво танцевать, мог сделать сольный номер. Вообще, симпатичный человек, который много поработал над укреплением соединения. Был командиром взвода в первом рейде. Одно время был командиром Хрущевского партизанского отряда, Сейчас он работает заместителем начальника автобазы Совета Министров здесь, в Киеве.

Командиры отрядов.

Сипливый Анатолий Гаврилович. Командир отряда Хрущева. Участвовал во всех трех рейдах. Очень культурный, грамотный, смелый и исполнительный человек. В военном отношении подготовлен хорошо. Опытный. Сейчас работает секретарем райкома в Липовой Долине Сумской области.

Петрикей [Петр Игнатьевич]. Оставлен был для подпольной работы Сумским обкомом в Конотопском отряде, который впоследствии назывался «Смерть фашизму». Директор школы до войны. Был комиссаром отряда «Смерть фашизму». Прошел со мной все три рейда. Сейчас работает председателем райисполкома в Смеле.

Роман Астахов. Попал в Харьковское окружение весной 1942 года. Был командиром минометной батареи на фронте. В окружение попал будучи раненым. Потом перетащился домой, в Барановку, лечился месяца два. После, как и другие из Барановки, пришел ко мне в партизаны вместе с братом Ильей, которому было лет 9 или 10 [Илье было 14 лет]. Сначала, еще до рейда, он был конным разведчиком, а в рейде – командиром главной разведки соединения. Этот человек не знал страха и никогда не терялся.

Я имел возможность наблюдать его в сотнях боев. У него получалось все мгновенно. Никогда его нельзя было застать врасплох. Он одновременно отдает команду, падает, стреляет. И все это у него получается в один прием, в один счет. Помню атаку под Купичволей в последнем рейде, когда он был моим адъютантом. По нас открыли огонь сразу 4 пулемета с расстояния 100 метров. Он с первым же выстрелом отдал команду «Огонь!», упал и в то же время его автомат уже строчил по противнику.

Однажды он попал в засаду. В расчете окружить соединение в лесу в районе Дерманки Чоповичского района сосредоточился батальон немцев. Роману нужно было проникнуть в штаб соединения со стороны железной дороги... (*обрыв стенограммы*).

Оригинальный машинописный текст стенограммы на 213 страницах. Первая, вторая и третья копии машинописи вперемежку. Окончание текста отсутствует. (Центральный государственный архив общественных объединений Украины, ф. 166, оп. 2, ед. хр. 256. Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГО).

Фото стенограммы, писем и прочих документов из ЦДАГО Украины сделаны А.В. Бибики в 2017 г. Фотокопия машинописного текста стенограммы оцифрована Г.М. Наумовой, устранены опечатки, лексические и смысловые ошибки, уточнены даты, сведения о лицах, упомянутых в воспоминаниях М.И. Наумова. Уточнения помещены в квадратные скобки по ходу текста или в виде сносок на соответствующей странице. Текст стенограммы дополнен Приложением: фотографии, копии документов из семейного архива Наумовых, ЦДАГО України и интернет-источников.

УКРАЇНСЬКИЙ ФІЛІАЛ ІНСТИТУТУ МАРКСА — ЕНГЕЛЬСА — ЛЕНІНА при ЦК КПРС
ПАРТІЙНИЙ АРХІВ

Управління _____
Відділ _____
Сектор _____

СПРАВА № _____

ТОМ № _____

*Стенограма
Беседи с командиром партизанского
Кавалерийского соединения
генерал-майором Наумовым М.И.*

Фонд № *466/106*
Опис № *2*
Один зберігання № *256*

Почато *13 мая* 19*46* р.
Закінчено _____ 19 ____ р.
на *213* аркушах

СТЕНОГРАММА

Беседы с командиром Партизанского кавалерийского соединения генерал-майором НАУМОВИМ Михаилом Ивановичем.

1. *(Туж)*
2. *Вилькова* *(Н.В. Вилькова)*
3. *(Вилькова)*

Беседу проводили: лектор ЦК КПС/У тов. ГУК В.К. и мл. научный сотрудник Комиссии по истории Отечественной войны на Украине при АН УССР тов. Новохацкий П.Е.

Стенографировала тов. Вилькова Ж.В.
гор. Киев, 13 мая 1946 г.

Родился в 1908 году 3-го октября в селе Большая Соснова Молотовской области /Пермская губерния/.

Село Большая Соснова по старым энциклопедиям означено, как большое торговое село, где несколько раз в году собирались крупные ярмарки, торговля в основном происходила сирьем и особенно льно-волоком. Село стоит на большом Сибирском тракте, соединяющем Москву, Казань и Сибирь, стало быть Пермь Екатеринбург.

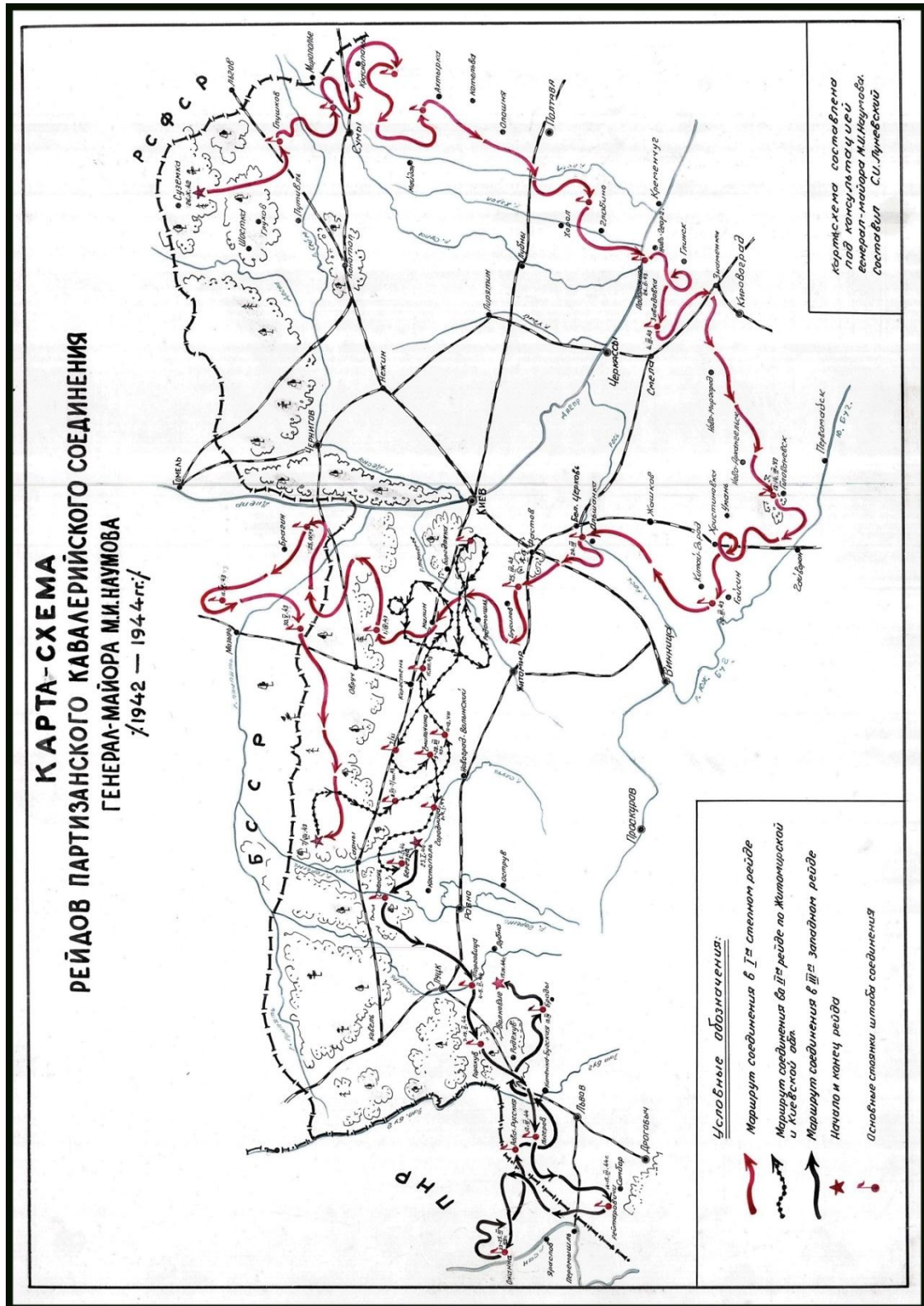
Этими двумя факторами и определялось культурное лицо этого населенного пункта, хотя оно и до сих пор в 50 километрах от ближайшей железной дороги, но все-таки я считаю, что это был культурный районный центр /ранее был Волостным/.

По этому поссе, когда ~~он~~ проходили караваны ~~и~~ почтовые тройки Пушкинских времен мчались и партии соевых. Мне помнится такой достопримечательный пар: в пересильном пункте есть записи Достоевского, который проходил этапом через этот ~~пункт~~ пункт.

Мой прадед был содержателем почтовой станции. Это был Иван Иванович Наумов. Он славился своими богатствами по всему округу. Дед мой, его сын, стал пить и умер в нищете после большого пожара и от неразумной мачехи, которая веда расточительную

Обложка документа и первая страница стенограммы беседы с М.И. Наумовым. Правки текста фиолетовыми чернилами М.И. Наумова. ДАГО Украины ф. 166, оп. 2, ед. хр. 256. Фото Анны Бибики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта-схема рейдов партизанского кавалерийского соединения Героя Советского Союза генерал-майора М.И. Наумова (1 февраля 1943 г. - 1 апреля 1944 г.). Карта-схема составлена партизаном соединения, картографом С.И. Луневским

Фото слева: Наумовы: Иван Афанасьевич и Анна Андреевна (рядом), начало XX в.
Фото справа – дом Наумовых в селе Большая Соснова Пермского края.

Село Большая Соснова, 1929 г.

Михаил Наумов, 1926 г.

Михаил Иванович Наумов, курсант Гомельской военно-химической школы и Надежда Трофимовна Чернявская в день регистрации брака в ЗАГСе г. Шостка 9 ноября 1932 г.

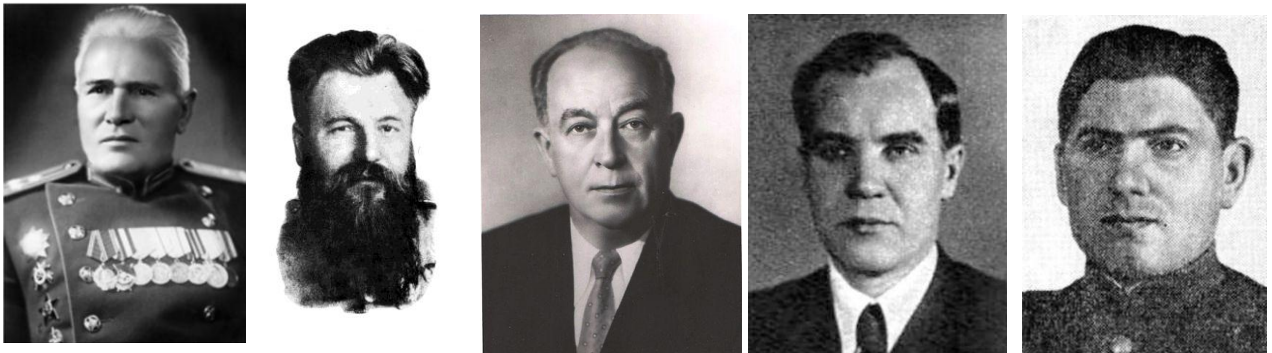
Слева направо: Наумов Михаил Иванович, фото октябрь 1940 г. (ст. лейтенант Наумов - старший помощник начальника учебной Окружной школы младшего начсостава Управления погранвойск НКВД Украинской ССР), командир партизанского соединения; Анисименко Иван Евграфович, комиссар соединения (погиб 1 апреля 1943 г.); Кочемазов Василий Парфенович, командир отряда «Смерть фашизму» соединения (погиб в марте 1943 г.); Гаврилюк Александр Феодосиевич, заместитель командира соединения по разведке.

Май 1942 г. В Хинельском лесу. Командный состав Эсманского (Червоного) партизанского отряда. Слева направо (сидят): Дегтярев Терентий Евменович, комиссар 1-й группы; Наумов Михаил Иванович, командир 1-й группы; Ашихмин; Лукашов Михаил Трофимович, комиссар Червоного отряда, работник райкома партии; Иванов Леонид Яковлевич, командир Червоного (Эсманского) отряда 1942 – 1943 гг.; Буянов В., командир взвода 1-й группы; (стоят) Усачов, командир отделения 1-й группы; Рожков, командир взвода 1-й группы; Гурьянов; Образцов, командир отделения 1-й группы; Куманек Порфирий Фомич, секретарь подпольного Сумского райкома ВКП(б)У; Гончаров П.А., 2-й секретарь подпольного райкома ВКП(б)У; Васин, командир взвода 1-й группы; Фильченко Г.П., начальник штаба отряда; Покамистов, командир взвода 1-й группы.

Слева направо: Строкач Тимофей Амвросиевич (1903-1963), начальник Украинского Штаба партизанского движения, генерал-лейтенант. Куманек Порфирий Фомич (1911-1972), первый секретарь Сумского подпольного обкома КП(б) У. Ковпак Сидор Артемьевич (1887 – 1967), командир Сумского партизанского соединения, генерал-майор, дважды Герой Советского Союза. Покровский Георгий Федорович (1915-2002), полковник, Герой Советского Союза, командир партизанской бригады «Народные мстители». Иванов Леонид Яковлевич, 1909 г.р., помощник начальника штаба 212-го гап 87-й сд ЮЗФ. С января 1942 г. командир Эманского (Червоного) партизанского отряда, командир отряда им. В.И. Ленина в составе соединения А.Н. Сабурова, командир партизанского соединения им. В.И. Ленина

Слева направо: Мельник Яков Иванович (1890-1982), с октября 1942 г. начальник оперативной группы по руководству партийным подпольем в Сумской области, командир Винницко-Сумского объединения партизанских отрядов, полковник НКВД. Вершигора Петр Петрович (1905 – 1963), командир партизанской бригады им. С.А. Ковпака, генерал-майор, Герой Советского Союза. Коротченко Демьян Сергеевич (1894-1969), член подпольного ЦК КП(б)У. Гречуха Михаил Сергеевич (1902-1976), председатель Президиума Верховного Совета УССР. Карасев Виктор Александрович (1918 – 1991), с 1935 г. в пограничных войсках НКВД СССР, командир партизанского соединения им. Александра Невского. Герой Советского Союза.

Слева направо: Грабчак Андрей Васильевич (Буйный), командир партизанского соединения им. Л.П. Берии; Маликов Степан Федорович, командир Житомирского партизанского соединения им. Н.А. Щорса; Шитов Иван Иванович, командир Тернопольского партизанского соединения; Румянцев Александр Харитонович, секретарь Глуховского подпольного райкома ВКП(б), руководил партизанской типографией в Хинели.

ШИФРОГРАММЫ Украинского штаба партизанского движения (Украинский филиал института марксизма-ленинизма, партархив. ЦДАГО, Центральный державний архів громадських об'єднань України (Київ), фонд 62, оп. 62-10).

6.02.43 г. СТРОКАЧ – КОРНИЙЦУ. ... Отрядами НАУМОВА с 6.02 по 7.02.43 г. в р-не Шевченко – Кияница в результате засад истреблено 627 гитлеровцев, паровозов – 2, вагонов – 2, автомашин – 9, повозок – 180; трофеи: пулеметов – 5, автоматов – 3, винтовок – 270, пистолетов – 19, патронов – 1300, лошадей – 283, обувь, обмундирование/ дело 16, л.д. 460/ № 433. КОРНИЕЦ.

7.02.43 г. СТРОКАЧ – КОРНИЙЦУ. Отряды НАУМОВА и ВОРОНЦОВА разгромили батальон район Мирополья. Уничтожено 189, взято в плен 46 гитл.; трофеи – пулем. 5, мином. 1, винтовок 76 /.

8.02.43 г. № 378. СТРОКАЧ – КОРНИЙЦУ. С 1 по 5 ... НАУМОВ проводит рейд по территории Сумской области. 3.02. занял села Ломакино, Свинарка. Пустил под откос 3 эшелона, уничтожил 4 паровоза, 27 вагонов, ж.д. мост, истребил 150 гитлеровцев.

11.02.43 г. КУМАНЬКУ, МЕЛЬНИКУ, НАУМОВУ. Рейду на юго-запад придается особое политическое значение. Провести его в жизнь обязательно. СТРОКАЧ / фонд 63-10, дело 16, л.д. 6/.

11.02.43 г. № 421 НАУМОВУ № 424. Исходя обстановки Вашим отрядам отходить только на запад, повторяю, только на запад. Ориентировочно в район Чигирин – Смела или в леса сев – зап Киева. Маршрут Вашему усмотрению, исходя боевой обстановки. Принятое решение сообщить. Дадим указания отрядам Вас встречать. СТРОКАЧ./л.д. 427/.

12.02.43 г. СТРОКАЧ – КОРНИЙЦУ. Отрядами НАУМОВА проведена операция на Краснополье, 36 км вост. Сумы. Взяты трофеи – пулеметов 2, винтовок 72, патронов 3600, роздано населению хлеба 400 000 центн.

17.02.43 г. КОРНИЙЦУ. НАУМОВ 14 февраля в районе Б. Истороп 24 км юж-нее Сумы освободил 2000 пленных красноармейцев, истребил при этом 40 гитлеровцев конвоя. СТРОКАЧ.

18.02.43 г. НАУМОВУ. Поздравляю Вас лично, командиров, комиссаров и партизан Ваших отрядов хорошими успехами борьбе с врагом. Результаты Ваших действий докладываются Сталину. Хорошо оцениваются. Желаю успеха выполнении новых задач, массового подъема партизанского движения на Украине. СТРОКАЧ/л.д. 44/.

18.02.43 г. № 730 НАУМОВУ ЛУКАШОВУ ВОРОНЦОВУ. Все отряды Вашего соединения подчинены только НАУМОВУ, приказ которого выполнять беспрекословно. Вопрос направления отрядов на правый берег Днепра согласован ЦК КП/б/ У и обсуждению не подлежит. ВОРОНЦОВУ, сохраняя самостоятельность, приказываю выступить вместе НАУМОВЫМ, не дожидая Красной Армии для пополнения боеприпасов. СТРОКАЧ. /л.д. 52/.

19.02.43 г. ЛУКАШОВУ. Создается впечатление Вы не желая оставить территорию Сумской области срываете выполнение указаний Главного командования о выводе отрядов на правый берег Днепра. На Вашем лично уходе не настаиваю можете оставаться, отряды Червоный, За Родину и др. находящиеся рейде задерживать не разрешаю. СТРОКАЧ.

20.02.43 г. № 751. НАУМОВУ ЛУКАШОВУ. ЛУКАШОВУ остановиться на территории Сумской области с местными отрядами. НАУМОВУ со всеми отрядами находящимися в рейде в том числе отряд ВОРОНЦОВА выполнять решение о выходе Чигирин. Последний раз ЛУКАШОВУ предлагаю не чинить препятствий выходу рейд и выполнения боевых задач. Исполнение донесите. СПИВАК, СТРОКАЧ. /л.д. 62/.

20.02.43 г. НАУМОВУ МЕЛЬНИКУ. КУМАНЕК Ввиду сложившихся обстоятельств отрядам НАУМОВА действовать самостоятельно и выполнять только мои указания». СТРОКАЧ.

21.02.43 г. НАУМОВУ только лично. Сообщите Ваше мнение кого назначить комиссаром Вашего отряда. МЕЛЬНИК рекомендует АНИСИМЕНКО Ивана Евграфовича. СТРОКАЧ.

23.02.43 г. № 615. НАУМОВУ лично. Вашим рейдом интересуется и лично следит Главное командование. Вы представлены званию Героя Советского Союза. Примите все меры выполнению поставленных задач, которые безусловно будут иметь огромное настоящее и историческое значение. СТРОКАЧ.

25.02.43 г. л.д. 148. НАУМОВУ АНИСИМЕНКО. ЛУКАШОВА назначить Вашему усмотрению партполитработу в одном из Ваших отрядов, в полное починение Вам или командованию того отряда где будет работать ЛУКАШОВ. Исполнение донесите. СТРОКАЧ.

25.02.43 г. л.д.150. НАУМОВУ. Комиссаром Вашего соединения назначаю АНИСИМЕНКО повторяю: АНИСИМЕНКО Ивана Евграфовича. Исполнение донесите. СТРОКАЧ.

25. 02.43 г. л.д.158. КОРНИЕЦ. ... Отряды НАУМОВА благополучно достигли 23.02 Турбаи 40 км сев.-вост. Глобин.... СТРОКАЧ.

26.02.43 г. № 162. ЛУКАШОВУ копия НАУМОВУ АНИСИМЕНКО. Ваше обвинение СТРОКАЧ об отношении партийным органам необоснованно. Из Вашей радиограммы видно обособленное Ваше пребывание отрядах НАУМОВА, этого допустить нельзя. Дальнейшем оставайтесь отрядах полном подчинении командованию соединения, на партработе одном из отрядов, Телеграмма посланная Вам была согласована с ЦК. СПИВАК. /л.д. 162/.

26.02.43 г. № 172. МЕТЕЛЕВУ. НАУМОВ не имеет карты правобережья Украины. Договоритесь выброске боевым самолетом днем. Возможность донесите. Сигналы место нахождения НАУМОВА дополнительно. Ориентировочно Чигирин. СТРОКАЧ.

26.02.43 г. № 176. НАУМОВУ АНИСИМЕНКО По данным требующим проверки районе Черный лес 4 км севернее Знаменка действует отряд Скирды 600 человек отряд ДИБРОВЫ и др. Имеем радиосвязь ДИБРОВОЙ. Вышлите разведку для связи результаты донесите. У ДИБРОВЫ есть карты. СТРОКАЧ.

27.02.43 г. № 186. НАУМОВУ АНИСИМЕНКО УСАЧЕВА назначьте своему усмотрению разведработу штаба соединения или одном из отрядов. Никаких самостоятельных представлений отрядах не должно быть. Всех без исключения подчинить командиру комиссару соединения. Призовите порядку недисциплинированных. Рацией пользоваться только Вам. Исполнение донесите. СРОКАЧ.

27.02.43 г. № 188. НАУМОВУ. МЕЛЬНИКА утверждаю начальником штаба Вашего соединения. СТРОКАЧ.

28.02.43 г. ВОРОНЦОВУ. НАУМОВ с честью выполнил задачу вышел намеченный район хорошо действует представлен Героя Советского Союза. Ваше поведение вызывает удивление Штаба и ЦК.... СТРОКАЧ.

28.02.43 г. КОВПАКУ РУДНЕВУ. Известный Вам НАУМОВ группой отрядов совершил героический рейд: Смелиж, Хинель, Сумы, правый берег Днепра в южные области Украины где превосходно действует представлен Герою Советского Союза...

28.02.43 г. л.д. 212. № 796. СЕМЕНЧУКУ. Отряды НАУМОВА вышли указанный им район. Ваш отряд не имея уважительных причин боевого приказа не выполнил. Немедленно перейти линию фронта выйти указанный район. Исполнение донесите. Предупреждаю в случае невыполнения приказа буду вынужден отстранить от командования отрядом предать суду. СТРОКАЧ.

28.02.43 г. л.д. 714. НАУМОВУ ДИБРОВУ. Разведданные о мероприятиях противника представляют очень важное значение... донесите: где какие строятся оборонительные сооружения, перебрасываются ли части 17 армии с Керченского полуострова в район Мелитополь, Запорожье, Днепро. СТРОКАЧ.

28.02.43 г. л.д. 214. НАУМОВУ. Сообщите о результате связи СКИРДОЙ и ДИБРОВОЙ, действующими Черном лесу районе Знаменки. Будьте осторожны, возможно нас разыгрывает разведка противника. СТРОКАЧ.

28.02.43 г. л.д. 218. НАУМОВУ. Семенчук 500 человек и ВОРОНЦОВ находятся Ахтырке освобожденной Красной Армией.... СТРОКАЧ.

1.03.43 г. л.д. 222. НАУМОВУ. Ваша семья обеспечена пособием на весь 1943 год. СТРОКАЧ.

2.03.43 г. НАУМОВУ . Сообщите где находятся 2000 пленных красноармейцев освобожденных Вами из плена. СТРОКАЧ.

3.03.43 г. л.д. 242. НАУМОВУ. Ночь на 5 марта ждите самолеты посадкой. Запрет посадки сигнализируйте три зеленые ракеты в зенит.СТРОКАЧ.

5.03.43 г. л.д. 267. НАУМОВУ. Маневре не стесняйтесь действуйте обстановке вашему усмотрению. Принимаем все меры выброске ПТР и боеприпасов, сегодня причине плохой погоды от вас вернулся самолет не выполнив задания. Ночь на 6.03 ждите самолеты. Возможность приема подтвердите немедленно.СТРОКАЧ.

6.03.43 г. л.д. 299. НАУМОВУ. Данные укрепления Днепра представляют особый интерес. Срочно разведайте характер возможно подробную дислокацию укреплений Днепра районах Кременчуг Крюков. СТРОКАЧ. /л.д. 299/.

6.03.43 г. л.д. 307. НАУМОВУ АНИСИМЕНКО ЛУКАШОВУ. Первым попутным самолетом т. ЛУКАШОВУ вылететь Москву. СТРОКАЧ.

6.03.43 г. л.д. 358. НАУМОВУ. ДИБРОВА вторично радировал о действиях отрядов СКИРДЫ 20 км южнее Чигирин. СТРОКАЧ.

9.03.43г. л.д. 333. НАУМОВУ БАЛИЦКОМУ ЕРЕМЧУК. Поздравляю вас с присвоением вам звания Героя Советского Союза. От всего сердца желаю самых наилучших успехов в окончательном разгроме немецко-фашистских оккупантов и счастья в Вашей личной жизни. СТРОКАЧ.

10.03.43 г. № 411. НАУМОВУ. Действиями Вашего отряда доволен. Вы делаете весьма большое и почетное дело. Необходимо активизировать действия на жел.-дор. транспорте. Всячески силами отрядов и местного населения срывать подвоз резервов к фронту и планомерный отход противника. Ежедневно доносите о проделанной работе. СТРОКАЧ /л.д. 413/.

12.03.43 г. л.д. 390. НАУМОВУ. Сегодня получена Ваше имя поздравительная телеграмма Вашей жены. Дома все благополучно. СТРОКАЧ.

13.03.43 г. № 907. НАУМОВУ, АНИСИМЕНКО. Сообщите постоянное местонахождение, почему не выходите на связь, беспокоюсь. СТРОКАЧ.

14.03.43 г. л.д. 456. НАУМОВУ. Ночь на 15 марта ждите 2 самолета, жгите большие костры. СТРОКАЧ.

15.03.43 г. л.д. 459. НАУМОВУ молния. Ночь на 15.03.43 г. вам выброшен груз с двух самолетов 16 мест. По донесению летчиков лес горел. Сигналов не обнаружено. Подтвердите. СТРОКАЧ.

15.03.43 г. л.д. 461. НАУМОВУ, АНИСИМЕНКО. Ночь на 15.03 вам выброшено двух самолетов 19 мешков боеприпасов. Докладу летчиков Голованевский лес горел. Выбросили указанную вами точку. Подтвердите получение» СТРОКАЧ.

8.04.43 г. КОВПАКУ ФЕДОРОВУ НАУМОВУ МЕЛЬНИКУ. Поздравляем встречей четырех украинских партизанских соединений и совместно проведенной операцией разгрома флотилии и батальона словаков. Желаем успехов. СТРОКАЧ. /Подписано и секретарем ЦК КП/б/У. ф. 62, л.д. 425./.

9.04.43 г. СТРОКАЧУ. 14 марта был окружен дивизией СС Голованевских лесах Одесской области. Комиссар Грищенко бежал забрав автоматчиков контрразведчиков пулеметчиков боеприпасы. Кочемазов забрал собой 15... Лукашов обманом увел по Червоний и мою рацию. Бежали бросив раненых и слабооруженных бойцов. Составе 200 конников с командирами ИНЧИНЫМ ЩЕБЕТУНОМ начштаба МЕЛЬНИКОМ прибыли КОВПАКУ для установления связи с Вами. Прошу выбросить рацию РПО-2 с радистом карты пулеметы автоматы толу согласно моей заявки. НАУМОВ.

9.04.43 г. Только лично НАУМОВУ. Рады Вашему выходу КОВПАКУ. Окажем всяческое содействие и помощь. Сообщите Ваши намерения дальнейших действий. Считаю необходимым исходя общего плана развития партизанского движения на Украине Вашему отряду выйти в район Черновцы, где замечательные перспективы условия боевых действий. СТРОКАЧ.

10.04.43 г. НАУМОВУ. Горячо поздравляем Вас Михаил Иванович присвоением Вам звания генерал-майор. От души желаем предстоящих боях новых успехов в окончательном разгроме немецких захватчиков и освобождении родной Украины от ненавистного врага. ХРУЩЕВ, СТРОКАЧ.

22 .04.43 г. НАУМОВУ. Сообщаю для сведения. По полученным данным из отряда ДЗЮРАК ваши партизаны отставшие рейде собираются его отряде в районе Смела. СТРОКАЧ.

23 мая 1943 г. ПРИКАЗ начальника Украинского штаба партизанского движения № 187 23 мая 1943 года г. Москва. Содержание: об оставлении в починении отряда Козлова командиру партизанского соединения генерал-майору Наумову... ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Командиру партизанского соединения генерал-майору тов. Наумову объединить ранее входившие в Ваши соединения отряды.

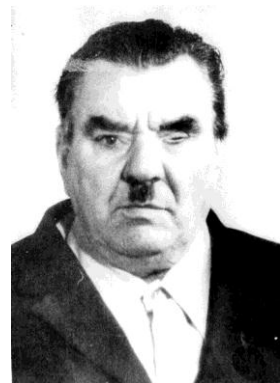
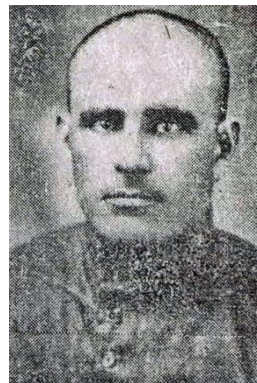
Участники всех трех рейдов соединения М. Наумова. Слева направо: Петрикей Петр Игнатьевич, третий секретарь РК КП(б) У Конотопского района, комиссар Конотопского отряда «Смерть фашизму», Сипливый Анатолий Гаврилович, командир отряда им. Н.С. Хрущева; Боров Иван Ильич, командир Червоного отряда; Кузьмин Иван Александрович, отряд им. Н.С. Хрущева, начальник хозяйственной части соединения;

Схема форсирования р. Днепр партизанским соединением М.И. Наумова 26 февраля 1943 г. (Степной рейд). Бой у с. Вороновка. Рисунок из дневника Инчина Анатолия Ивановича, командира отряда им. Н.С. Хрущева (Хинельского). ЦДАГО України, ф. 66, оп. 1, д. 89, стр. 20.

Слева направо: Астахов Роман Яковлевич, старший лейтенант, командир конной разведки соединения, десантирован в Словакию в 1944 г., помощник по разведке командира бригады им. Яна Налепки. Мельник Григорий Арсентьевич, начальник штаба, исполнял обязанности командира соединения в мае – июне 1943 г. В 1944 г. десантирован в Чехословакию, командир десантной группы отряда им. Яна Козины; Забияка Савелий Филиппович, отряд «Смерть фашизму», политрук (умер в январе 1944 г.); Пузанов Сергей Андреевич, отряд им. Хрущева, главразведка.

Слева направо: Горобец Федор Яковлевич, с августа 1943 г. отряд Киевский, нач. штаба отряда. Вертученко Василий Федорович, разведчик (погиб 2 апреля 1944 г. в Львовской области); Ступич Кузьма Федорович, отряд Хинельский им. Н.С. Хрущева соединения М. Наумова, начальник штаба отряда (погиб в бою 25 марта 1943 г., похоронен у с. Яблоновка Белоцерковского района Киевской обл.); Ступич Тимофей Федорович (фото 1980-х).

Фото слева: Коренский Иван Петрович, отряд Червоный, политрук роты (13 декабря 1943 г. убит бульбовцами при переходе р. Случь возле с. Моквин Ровенской обл. Похоронен в братской могиле в с. Сосновое Березновского района Ровенской обл.). Далее фото: Ромашкин, командир 2-й роты Червоного отряда в ноябре 1942 г. и Инчин Анатолий Иванович (справа), командир Хинельского им. Н.С. Хрущева отряда, участник Степного рейда. Фото справа: Тарасов Николай Яковлевич, боец Киевского отряда.

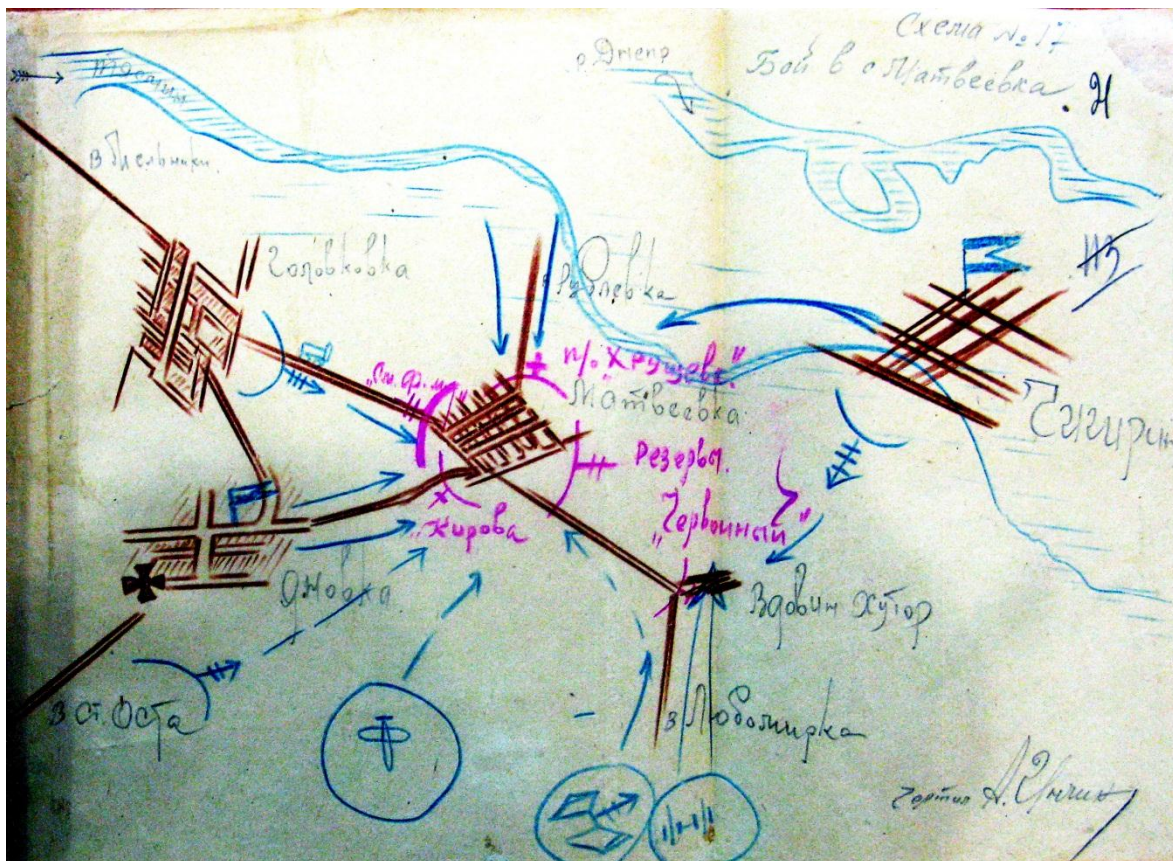
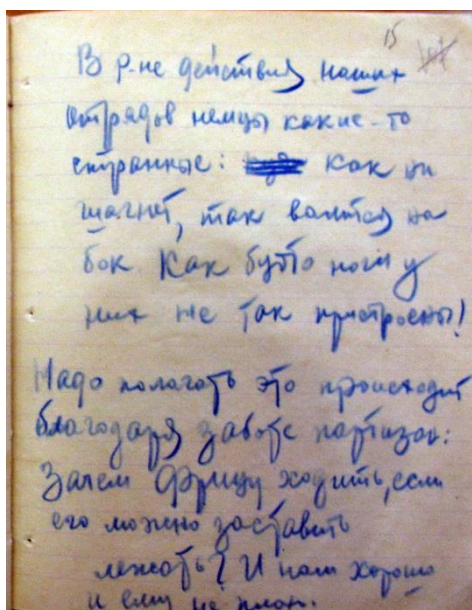

Схема боя в с. Матвеевка Черкасской обл. партизанского соединения М.И. Наумова 1 марта 1943 г. Рисунок из дневника Инчина Анатолия Ивановича, командира отряда им. Н.С. Хрущева (Хинельского). ЦДАГО України, ф. 66, оп. 1, д. 89, стр. 21.

«В течение 1 марта была подобрана посадочная площадка для самолета в районе Буда. У села Матвеевка соединением принят бой с мехотрядом гитлеровцев, прибывших на 4-х автомашинах и двух танкетках». Из отчета о деятельности соединения в Степном рейде. ЦДАГО Украины ф. 66 оп. 1 д. 1.

Страница из дневника Анатолия Ивановича Инчина, командира отряда им. Н.С. Хрущева кавалерийского партизанского соединения М.И. Наумова.

ЦДАГО України, ф. 66, оп. 1, д. 89, стр. 15.

« В районе действия наших отрядов немцы какие-то странные: как он шагнет, так валится на бок, как будто ноги у них не так пристроены! Надо полагать, это происходит благодаря заботе партизан: зачем фрицу ходить, если его можно заставить лежать. И нам хорошо, и ему неплохо».

Памятники партизанам-наумовцам, погибшим в боях во время Степного рейда (1 февраля – 5 апреля 1943 г.)

Мемориальный комплекс в Белоцерковском районе Киевской области.

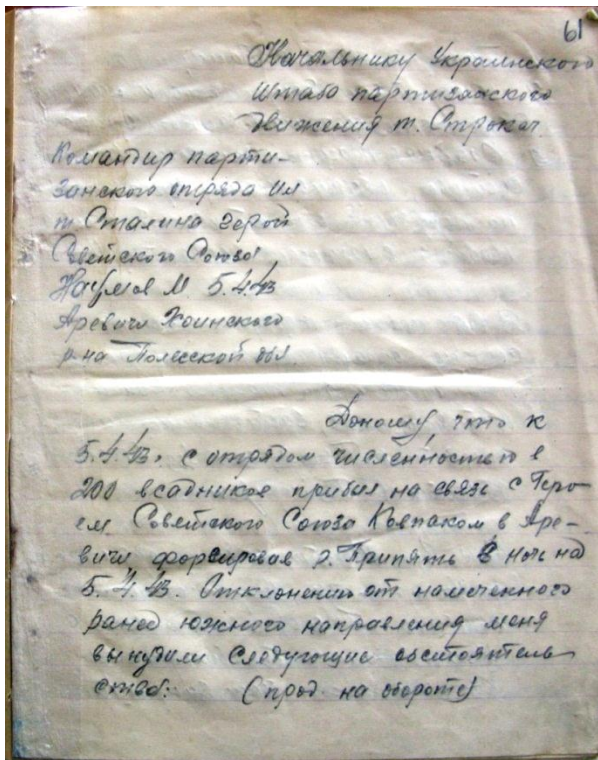

В 1981 году на месте гибели Кузьмы Федоровича Ступича в лесу у дороги сел Пилипча – Яблонька соорудили мемориальный комплекс: стела из розового гранита, на которой карта-схема и надпись «Маршрут Степного рейда партизанского з'єднання під керівництвом М.І. Наумова здійснений по Україні, 1943 р.»; обелиск с надписью «На цьому місці загинув командир партизанського загону Ступич К.Ф.»; посередине надгробие из черного гранита. Фото мемориала учеников Яблоньковской школы, предоставлено директором школы в с. Быкова Гребля Вталием Васильевичем Оноприенко в 2016 г.

Слева: памятник партизанам-наумовцам на братской могиле в селе Шляховое Новоархангельского района Кировоградской обл. Скульпторы: Т.Н. Братерский и М. Корнеев, архитектор А.А. Сидоренко. Фото Inna Stolino www.google.com.ua/Шляховое. Далее: памятник на братской могиле партизан соединения М.И. Наумова в с. Станиславово Ульяновского района Кировоградской области.

Справа памятник на месте боя и гибели 25 партизан соединения М. Наумован 22 марта 1943 г. в лесу у сел Корделевка – Черепашинцы Калиновского района Винницкой области, возле ставки Г. Геринга, вблизи объекта «Вервольф», ставки Гитлера. Фото <http://komariv.livejournal.com/14763.html>

Первая страница письма Героя Советского Союза М.И. Наумова, командира партизанского отряда имени тов. Сталина 5 апреля 1943 г., написанного в селе Аревичи Хойникского района Полесской (Гомельской) области начальнику украинского Штаба партизанского движения тов. Строкачу.

Начальнику Украинского штаба партизанского движения т. Строкач
Командир партизанского отряда им.
т. Сталина Герой Советского Союза
Наумов М.И. 5.04.43
Аревичи Хоинского [Хойникского] р-на
Полесской обл.

Доношу, что к 5.04.43 г. с отрядом численностью 200 всадников¹ прибыл на связь с Героем Советского Союза Ковпаком в Аревичи, форсировав р. Припять в ночь на 5.04.43. Отклонению от намеченного ранее южного направле-

ния меня вынудили следующие обстоятельства: (прод. на обороте).

1. Потеря связи с Вами.
2. Отсутствие боеприпасов и малочисленность автоматического оружия.
3. Крайняя переутомленность личного состава, обусловленная чрезвычайно трудной оперативной обстановкой в южных областях Украины.

Ввиду личного переутомления сегодня ограничусь только рапортом и освещаю только причины обстоятельств, заставивших меня отойти из Одесской области в Белоруссию.

Как Вам известно из моих радиограмм, к 14 марта с. г. соединение мое прибыло в Голованевские леса с целью получить боеприпасы, которые мною были запрошены на выброску самолетами на опушку Голованевского леса. Однако днем 14.03.43 произошло следующее: из отряда «Смерть фашизму» вр[еменный] начштаба Семин², бывш. начальник полиции гор. Теткино позвонил по телефону из Голованевского лесничества в райцентр Грушка³ и сделал такое заявление: «В этом лесу высадился десант регулярных войск Красной Армии численностью 8 000 бойцов. Что мне, лесничему, делать?»

Комендант из Грушки ответил, что сил у нас достаточно для того, чтобы принять меры. Как было уточнено в последующие дни, главное командование поверило провокационному сообщению Семина и приняло мое объединение за части, прорвавшиеся через линию фронта, и бросили из Умани части «СС» на 750 автомашинах с танками и бронемашинами, которыми был окружен Голованевский лес с половины дня 14.03.43. Две бронемашины и танкетка внезапно атаковали и окружили мою квартиру в Станиславчике [Станославово] при одновременном наступлении немецкой пехоты на Станиславчик с трех сторон.

В это время были вызваны румынский и итальянский артполки из-за Ю. Буга и начали обстрел Голованевских лесов. Отряды «Смерть фашизму» и «Червоный» под натиском противника поспешно отошли в лес, оставив мой КП в Станиславчике без прикрытия со стороны поля.

В трехчасовом бою по обороне штаба и радиоузла погиб героически командантский взвод, командир п/о «Хрущева» Говоров И.Г.⁴, начштаба капитан Дмитриев⁵, все мои связные с отрядами; перебиты или поранены ординарцы; тяжело ранены: комиссар соединения Анисименко⁶, командир Кировского п/о Щебетун⁷; подо мной был убит строевой конь, под рацией убиты пара коней и ездовой, однако рацию удалось спасти.

К концу боя мой КП (я и Анисименко), к-р п/о Хрущева Инчин⁸, Щебетун, несколько раненых автоматчиков прорвались в лес с применением рукопашного боя.

К моменту моего прибытия в лес в отрядах зародилась паника: комиссар п/о «Смерть фашизму» Грищенко⁹ отобрал автоматчиков, пулеметчиков и всю конную разведку – сбежал в неизвестном направлении; капитан Кочемазов¹⁰, забрав с собой командный состав и переодевшись в немецкую форму, с группой 15 человек последовал примеру Грищенко – скрылся, оставив обоз раненых и большую часть бойцов в лесу. Лукашов¹¹ объявил, что я приказал выводить из леса группами, увел почти весь Червоный отряд за собой, обманув также Агафонова¹², сказав ему, что я поручил охрану рации Червоному отряду.

Последнее обстоятельство мне стало известно от командира отделения автоматчиков отряда Хрущева, охранявшего рацию, т. Савченко, который на третьих сутках отошел от Лукашова и нашел меня. От него же известно, что Лукашов сообщил Вам о том, что группа моих отрядов разбита наголову.

Таким образом, в ночь на 15 марта для меня стало ясно, что Грищенко, Кочемазов и Лукашов предательски сбежали, оставив мне раненых, слабовооруженных и мало боеспособных бойцов без комсостава. До 4.00 15.03.43 я разыскивал Кочемазова и п/о Червоный, но было ясно, что они ушли.

К 5.00, организовав отряд «Смерть фашизму», Кирова и Хрущева, я вывел людей из заблокированного леса. Вывел обоз с ранеными. В это время над лесом кружились присланные Вами Дугласы, лес обстреливала артиллерия противника, опушки и просеки простреливались пулеметным огнем.

В этой обстановке, без пулеметов и боеприпасов, без рации я принял решение следовать на с-запад, в район Овруча, где надеялся найти рацию для связи с Вами. Этот отрезок пути был еще более трудным. 20 суток пути – 20 боев с немцами и жандармерий.

В этих боях и походах оставшаяся часть бойцов научилась воевать, приобрела боескочечность, научилась действовать в конном строю (ехали только верхом), отбили у немцев 6 пулеметов, до 10 000 патронов, истребили до 200 гитлеровцев, 9 автомашин.

Прошли маршрут: Голованевский лес, Одая, Дяковка, Терновка, Погорелое, Синица, Шельпаховка, Янов, Ивангород, Вел. Сацстьяновка, Холоидово, Терлица, Леухи, Семиречка, Нараевка, Михайловка, Гунча, Бондуры, Белки, Пархомовка, Париевка, Жаданы, Оратовка, Осична, Стадница, Высокое, Буденовка, Пятигоры, Галайки, Матвейха, Ожиговка, Пархомовка, Тадиевка, Сорочяги, Ольшанка, Яблоновка, Городище, Пустоваровка, Матюши, Руда, Краснолисы, Почуйки, Ставище, Романовка, Суцанка, Лучин, Турбовка, Западня, Струцивка, Николаевка, Войташевский, Вильня, Приворотье, Раковичи, Раевка, Белка, Кодра, Соболевка, Белая Криница, Меделевка, Визня, Щербатовка, Селище, Пырижки, Барановка, Дуброва, Недашки, сл[обода] Малинки, сл. Выслоцкого, Великие Клещи, Хрипля, Шишаловка, Вершница, Б. Миньки, Голубиеви-

чи, Волчков, Городещина, х. Стещино, Черемошень, Замошье, Глинки, Разъезжа, Толстый Лес, Красны Поселок, окопы, Углы, Антоновк, Красиловка, Дерновичи, Аревичи, Молочки.

Со мной прибыли командиры:

1. Начштаба ст. лейт-нт Мельник, проявивший себя в рейде мужественным и способным командиром.
2. К-р п/о Хрущева л-т Инчин (ранен).
3. Политрук Будащ, командует п/о Смерть фашизму, комиссар секр. РК Петрикей.
4. Командир п/о Кировский Щебетун (ранен).
5. Комиссар Анисименко пропал без вести в бою под Хрипля вместе с охранявшим его отделением 3.4.43.

Боевой состав отряда:

Людей 200, лошадей 200, пулеметов русских 3, немецких 4, автоматов 20, остальное – винтовки, б/частью немецкие.

Через несколько дней отдыха личный состав будет готов к выполнению марша в любой район Украины, если удастся получить боеприпасы. Было бы целесообразно сохранить мой отряд конным и каждого бойца вооружить автоматами и пулеметами, а также противотанковыми ружьями.

Кроме того, необходим тол, рычажные, замедленные и магнитные мины с инструктором-подрывником.

Прошу прислать автоматы, ПТР и пулеметы соответственно данной мною заявки еще в Сумской области. Кроме того: рацию РПО-2 с радистом, карты правобережной Украины масштаба 100 000 и 200 000, карты всей Украины масштаба 500 000, компасов Адрианова 20 шт.

Желательно получить клинки кавалерийские и облегченные седла. Срок моего выступления на Украину будет зависеть от того, как скоро я получу рацию и патроны (на русские карабины имею по 2-5 шт. патрон). Прошу партизанские отряды Червоный и «Смерть фашизму» срочно направить в мое распоряжение, а руководителей Грищенко, Лукашова, Кочемазова, Козлова – судить, снять ордена и расстрелять за измену.
Герой Сов. Союза Наумов (личная подпись).

¹По уточненным спискам личного состава, прибыли на партизанскую базу в Белоруссии 259 человек, в т.ч. покинувшие соединение М. Наумова 14 марта 1943 г. и добравшиеся в Белоруссию самостоятельно.

²Семина Алексей Андреевич, 1916 г.р. г. Москва. В РККА с 1937 г. Сочтен пропавшим без вести в августе 1941 г. Служил начальником полиции в с. Теткино Курской области. Перешел в партизаны Конотопского отряда 16 декабря 1942 г. С 1 февраля 1943 г. в соединении М.И. Наумова. 14 марта 1943 г. дезертировал.

³Село Грушка Ульяновского (Благовещенского) района Кировоградской области. Скорее всего, речь идет о с. Ульяновка (ранее Грушковский выселок), который на карте Одесской обл. 1939 г. значится как с. Грушка, центр сельсовета.

⁴Говоров Иван Гаврилович, 1904 г.р. Уроженец Кировской обл., житель г. Мариуполь, председатель Мариупольского горсовета Донецкой обл. В партизанах с 14 октября 1942 года. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г., комиссар отряда им. Н.С. Хрущева. 14 марта 1943 г. погиб в бою в с. Станиславово Ульяновского района Кировоградской обл. Похоронен в братской могиле № 488 в с. Станиславово.

⁵Дмитриев Константин Иванович, 1919 г.р. г. Новосибирск. В РККА с 1937 г., зам. политрука, 95 Надворнянский погранотряд, капитан, 95-й погранполк войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта в 74-й стрелковой дивизии. Сочтен пропавшим без вести 17 мая 1942 г. на Керченском полуострове. В партизанах с 26 февраля 1943 г. из освобожденных военнопленных, начальник штаба отряда им. Н.С. Хрущева. Погиб в с. Станиславово 14 марта 1943 г. Похоронен в братской могиле в с. Станиславово Ульяновского района Кировоградской обл.

⁶Анисименко Иван Евграфович, 1903 г.р. Сумская обл. Глуховский район, с. Вольная Слобода. В августе 1941 г. организатор подполья в Червоненском районе Сумской обл., командир партизанского отряда, комиссар соединения М.И. Наумова с 23 февраля по 1 апреля 1943 г. Тяжело ранен 14 марта 1943 г. во время боя в с. Станиславово Одесской (ныне Кировоградской) обл. Умер от ран 1 апреля 1943 г. Похоронен в братской могиле в селе Великие Клещи Народичского района Житомирской обл. В родном селе Вольная Слобода Сумской области установлен памятник И.Е. Анисименко.

¹⁰Кочемазов Василий (Порфирьевич) Парфенович, 1900 г.р. Сумская обл. г. Конотоп. Один из организаторов, командир местного Конотопского отряда с 7 сентября 1941 г., капитан. С 1 февраля 1943 г. в кавалерийском соединении М.И. Наумова М.И., командир Конотопского отряда «Смерть фашизму». 15 марта 1943 г. пропал без вести в районе Голованевского леса в Кировоградской обл. Имя его внесено в список захороненных в братской могиле № 488 у клуба в с. Станиславово Ульяновского района Кировоградской обл.

¹¹Лукашов Михаил Трофимович, 1917 г.р. Сумская обл. Глуховский район с. Уланово. Член бюро Сумского обкома ВКП/б/. В партизанах с 1 сентября 1941 г. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г. До 27 февраля 1943 г. комиссар соединения, затем комиссар Червоного отряда. 14 марта 1943 г. во время боя в с. Станиславово Кировоградской обл. выбыл с отрядом в район партизанской базы в Белоруссии.

¹²Агафонов Николай Андреевич, 1924 г.р. Ульяновская обл., Кузоватовский район, с. Баевка. В партизанах с 1942 г. В соединении М.И. Наумова с 1 февраля 1943 г., радист. 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию, начальник связи в партизанской бригаде им. М. Штефаника.

Апрель 1943 г. в Гомельской области, Белоруссия. Слева направо: Федоров Алексей Федорович, Герой Советского Союза (с 4 января 1944 г. дважды Герой Советского Союза), генерал-майор (9.04.1943), командир Черниговско-Волынского партизанского соединения; Балицкий Григорий Васильевич, Герой Советского Союза, майор, командир отряда партизанского соединения А.Ф. Федорова; Наумов Михаил Иванович, Герой Советского Союза, генерал-майор (9.04.1943), командир кавалерийского партизанского соединения; Ковпак Сидор Артемьевич, Герой Советского Союза (с 4 января 1944 г. дважды Герой Советского Союза), генерал-майор (9.04.1943), командир Путивльского партизанского отряда (позднее – Сумского партизанского соединения). РГАКФД (Российский государственный архив кинофотодокументов. Шифр 0-96675 ч/б).

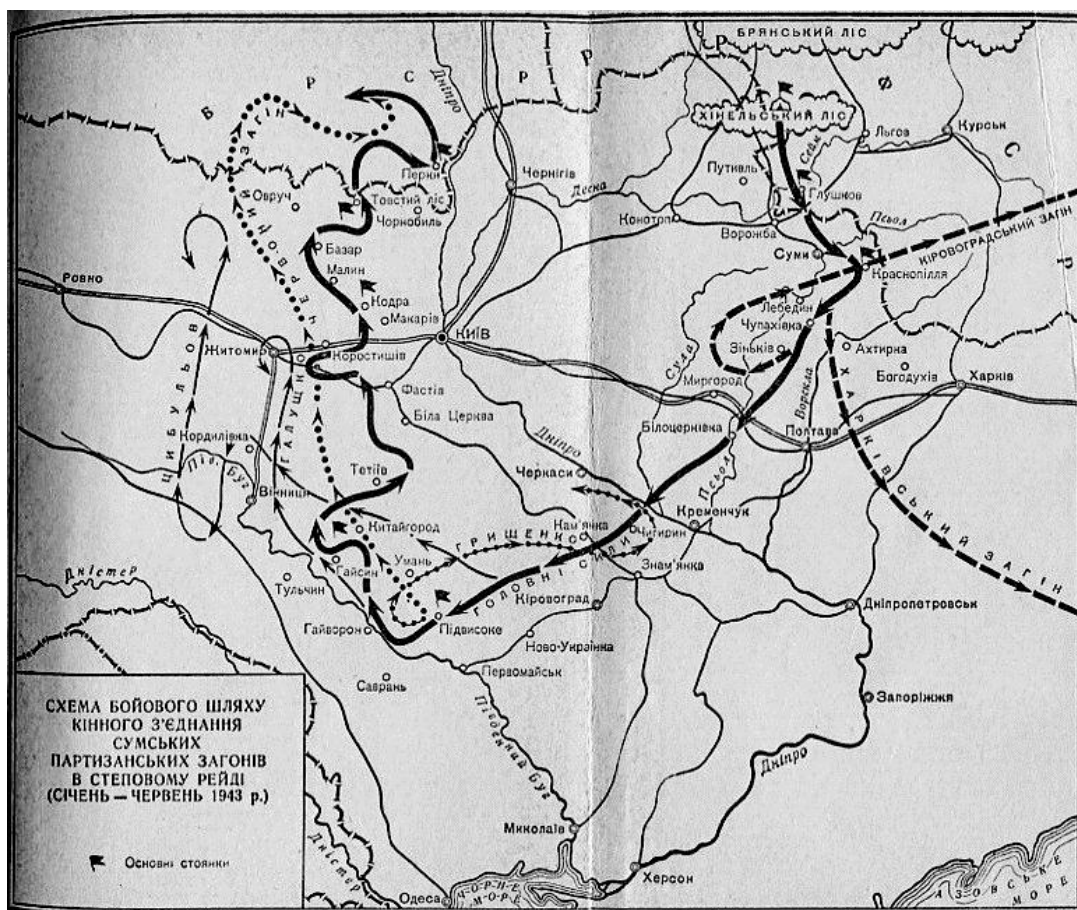

Схема Степового рейда партизанського соєдинення М. Наумова. Из книги М. Наумова «Степовий рейд». Київ, Рад. письменник, 1964.

Фото слева: Наумов Михаил Иванович с женой Надеждой Трофимовной и сыном Владиславом. Москва, июнь 1943 г. Фото справа: Москва, май 1943 г. В парке санатория им. Воровского. Слева направо: Яременко Василий Емельянович, член подпольного Черниговского обкома КП(б)У; Наумов Михаил Иванович, Герой Советского Союза, генерал-майор, командир кавалерийского партизанского соединения; Новиков Семен Михайлович, В 1941 г. — участник создания подпольно-партизанской сети на Черниговщине. С марта 1943 г. комиссар Черниговского партизанского соединения им. Н.Н. Попудренко, секретарь Черниговского подпольного обкома КП(б)У

1943 г., 25 июня, с. Чияне (Лельчицкий р-н), Белоруссия. Награждение командного состава соединения М.И. Наумова после завершения Степного рейда. Слева направо (верхний ряд): Степанов К.В.; Барышников; Забияка С.Ф.; Мельник Г.А.; начальник УШПД Строкач Т.А.; член подпольного ЦК КП(б)У Коротченко Д.С.; Кищинский С.С.; Кузнецов Н.М.; Гаврилюк А.Ф. В среднем ряду: Петрикей П.И.; Лопатников В.Ф.; Саморока В.Н.; Боров И.И.; Коренский И.П.; Горбеев Ф.Я.; ...; ...; Шумара П.П. Сидят: Кузьмин И.А.; Муракин П.Ф.; Лобач Ф.П.

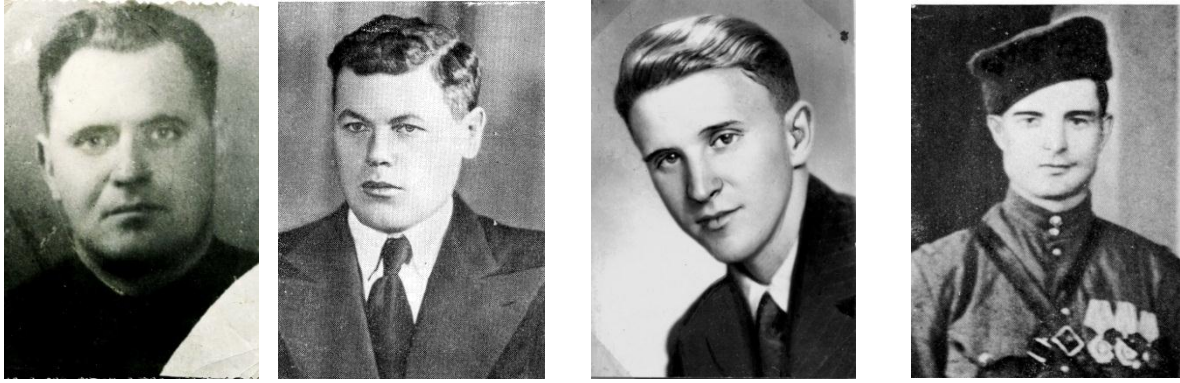
Слева направо: Касаткин Павел Дмитриевич, кинооператор, лауреат Сталинской премии, военный корреспондент. Осипян Арамаис Меликович, отряд Армянский им. А.И. Микояна, командир отряда. Швейцарский Анатолий Георгиевич, отряд им. Н.С. Хрущева, помощник начальника штаба, в 1944 г. десантирован в Словакию. Верховский Евгений Федорович, отряд Червоный, зам. командира отряда, инструктор-подрывник, Герой Советского Союза.

8 июня 1943 г., совхоз Ржава, п. Кировский Курской обл. В ставке Н.Ф. Ватутина, Воронежский фронт. Слева направо: Корниец Л.Р. (член нелегального ЦК КП(б)У, созданного 2 октября 1942 г. для руководства подпольно-партизанским движением на территории Украины); Богатырь З. А., подполковник, комиссар Житомирского партизанского соединения А.Н. Сабурова; Хрущев Н.С., член военных советов ряда фронтов, с 1943 г. — генерал-лейтенант, руководил партизанским движением за линией фронта; Ватутин Н.Ф., с марта по октябрь 1943 г. командующий Воронежским фронтом, по март 1944 г. 1-м Украинским фронтом, генерал армии, умер от ран 15 апреля 1944 г. Наумов М.И., командир кавалерийского партизанского соединения, генерал-майор.

Слева направо: Тарасов Михаил Михайлович, главный хирург, комиссар соединения в Западном рейде. Земскова Валентина Федоровна, капитан медицинской службы, врач; Кузнец Яков Мефодиевич, командир Киевского отряда, начальник штаба соединения. 6 сентября 1944 г. десантирован в Венгрию, командир отряда в диверсионной бригаде им. М.И. Кутузова (Чехословакия). Кищинский Сергей Семенович, комиссар соединения в Киевско-Житомирском рейде.

Слева направо: Миндич Борис Абрамович, отряд 3-й Бородинский, помощник начштаба; Михайловский Виктор Васильевич, отряд Киевский, командир взвода; Луневский Сергей Иванович, топограф, отряд им. Н.С. Хрущева, пом. начальника штаба соединения, командир отделения охраны штабных документов. Ксензов Сергей Иванович, комиссар Червоного отряда, в августе 1944 г. десантирован в Чехословакию, начальник штаба и заместитель командира бригады им. Яна Належки;

Слева направо: Горбань Илья Михайлович, связной штаба соединения. Химич Петр Яковлевич, политрук роты Киевского отряда, 20 июля 1944 г. десантирован в Чехословакию. Плаксин Георгий Тихонович, отряд Макаровский, нач. штаба отряда, погиб 2 марта 1944 г., похоронен на сельском кладбище в с. Купичволя Жовковского района Львовской обл. Кучеренко Василий Денисович, командир Коростышевского отряда.

В Белоруссии, с. Чияне, Лельчицкий район, июнь 1943 г. Слева направо: Кузьмин Иван Александрович, начальник хозяйственной части соединения; Муракин Павел Федорович, помощник комиссара соединения по комсомолу, в марте 1944 г. комиссар местного Рава-Русского отряда (погиб 4 марта 1944 г. в с. Завоне Львовской обл.); Лобач Федор Павлович, начальник штаба Армянского отряда (погиб в с. Туринка Жовковского района Львовской области 12 февраля 1944 г.).

Декабрь 1943 г. В с. Брониславка Людвипольского района Ровенской области. Слева направо: Земскова Валентина Федоровна, капитан медицинской службы, врач соединения; Кищинский Сергей Семенович, подполковник, комиссар соединения (июнь 1943 г. – январь 1944 г.); Наумов Михаил Иванович, Герой Советского Союза, генерал-майор, командир кавалерийского партизанского соединения; Лях Андрей Кириллович, разведчик, адъютант, в 1944 г. комиссар Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника; Кузнец Яков Мефодьевич, ст. лейтенант, командир Киевского отряда, с января 1944 г. начальник штаба соединения, в 1944 г. десантирован в Венгрию, Словакию, командир отряда; Самодов Дмитрий Александрович, разведчик, ординарец командира соединения.

Конники соединения М.И. Наумова. Декабрь 1943 г.

Боевой листок 1-й роты Киевского отряда кавалерийского партизанского соединения М.И. Наумова. Кн. "МВД РОССИИ: история сквозь призму объектива 1802–2013. Russian Ministry of the Interior: History Through the Camera Lens 1802–2013». - М., 2013, с. 40.

Фото слева: 1943 г. Партизанские врачи соединения М. Наумова - Тарасов Михаил Михайлович и Земскова Валентина Федоровна за работой. Справа фото: командир соединения Наумов Михаил Иванович и комиссар Кищинский Сергей Семенович на трофейном мотоцикле в с. Брониславка Людвипольского района Ровенской обл., декабрь 1943 г.

Фрагмент газети «Народний клич» за 13 вересня 1943 г., опечатанної в походній типографії кавалерійського партизанського зв'язання М. Наумова. Випускали газету на руському та українському мові. Головний редактор газети Павловський Юрій Павлович, в зв'язанні М. Наумова з 17 лютого по 18 жовтня 1943 г. Погиб в бою та похований в с. Вишевичі Житомирської обл.; пізніше начальником типографії та редактором була Гордієнко Галина Антоновна.

Смерть німецьким окупантам!

ДО ПОМСТИ! ВСІ НА РОЗГРОМ ВОРОГА!

Трудящі!

Під могутнім ударом Червоної Армії розбійницька армія Гітлера відко-
чується все далі на Захід. Твердим поступом кожного дня радянські війська
визволяють спід фашистського ярма все нові міста і села нашої рідної землі.
Заліковує рани, заподіяні підлям ворогом, рідний Київ, пробуджується до
життя визволений Житомир, Фастів, Коростень, Овруч, Речиня. Суворий гул
радянської артилерії доноситься до дальніх польських закутків.

Червона Армія за період з 5 липня до 5 листопада 1943 року наступуючи
фронтом довжиною понад 2000 кілометрів, визволила від німецьких за-
гарбників понад 38 тисяч населених пунктів, більше 170 міст. За цей же
період знищено 144 ворожі дивізії в тому числі 28 танкових дивізій. Німці
втрадили вбитими понад 900.000 солдат і офіцерів, полоненими—100.000. Крім
того ворог втратив і залишив на полі бою десятки тисяч літаків, танків, гар-
мат і іншого озброєння.

Відступаючи, фашистські мерзотники намагаються на деяких участках
фронту контратакувати. І хоч це коштує ворогу великих жертв, він робить
свої контратаки для того, щоб якомога більше вивести багатств нашої країни,
погнати людей на рабство в Німеччину, вчинити ще більше своїх мерзенних
злочинів, спалюючи наші міста і села.

Товариші!

Прискорюйте наступ Червоної Армії, наближайте день визволення рідної
України. Мобілізуйте всі ваші сили на активну боротьбу з окупантами.

Всі, як один, беріть зброю і виступайте проти загарбників. Бийте німців
і їх пособників скрізь і всюди чим тільки можна.

Не давайте німцям знищувати ваші міста і села, вивозити ваше добро і
людей в Німеччину.

Піднімайтесь усі на допомогу Червоній Армії!

Наближайте день свого визволення!
Сидіти зараз дома—значить робити злочин перед своєю
Батьківщиною.

За зброю товариші! Ідіть в партизани!
В кожному районі, місті, селі організуйте
партизанські загони, ідіть в уже існуючі!
Всі до партизанських загонів! Всі на остаточний
розгром Ворога!

Почитай і передай іншому

Листовка, отпечатанная в походной типографии партизанского кавалерийского соединения
Михаила Наумова, 1943 г.

1943 г. Инициативная группа белоцерковского подполья и партизанского отряда «Сокол» Белоцерков-
ского р-на Киевской обл. Сидит первый слева представитель соединения М. Наумова — Легенчук И.Ф. В
группу входили: Барашков Николай Иванович (сидит второй слева), офицер РККА, командир отряда, в
1944 г. десантирован в Словакию, комиссар разведотряда; рядом Шелест Зосим Григорьевич (Соколов),
командир Белоцерковского отряда; Донец Назар Мефодиевич, нач. штаба отряда; Кандыбаров Иван
Иванович, командир взвода. Стоит третья слева — Волошина Галина Свиридовна, подпольщица, в сое-
динении М. Наумова до 5 апреля 1944 г. В группу также входили: Малинин Александр (погиб в 1943 г.);
Дубровский Виктор Иванович (погиб 8 августа 1943 г.); Малинин Михаил Емельянович, Белоцерков-
ский партизанский отряде Соколова (З. Шелеста), в соединении М. Наумова до 1 апреля 1944 г.;
Чернута Николай Константинович, Лигостаев Николай Васильевич,

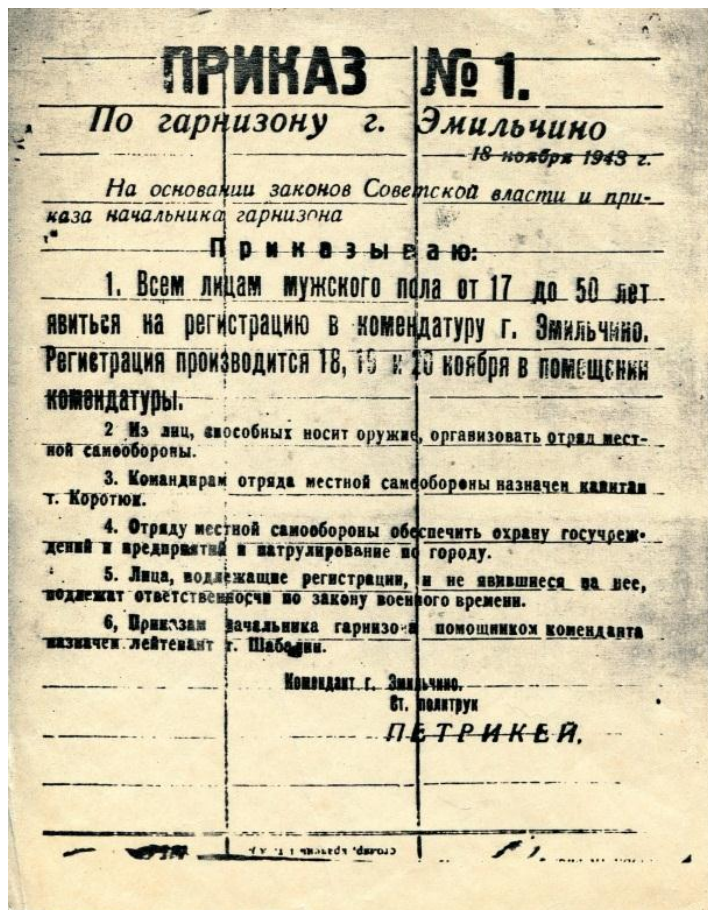
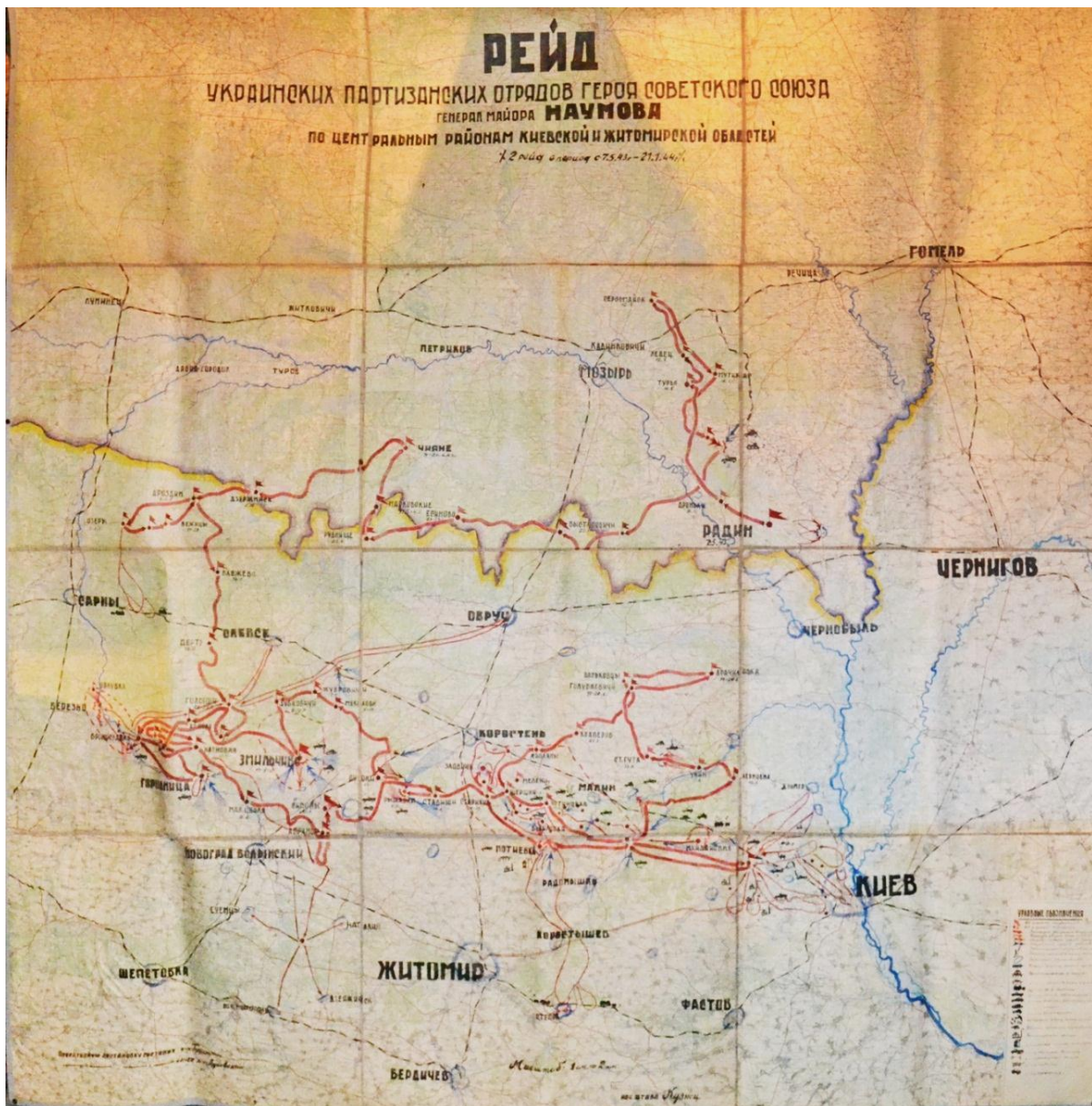

Фото справа. Меморіальна дошка М. Наумова на зданні природоведческого музею в п'ят Ємильчино Житомирської області: «На честь звільнення селища Ємильчино та сіл району від німецьких окупантів з 13 листопада по 4 грудня 1943 року. Від вдячних жителів селища Ємильчино та району».
 Фото Веры Литовченко.

1943 г. Слева направо: Дяченко Михаил Дмитриевич, отряд Киевский, лейтенант, начальник штаба отряда; Мороз, командир Рава-Русского партизанського отряда (погиб 4 марта 1944 г. в с. Завоне Львовской обл.); Климович Константин Викторович, отряд Конотопский «Смерть фашизму», начальник штаба отряда, командир разведки; Лопатников Василий Кириллович, помощник начальника штаба соединения; Кузнец Яков Мефодьевич, командир Киевского отряда, с января 1944 г. начальник штаба соединения

Карта рейда украинских партизанских отрядов Героя Советского Союза генерал майора М.И. Наумова по центральным районам Киевской и Житомирской областей (июль – декабрь 1943 г.). Из экспозиции мемориального комплекса Родина-Мать (Музей Второй мировой войны), Киев. Фото Анны Бибик.

Памятный знак на древнем Ромодановском шляху, по которому прошли конники-партизаны М. Наумова (дорога Сумы – Курск) к северу от села Хотень Сумского район. Автор фото Непоседы.
<http://www.panoramio.com/photo/42473625>

«Новый подъем борьбы подполья Хотенского района был связан с пребыванием в районе в начале февраля 1943 г. партизанского соединения под командованием М.И. Наумова, которое совершало Степной рейд. С помощью соединения были созданы три партизанские группы общей численностью около 70 человек».

<http://ukrssr.ru/Sumskaja.obl/Sumskij.rajon/Hotenx.html>

1943 г. Фото слева - радисты соединения М.И. Наумова. Слева направо: 1-й ряд – Малашикина Клавдия Федоровна; Харченко Валентина Григорьевна; Крестьянинова Дарья Афанасьевна; 2-й ряд – Агафонов Николай Андреевич; Лукомский Олег Р.; Лобачев Вильям Владимирович; Козлов Борис Дмитриевич, начальник радиоузла. Фото справа – командир соединения Наумов Михаил Иванович

29-30 декабря 1943 г. Партизаны Червоного отряда соединения М. Наумова в пгт Городница Житомирской обл. Сидят: 2-й слева Верховский Е.Ф., подрывник; Савельев М.Д., командир роты; Стадник Т.М., командир роты; Титов А.К., ком. взвода; Давиденко Е.А., политрук; лежит Титов П.Ф., пулеметчик. Стоят слева направо: Левин И.И.; 3-й слева Ксензов С.И. комиссар, начальник штаба; Батеха К.П., пом. командира по хозяйству; Боров И.И., командир отряда; Ермоленко М.Е., ординарец командира отряда; Мельник А.Н., фельдшер; Потапенко С.Ф., пулеметчик; прочие

«Под ударами Красной Армии в районе Олевск и Эмильчино противник откатывался на запад, пытаясь уцепиться за населенные пункты с тем, чтобы задержать победоносное наступление советских войск. Соединение, выдвинувшись из Ровенской области навстречу фронту, заняло м. Городницу с целью не дать противнику занять местечко, а также путем организации засад бить отходящие части противника» (По материалам отчета о втором рейде соединения М.И. Наумова)

Военное кладбище советских воинов и партизан, расположенное в центральной части посёлка Городница Новоград-Вольнского района Житомирской области, на территории Городницкого парка.
<http://www.shukach.com/ru/node/52292>. Фото справа - мемориальная плита на могиле Михаила Немолота

Немолот Михаил Филиппович, 1925 г.р. Сумская обл., г. Конотоп. Отряд Конотопский "Смерть фашизму" в соединении С.А. Ковпака с 10 мая по ноябрь 1942 г. С 1 февраля 1943 г. в кавалерийском соединении М.И. Наумова, разведчик. 28 декабря 1943 г. умер от ран. В г. Конотоп одна из улиц названа именем Миши Немолота. На доме, где он родился, установлена мемориальная доска.

Памятник на братской могиле в селе Рышавка Коростенского района Житомирской обл. Надпись на мемориальной плите: «Партизанам-наумовцям і воїнам від вдячних ришавців». Автор фото: bogvic
<http://www.korosten-info.com/братские-могилы>.

Беззапанный Иван Иванович, Бедрик Георгий Петрович, Бердников (Бардников) Сергей Николаевич, Григораи Николай Петрович, Гаврилов Иван Васильевич, Денисенко Иван Леонтьевич, Драба Конон Иванович, Жилецкий Иван Иванович, Каширный Григорий Иванович, Люшенко Виктор Иванович, Мкртичян (Мкртчян) Баграт Миносович, Никитин Евгений Петрович, Панченко Сергей Иванович, Прокопенко Прокофий Никитович, Фефилов Павел Исаевич (Иванович), Яременко Петр Леонтьевич. А также Шурубуря Федор Герасимович, 1904 г., рядовой 1089 СП 322 СД, погиб 18.11.1943. (Список погибших партизан соединения М. Наумова в кн. Жизнь генерала Наумова. – Киев, 2015, с. 267. <http://militera.lib.ru/>).

Фото слева: декабрь 1943 г., в селе Брониславка Людвиполского района Ровенской области. Слева направо: Савченко Василий Васильевич, отряд Конопонский «Смерть фашизму»; Химич Петр Яковлевич, политрук Киевского отряда, начальник штаба Чехословацкой партизанской бригады им. Яна Налепки с августа по октябрь 1944 г.; Зайцев Петр Владимирович, отряд им. Н.С. Хрущева; (неизвестный); Краснопольский Игорь Владимирович, отряд Макаровский, разведчик (погиб 18 апреля 1945 г.). Фото справа: 1944 г. В Львовской обл. В отряде им. В.И. Чапаева. Боец А. Гончарук зачитывает сообщение командиру отряда Ищенко Константину Григорьевичу.

Разведывательно-диверсионный отряд НКВД им. В.И. Чапаева был сформирован в 1943 году Тамбовским управлением НКВД. Отряд вошел в соединение М.И.Наумова в с. Степань Сарненского района Ровенской обл. 26 января 1944 г. Выполняя собственные разведоперации, бойцы отряда принимали активное участие в боевых операциях соединения. После расформирования соединения 1 апреля 1944 г. отряд вышел по собственному маршруту. Через линию фронта отряд перешел в августе 1944 года в районе города Жешув Подкарпатского воеводства, Польша. Расформирован в сентябре 1944 года в г. Львов.

31 декабря 1943 г. В м. Городница Житомирской области..

Слева: полковник Василий Андреевич Андреев, командир 1-го Молдавского партизанского соединения, в 1944 г. генерал-майор, начальник штаба партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта. Справа командир соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов Герой Советского Союза генерал-майор Михаил Иванович Наумов.

Конники соединения М. Наумова в Галиции, 1944 г. Группа партизан отряда им. Н.С. Хрущева. Впереди: Сипливый А.Г., командир отряда (слева); Вертюченко В.Ф. разведчик; сзади – Земскова В.Ф., врач; Трушин В.А., ординарец командира отряда.

1 февраля 1944 г. Колонна партизан М. Наумова входит в г. Острожец Ровенской области. Впереди колонны капитан Ботоев Петр Георгиевич, командир роты, разведчик.

М. Наумов в м. Торговица. На заднем плане – наплавной мост через р. Стырь, 5 февраля 1944 г.

Фото слева. 1944 г., 5 февраля. Местечко Торговица Ровенской обл. Партизаны соединения М.И. Наумова переправляются через реку Стырь по наплавному мосту, построенному партизанами. Впереди колонны Шабалин Михаил Андреевич, разведчик отряда «Смерть фашизму».

1944 г., февраль, район Мостиска, Львовская обл. Штаб соединения М.И. Наумова планирует операцию. Слева направо: Лопатников Василий Кириллович, помощник начальника штаба; Кузнец Яков Мефодьевич, начальник штаба соединения; Гаврилюк Александр Федосеевич, помощник командира соединения по разведке; Грушецкий Анатолий Павлович., помощник начальника штаба.

«14 февраля 1944 г. В 9 часов утра соединение с боем прорвалось на юг от асфальтированного шоссе Львов – Перемышль и, преследуемое огнем наседавшего с запада и востока противника, ярами вышло в Руствечко, 5 км юго-западнее Мосциска, а также двумя отрядами было занято село Чишки, 3 км южнее Мосциска. Необходимо было привести в порядок отряды после ночного боя: личный состав уже в течение двух суток не отдыхал. Во второй половине дня населенный пункт Чишки и половина Руствечко были объяты пламенем пожарища от зажигательных пуль и снарядов противника...» По материалам отчета о Западном рейде соединения М. Наумова. ЦДАГО Украины, ф. 66 оп.1 д. 5-7.

«НАДЗВИЧАЙНИЙ ЗВІТ ПРО ДІЇ ЧЕРВОНИХ ПАРТИЗАНІВ

№ 1/44 16 лютого 1944 р. Львівщина НАДЗВИЧАЙНИЙ ЗВІТ ч. 1/44 (про хід рейду большевицьких партизан)

5-6.ІІ.44 група большевицьких партизан, в числі около 4000 осіб, прорвалися з терену Волині через Горохівщину, пол[удневу] Холмщину і перейшла в Равську округу.

Дня 10-11.ІІ знищили залізничну лінію Львів-Рава-Руська і перейшли янівським лісом в Яворівщину, займаючи своїм маршем простір (шириною 18-20 км). Перейшовши на терен Яворівщини, рейдували через такі місцевості: Вишенька, Верещиця, Курники, Тростянець, Вербляни, Яжів Старий* (попід Яворів), Щеплоти, Дрогомишль, Липовець, Нагачів, Гуки, Вілька Руснівська, Наконечне, Поруденко, Любині**, Морянці, Сарни, Бунів і в дні.

15.ІІ передні стежі доходили до с. Райтаревичі (Самбірщина). Рейдуючи по згаданому теренів дні 12-13.ІІ висадили дрезину, в якій їхали залізничні урядники – німці (з Клепарівської станції) – на лінії Жовква-Рава-Руська. Вислід: згинуло трьох німців і один ранений. Комунікація на цілій лінії перервана, майже від 10.ІІ.

Одночасно в селі Вербляни ограбили священника, солтиса (поліція втекла), знищили всі урядові документи – жертв в людях не було, крім одного німця.

В с. Завадові (13.ІІ) стаціонував штаб цієї партизанки в місцевого священника. Священника ограбили, знищили стрілами портрет Коновальця і Петлюри та забрали з собою Тризуб.

Ідучи, грабують лігеншафти, нищать телефони, урядові приміщення (селян менше), вбивають укр. поліцистів, в'їтів і тих, що служили "германові", а також випитують за "бандеровцями" (мають списки людей – головно нім. сексотів).

Узброєні в кріси, десятизарядки, "Діхтярова", револьвери, гранати і полеві гарматки (ок. 70 шт.), амуніції мають доволі – майже не щадять. Ідуть своїми возами і саньми, також є відділи кавалерії. (Одна третя загального числа є жінки і підлітки, останніх около 50 осіб). * У тексті: Янів Старий.

Фізично виснажені, боєвий рівень високий, п'ють самогон, сплять по хатах і чуються досить певно. Національний склад різний (москалі, жида, українці). Командний склад – москалі. Одиті в уніформи німецькі, совітські, укр. поліції, а також і цивільних. Одіння і обуття майже добре. Харчуються грабованням (лігеншафти, кооперативи, молочарні).

Розклеюють свої летючки, лозунги і пропагують серед селян скорий прихід Черв[оної] Армії. Німці (поліція) з нехиттю ставлять малий спротив. Пробували їх задержати на лінії Яворів–Немирів, але безуспішно, а щойно в околицях Бунова–Серн звели з партизанами бій, однак не рішальний. Німці бояться іти в ліс, тільки обстрілюють здалека.

З 13–14.ІІ партизани зупинилися в лісах Бунів–Соколи–Чернява–Малнів і тут зупинилися на стаціонування. Мала група (окол[о] 200 осіб) переправилася через автостраду в околиці Ляцької Волі. На тому відтинку висадили два поїзди і спалили польську колонію Маріянку (коло Ляцької Волі).

15.ІІ в Буневі забрали 50 коней і 6 возів (не платили), ограбили кооперативу і здемолювали читальню. В цей час в Черняві роззброїли і обезмундували укр. поліцію, пустивши поліцаїв голими; питали за націоналістами.

Від 14.ІІ німці (жандармерія і шуцполіція; жовнірів – Вермахту – не було) обложили такі села: Жодика, Биків, Новосілки і частину Плишевичі; обстрілюють ліс, але в отвертий бій не вдаються. Помітно серед них страшну паніку.

Залізничної лінії Перемишль – Львів не наладнано (поїзд доїжджає до С[удової] Вишні). Група, що переправилася на другу сторону автостради (Перемишль–Львів), пройшла через такі села: Щенець, Баличі, Шигені, Мочеради, Боевичі, Гусаків.

В останньому часі взяла з собою двох укр. поліцистів, а в усіх інших селах тільки грабили (легко). В Баличах і Стренці Перем[иському] спалили кілька господарств і залізничну станцію.

До населення відносяться ввічливо, натомість помітно мстяться на поляках (палять кольонії, вбивають лісничих). По останнім звідомленням, завважено, що партизани (стаціонує в бунівських лісах) посувають свої передні стежі в напрямі с. Стібно, а коли це станеться, то мабуть просуватимуться в Яворівщину, з ціллю нищити залізничні лінії.

Постій, 16.ІІ.1944 р., год. 12 дня.»

Архів Літопису УПА. Копія. <http://archeos.org.ua/wp-content/uploads/2015/12>

Из истории 4-го Галицкого добровольческого полка. По статье Романа Колесника <http://a-ingwar.blogspot.com/2008/07/4.html>

«У німецькому воєнному архіві у м. Кобленц опрацьовано короткі історії СС-галицьких доробочих полків 4-8 і запасного батальйону, як також бойових груп Вільднера й Віттенмаєра у Словаччині, Дивізійного запасного полку та Дивізійного зенітного дивізіону...

Частина добровольців до Дивізії „Галичина" було відряджено на вишкіл до СС-порядкової поліції (58-Ordnungspolizei), без відома Військової Управи й Українського Центрального Комітету. СС-порядкова поліція була зовсім окре-

мою службою, не пов'язаною із військом СС. Тих добровольців було оформлено у полки 4-8, хоч 8-ий полк практично не було створено. Процес творення полків відбувся: 5-го – у липні, 6-го – у серпні, 7-го – у вересні 1943, а запасного куреня (батальйону) – у січні 1944. Їхня офіційна назва: SS-Galizische Freiwilligen Regiment (СС-галицькі добровольчі полки). Усі офіцери, підофіцери й деякі вояки були німцями. Присяга була: боротьба проти більшовизму. Полки 6-ий і 7-ий було розпущено у січні, а інші в травні-червні 1944. Українські вояки з тих полків прибули до Дивізії „Галичина“ а німецькі військовослужбовці залишилися в Порядковій поліції.

Наказом від 30 липня 1943 було створено 4-ий полк, який було розміщено: полковий штаб – Цаберн (Zabern)... Деякі частини 4-го полку були підпорядковані бойовій групі "Rheingold" (s.a.a.O.) для боротьби з партизанською бригадою Наумова, яка діяла в лісах Білограю, на південь від Любліна...»

1944 г., 18-19 февраля. Соединение М.И. Наумова на марше из Львовской области в Польшу в районе Рава Русская. Впереди: Сипливый Анатолий Гаврилович, командир отряда им. Н.С. Хрущева и Иванченко Михаил Степанович, командир орудия в отряде им. Н.С. Хрущева. Автор съемки Павел Касаткин. РГАКФД, шифр: 0-262370 ч/б.

Фото слева: 1944 г., февраль. Радисты соединения М. Наумова в Билгорайских лесах Польши. Слева направо: Агафонов Николай Андреевич, радист, 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию, начальник связи в партизанской бригаде им. М. Стефанюка; Герасименко; Козлов Борис Дмитриевич, начальник радиопузла. Фото справа: 23 февраля 1944 г. На берегу р. Сан в районе г. Жешув, Польша. Комиссар и главный врач соединения Тарасов Михаил Михайлович (слева) и командир соединения Наумов Михаил Иванович.

«Разлившийся Сан выглядел внушительной рекой. Вешние воды накрыли прибрежные лозы, трудно было подходить незамеченным к местам летних бродов: то и дело противник пускал пулеметные очереди с левого высокого берега. Мостов не было, паромы были сняты и уведены на левый берег. Польские жители сообщили о сплошной полосе ДЗОТов вдоль берега» (из воспоминаний партизана Анатолия Павловича Грушецкого. Архив М.И. Наумова).

Схема взаимодействия партизанских отрядов соединения М.И. Наумова с частями Красной Армии. План операции на 20–22 марта 1944 г. (схема М. Наумова). «С 209-м полком 162-й стрелковой дивизии был разработан план взаимодействия по совместному занятию г. Броды. К исходу дня 19 марта отряд Червоный занял Гутники – Казмиры, перерезав асфальт Броды – Львов, который удерживал с боями в течение 14 часов. Партизанский отряд “Смерть фашизму” располагался в селе Пасека и поддерживал отряд Червоный. Партизанский отряд им. Чапаева занял село Сидорувка на железной дороге Броды – Львов и начал разрушать путь железной дороги. Партизанский отряд им. Микояна и КП заняли с. Смольно, западнее Броды 600 м, станцию, депо и лесозавод. Таким образом, партизанские отряды выполнили свою задачу по окружению Броды своевременно.

Успех наступления на Броды был обеспечен, но указанное время прошло, а приказа о наступлении не было. Растерявшийся и бежавший из Брод противник, к утру 21-го марта опомнился и, не видя наступления Красной Армии, начал подтягивать обратно к Бродам бежавшие и свежие войска». (По материалам отчета о Западном рейде партизанского соединения М. Наумова. Кн. Жизнь генерала Наумова. - Киев, 2015, с. 386-388. <http://militera.lib.ru/>).

«19 марта партизаны Наумова заняли железнодорожную станцию и юго-западную часть Бродов, перерезав Львовское шоссе и железную дорогу. В это время с севера и востока на город наступали войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. 20 марта 1944 части 13-й армии генерала М. П. Пухова с боями овладели селами Таможней, Королевка, Комаровка, Корсов, Лешневом, Песками и подошли к северным окраинам Брод. 21 марта подразделения 209-го стрелкового полка подполковника Н. Е. Бачкова 162-й стрелковой дивизии заняли северную часть города (Броды) и стали с боями продвигаться к его центру. Однако гитлеровскому командованию удалось перебросить окруженной в Бродах группировке значительное количество танков и пехотную дивизию.

Бои набрали затяжной характер».

Броды как административный и культурный центр Львовщины, история и современность.

Часть 14 <http://kaltancleaning.ru/?p=60>

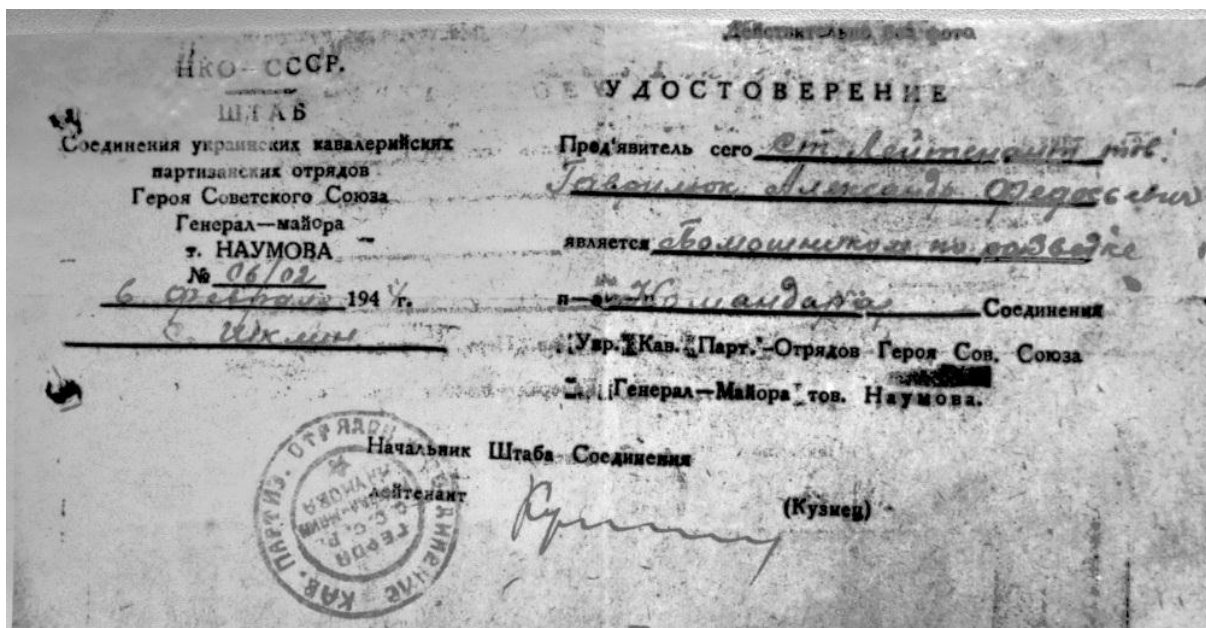
Слева направо: Агафонов Николай Андреевич, радист. В 1944 г. десантирован в Словакию, начальник связи в партизанской бригаде им. М. Штефаника. Астахов Илья Яковлевич, 1928 г.р., разведчик. Васянович Алексей Яковлевич, политрук, комиссар Армянского отряда им. А.И. Микояна.

1944 г., март. Партизаны отряда «Смерть фашизму» соединения М.И. Наумова в Бродовском районе Львовской области. Слева направо: Климович Константин Викторович, командир взвода; Белкин Александр Тарасович, командир взвода; Скоробогатов Федор Васильевич; Гонченко Алексей Григорьевич, минер-подрывник; Вдовенко Василий Иванович, фельдшер.

Партизаны соединения М.И. Наумова, 1943-1944 г. Слева направо: Кихтенко Анатолий Иванович, отряд им. Н.С. Хрущева, комендант штаба соединения; Луневский Сергей Иванович, топограф, отряд им. Н.С. Хрущева, помощник начальника штаба соединения, командир отделения охраны штабных документов, десантирован в Словакию, помощник командира 1-й Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника; Сулейманов Я.Г.; Дяченко Михаил Дмитриевич, лейтенант, начальник штаба Киевского отряда; ...

Удостоверение ст. лейтенанта Гаврилюка Александра Федосеевича, помощника по разведке командира соединения Укр. Кав. Парт. Отрядов Героя Сов. Союза генерал-майора тов. Наумова. Подпись - начальник штаба соединения лейтенант Кузнец.

Удостоверение выдано в с. Шклинь Гороховского района Волынской области 6 февраля 1944 г., бланк документа отпечатан в походной типографии соединения. Печать соединения сделана умельцами соединения.

1944 г., февраль, в Западном рейде, в м. Радомышль Львовской обл. Слева направо: Петрикей Петр Игнатьевич, комиссар Конопотского отряда «Смерть фашизму», отряда им. Хрущева; Пасько Антон Антонович, командир Макаровского отряда, начальник штаба воздушно-десантного спецотряда им. Олексы Борканюка штаба партизанского движения при военном Совете штаба 1-го Украинского фронта (1944-45 гг. Польша – Словакия); Сипливый Анатолий Гаврилович, командир отряда им. Н.С. Хрущева; Степанов Калистрат Викторович, комиссар отряда им. Н.С. Хрущева, командир Киевского отряда. Фото справа - Сараев Александр Андреевич (1902 – 1970). Генерал-майор, командир 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, отличившийся при обороне Сталинграда, командир 181-й стрелковой дивизии.

1944 г., март, с. Турзе (Турья Бусского района) Львовской обл. Командование и штаб соединения. Слева направо: Шевченко Павел Михайлович, зам. командира соединения по разведке; Кузьмин Иван Александрович, начальник хозяйственной части; Лопатников Василий Кириллович, помощник начальника штаба; Кузнец Яков Мефодьевич, начальник штаба; Наумов Михаил Иванович, командир соединения; Грушецкий Анатолий Павлович, помощник начальника штаба; Тарасов Михаил Михайлович, комиссар, главный хирург соединения; Гаврилюк Александр Федосеевич, помощник начальника штаба по разведке.

Слева направо: Шангин Борис Григорьевич, в 1943 г. возглавлял опергруппу Четвертого управления НКГБ УССР (соединение Шангина); Кузнец Яков Мефодьевич, начальник штаба партизанского соединения М.И. Наумова; Диброва Илья Данилович (1891-1944). С июня по 9 декабря 1943 г. командир партизанского отряда. С сентября 1944 г. командир партизанской бригады в Словакии. Погиб в бою 14 октября 1944 г. близ села Малые Бошацы, Словакия. Похоронен в г. Александрия Кировоградской области.

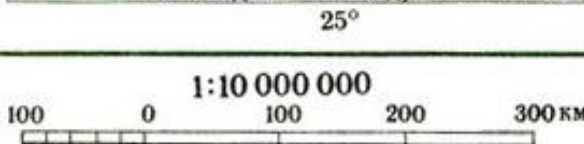

Фрагмент карты «Действия советских партизан в тылу врага зимой и весной 1944 г.». В кн. История второй мировой войны 1939-1945 гг. в 12-ти томах. – М.: Воениздат, 1973-1982, том 8.

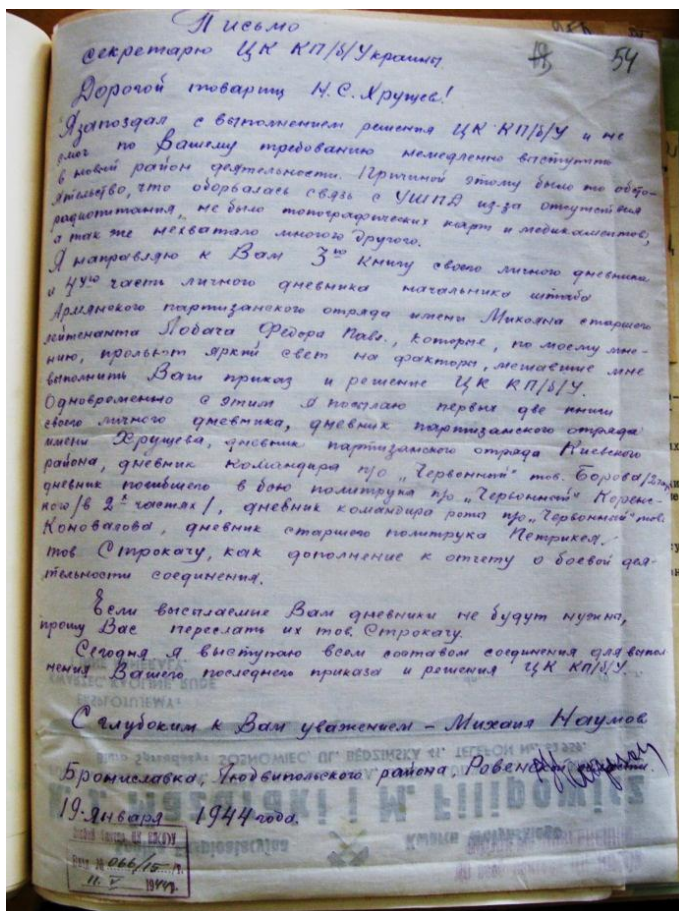
Рейд партизанского соединения под командованием П. П. Вершигоры (Первой Украинской партизанской дивизии им. дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака) в Польшу (январь – 3 июля 1944 г.).

Рейд кавалерийского партизанского соединения под командованием М. И. Наумова. Западный рейд М. И. Наумова по территории Ровенской, Волынской, Львовской областям Украины, Люблинского и Подкарпатского воеводств Польши (26 января – 1 апреля 1944 г.).

Апрель 1944 г. Вверху слева направо: Леонов Иван Иванович, отряд «Смерть фашизму»; Панасюк Евгения Афанасьевна, медсестра; Пасько Антон Антонович, командир Макаровского отряда; Земскова Валентина Федоровна, врач; Гончаровский Владимир Дмитриевич, разведчик;... ; средний ряд: Горбань Илья Михайлович (второй), связной; Шевченко (четвертый); сидят: Кучеренко Василий Денисович, командир Коростышевского отряда; Луневский Сергей Иванович и Лопатников Василий Кириллович – члены штаба соединения.

Письмо Наумова М.И. Секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву 19 января 1944 г., село Брониславка Людвипольского района Ровенской области.

ЦДАГО Украины, ф. 66, оп. 1, дело № 13.
Фото письма Анны Бибиц

Дорогой товарищ Н.С. Хрущев!

Я запоздал с выполнением решения ЦК КП/б/У и не смог по Вашему требованию немедленно выступить в новый район деятельности. Причиной этому было то обстоятельство, что оборвалась связь с УШПД из-за отсутствия радиопитания, не было топографических карт и медикаментов, а также не хватало много другого.

Я направляю к Вам 3-ю книгу своего личного дневника и 4-ю часть личного дневника начальника штаба Армянского партизанского отряда имени Микояна старшего лейтенанта Лобача Федора Павл[овича], которые, по моему мнению, прольют яркий свет на факторы, мешавшие мне выполнить Ваш приказ и решение ЦК КП/б/У. Одновременно с этим я посылаю первые две книги своего личного дневника, дневник партизанского отряда имени Хрущева, дневник партизанского отряда Киевского района, дневник командира п/о «Червоный» тов. Борова /2 экз./, дневник погибшего в бою политрука п/о «Червоный» Коренского /в 2-х частях/, дневник командира роты п/о «Червоный» тов. Коновалова, дневник старшего политрука Петрикеев тов. Строкачу как дополнение к отчету о боевой деятельности соединения.

Если высылаемые Вам дневники не будут нужны, прошу Вас переслать их тов. Строкачу. Сегодня я выступаю всем составом соединения для выполнения Вашего последнего приказа и решения ЦК УП/б/У.

Брониславка Людвипольского района Ровенской области.

19 января 1944 г.

Личная подпись Наумова

Штамп: Особый сектор ЦК КП/б/У

Вхід. № 066/15 /Г.

11.05.1944 г.

Партизаны соединения М.И. Наумова в Чехословакии, Венгрии, Польше

Величко Петр Алексеевич (слева), 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию. Организатор и командир Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника. В 1943 г. командир диверсионной группы, начальник штаба соединения М. Наумова во 2-м рейде. Лях Андрей Кириллович, в 1944 г. десантирован в Словакию, комиссар бригады им. М. Штефаника. С февраля 1943 г. разведчик в соединении М. Наумова, адъютант М. Наумова

1944 г., сентябрь, командование Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника в г. Детьва, Словакия. Впереди слева - Андрей Кириллович Лях, комиссар бригады им. М. Штефаника; крайний справа - Петр Алексеевич Величко, организатор и командир бригады им. М. Штефаника. Рядом с ним - Виктор Иванович Храпко, начальник отдела 4 Управления НКГБ УССР, командирован в бригаду им. М. Штефаника в сентябре 1944 г.

В г. Пршибрам, Чехия, май 1945 г. Фотография, сделанная сразу после освобождения Пршибрама в мае 1945 г.: слева направо: Баранов, Кшижек, Падучек, Олесинский Евгений Антонович (в центре), командир партизанского соединения «Смерть фашизму», Чехословакия. Рядом переводчица Квета. Олесинский Е.А. в 1943 г. в партизанском соединении М.И. Наумова, начальник разведки Коростышевского отряда

С февраля 1945 г. Е.А. Олесинский - командир интернационального партизанского соединения «Смерть фашизму». Первый военный комендант г. Пршибрам, почетный гражданин г. Пршибрам. «3 мая партизаны подготовили штурм фашистского гарнизона в Пршибраме. Начальнику гарнизона был послан ультиматум: в случае гибели хотя бы одного жителя города весь гарнизон будет уничтожен. Предупреждение подействовало: все брошенные в тюрьму жители были освобождены и большая часть гарнизона сложила оружие. Продолжавшие сопротивление гитлеровцы к полудню 4 мая были полностью уничтожены». <http://profilib.com/chtenie/135295/anatoliy-kotelenetssovetskie-partizany-184.php>

1945 г. Словакия, 2-я Словацкая партизанская бригада им. М. Штефаника. Стоит крайний справа Попов Константин Карпович, с 26 июля 1944 г. начальник разведки Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника (командир Величко П.А.), с 5 октября 1944 г. – командир 2-й Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника. Рядом гражданин Словакии Талацко, 3-й справа – Анцупов Петр Васильевич, начальник штаба 2-й Словацкой бригады им. М. Штефаника.

Фото справа: бойцы венгерского сопротивления Иштван Декан и Ева Д. Кардош (Ракоши), участники Западного рейда соединения М. Наумова (декабрь 1943 г. – апрель 1944 г.). После расформирования соединения десантированы в Венгрию.

Фото слева: Фазекаш Йозеф. Командирован представителями ЦК Компартии Венгрии и УШПД в партизанское соединение М.И. Наумова, командир венгерской группы в соединении с декабря 1943 г. по 1 апреля 1944 г. Участник Западного рейда

«31 августа 1944 г. – В Венгрию западнее г. Сегед десантировалась организаторская венгерская группа в составе 12 человек под командованием Иштвана Декана, подготовленная УШПД совместно с работниками ЦК Компартии Венгрии». Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Хроника событий. Политиздат Украины, К., 1985 г.

Фото справа: 1944 г. с. Дивин, Банскобистрицкий край, Словакия. Слева направо: Владислав, командир словацкого партизанского отряда (погиб в декабре 1944 г.); Сурков Николай Александрович, старший лейтенант, раненым попал в плен, находился в концлагере в Германии, бежал 2 июня 1944 г., организатор партизанского отряда им. А.В. Суворова, с которым вошел в бригаду П.А. Величко, где стал помощником начальника штаба по разведке.

Справа Горлач Петр Мусиевич, капитан, начальник штаба в соединении М.И. Наумова в июне 1943 г., с 12 сентября 1944 г. начальник штаба Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штеффаника.

Фото слева - в Чехословакии, 1944 г. Шагат Антон А. (слева), комиссар бригады им. Яна Належки и Химич Петр Яковлевич, 20 июля 1944 г. десантирован в Чехословакию, начальник штаба бригады. В 1943-1944 гг. политрук роты Киевского отряда в партизанском соединении М.И. Наумова.

1944 г. в Словакии, г. Банска Бистрица, площадь Словацкого восстания. Величко Петр Алексеевич (сидит слева), старший лейтенант, организатор и командир Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штеффаника. В августе 1944 г. город стал центром Словацкого национального восстания против немецких оккупантов. В Банской Бистрице был штаб восстания.

1960-е годы, Чехия, близ г. Пришибрам. Знамя партизанского соединения «Смерть фашизму» Е.А. Олесинского и памятник погибшим партизанам.

В окрестностях города Пришибрама (Средняя Чехия) в густом лесу, на месте, где погибли партизаны отряда «Смерть фашизму» Евгения Олесинского, в 1961 году установлен памятник. На нем надпись: «Здесь погибли в борьбе с нацистами бойцы партизанского отряда «Смерть фашизму» - чехи, словаки, испанцы, украинцы, русские, которые в годы II Мировой войны воевали за освобождение народов Европы от фашизма. На вечную память!»

Фото слева - Пасько Антон Антонович, командир Макаровского отряда в соединении М. Наумова. Десантирован в Польшу, Чехословакию (сентябрь - декабрь 1944 г.) Начальник штаба воздушно-десантного спецотряда им. Олексы Борканюка.

Фото в центре - в Словакии, 1944-45 гг. Сидит в машине Астахов Роман Яковлевич, командир отряда конной разведки в соединении М. Наумова, помощник командира бригады им. Яна Налепки по разведке. Стоит второй слева возле машины - Швейцарский Анатолий Георгиевич, помощник начальника штаба отряда им. Хрущева в соединении М. Наумова. 21 января 1944 г. десантирован в Венгрию, Чехословакию, руководитель разведгруппы отряда «Авангард», помощник начальника штаба Первой Словацкой бригады им. М. Штефаника, адъютант командира бригады.

Фото справа - Попов Константин Карпович, участник Финской, Польской, Бессарабской кампании, участник обороны Киева. В соединении М.И. Наумова командир взвода главразведки. 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию, начальник разведки Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника. С 5 октября 1944 г. - командир Второй Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника.

1944 г., в Словакии. Десантная группа Петра Величко. Слева направо: Агафонов Николай Андреевич, радист в соединении М. Наумова, начальник связи в Первой Словацкой бригаде им. М. Штефаника. Лях Андрей Кириллович, разведчик в соединении М. Наумова, комиссар Первой Словацкой бригады им. М. Штефаника. Подпоручик Цирил Кухта, во время так называемого «Словацкого государства» офицер армии и во время восстания член главного партизанского штаба генерала Асмолова. Кайдашинок Татьяна, фельдшер. Величко Петр Алексеевич, организатор и командир Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника и др.

1944 г. Словакия. Справа налево: Величко Петр Алексеевич, командир Первой Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника; Троян, один из руководителей Словацкого восстания; Асмолов Алексей Никитич, генерал-майор, командир партизанского движения в Словакии и другие

После Победы

1947 г. Торжественное собрание в г. Сокиряны Черновицкой обл., посвященное выборам в Верховный Совет УССР 2-го созыва. Выступает кандидат в депутаты Герой Советского Союза генерал-майор М.И. Наумов, начальник УМВД УССР по Черновицкой области.

4 февраля 1947 г. Встреча кандидата в депутаты Верховного Совета УССР М.И. Наумова с жителями Сокирянского района Черновицкой обл.

Лето 1948 г. Встреча с жителями Черновицкой области депутата Верховного Совета УССР 2-го созыва (1947-1951) Героя Советского Союза генерал-майора М.И. Наумова (начальник УМВД УССР по Черновицкой области, командира кавалерийского партизанского соединения в 1943-1944 гг.

В г. Сокиряны Черновицкой обл. памятник девушкам-радисткам отряда им. В.И. Чапаева Вере Бирюковой и Зое Зародовой, погибшим в бою 14 января 1944 г. Поле за Сокирянами, куда Вера Бирюкова приземлилась на парашюте и где погибла в неравном бою с фашистами так и называется "Поле имени Веры Бирюковой".

Бирюкова Вера Александровна, 1922 г.р. Родилась в Пермском крае, Усольском районе, пос. Орел. После окончания спецшколы радистов при ЦШПД в 1942 г. направлена радисткой в Брянскую и Сумскую обл., в Кировоградский партизанский отряд. С 1 февраля по 20 февраля 1943 г. находилась в партизанском соединении М.И. Наумова, вышедшего в Степной рейд. Выбыла по ранению в районе ж/д станции Решетилровка Полтавской обл. В конце декабря 1943 г. направлена радисткой в отряд им. В.И. Чапаева.

1949 г., 5 июня. М.И. Наумов, депутат Верховного Совета УССР в колхозе им. И.В. Сталина в селе Леньковцы Кельменецкого района Черновицкой области.

1950-е годы, г. Киев. М.И. Наумов в рабочем кабинете

Фото слева: 1949 г. В санатории Семашко, Кисловодск. Слева направо: Новик А.С. (бывший комиссар Киевского отряда); Наумов М.И., Бакрадзе Д.И., командир партизанского полка в соединении П.П. Вершигоры. Фото справа: 1955 г. В пгт Потиевка Житомирской обл. Генерал М.И. Наумов среди бывших подпольщиков и партизан Потиевки. Сидят: Харченко; Гресь, Грищенко Дарья; стоят: Ольга Ивановна Денисенко; Ольга Ивановна Харченко (отряд Армянский им. А.И. Микояна); Ева Никифоровна Мартыненко, отряд «Смерть фашизму».

1955 г. Встреча бывших партизан соединения М.И. Наумова с жителями г. Горохов Волынской обл. На крыльце Дома культуры генерал М.И. Наумов беседует с жителями г. Горохов. 6 февраля 1944 года партизанами М.И. Наумова освобожден г. Горохов Волынской обл. (УССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. — Киев, 1985).

Киев, 24 декабря 1957 г. Партизаны кавалерийского партизанского соединения М.И. Наумова перед демонстрацией трудящихся и парадом в честь 40-летия образования Украинской ССР.

24 декабря 1957 г. Демонстрация в честь 40-летия образования Украинской ССР. Киев, Крещатик. Колонну партизан возглавляют партизанские командиры. Слева направо: Наумов М.И., Герой Советского Союза, генерал-майор, командир кавалерийского партизанского соединения отрядов украинских партизан; Федоров А.Ф., дважды Герой Советского Союза, командир Черниговско-Волынского партизанского соединения; Ковпак С. А., дважды Герой Советского Союза, командир соединения партизанских отрядов Сумской области; Строкач Т.А., начальник Украинского штаба партизанского движения; Сабуров А.Н., Герой Советского Союза, генерал-майор, командир Житомирского партизанского соединения.

1957 г., апрель. На стрелковых соревнованиях в в/ч 3217, г. Киев. Справа налево: полковник Сазонов Петр Григорьевич; генерал-майор Наумов Михаил Иванович, начальник Управления внутренней охраны МВД Украины; генерал-лейтенант Мажирин Федор Максимович, заместитель начальника Главного управления внутренних войск (ГУВВ) МВД СССР (в сентябре 1941 г. полковник Мажирин с частями войск НКВД прикрывал отход частей Красной Армии, уничтожая мосты через Днепр)

1957 г. На встрече сумских партизан. В первом ряду Сабуров А.Н. (второй слева), Ковпак С.А., Федоров А.Ф., ... Наумов М.И. (второй справа) и Вершигора П.П.

Фото справа: Юферов Александр Павлович. В партизанском соединении М.И. Наумова с февраля 1943 г., отряд им. Н.С. Хрущева, главразведка соединения, артиллерист.

Фото слева: сентябрь 1960 г. Путешествие по Сибири. М.И. Наумов на охоте на оз. Чаны в Барабинском районе Новосибирской области. В гостях у бывшего партизана А.П. Юферова.

Фото 1961 г., 20 июля. В Белоруссии, М.И. Наумов (в центре) среди белорусских партизан на берегу Припяти, на месте переправы партизан С.А. Ковпака и М.И. Наумова 5 апреля 1943 г.

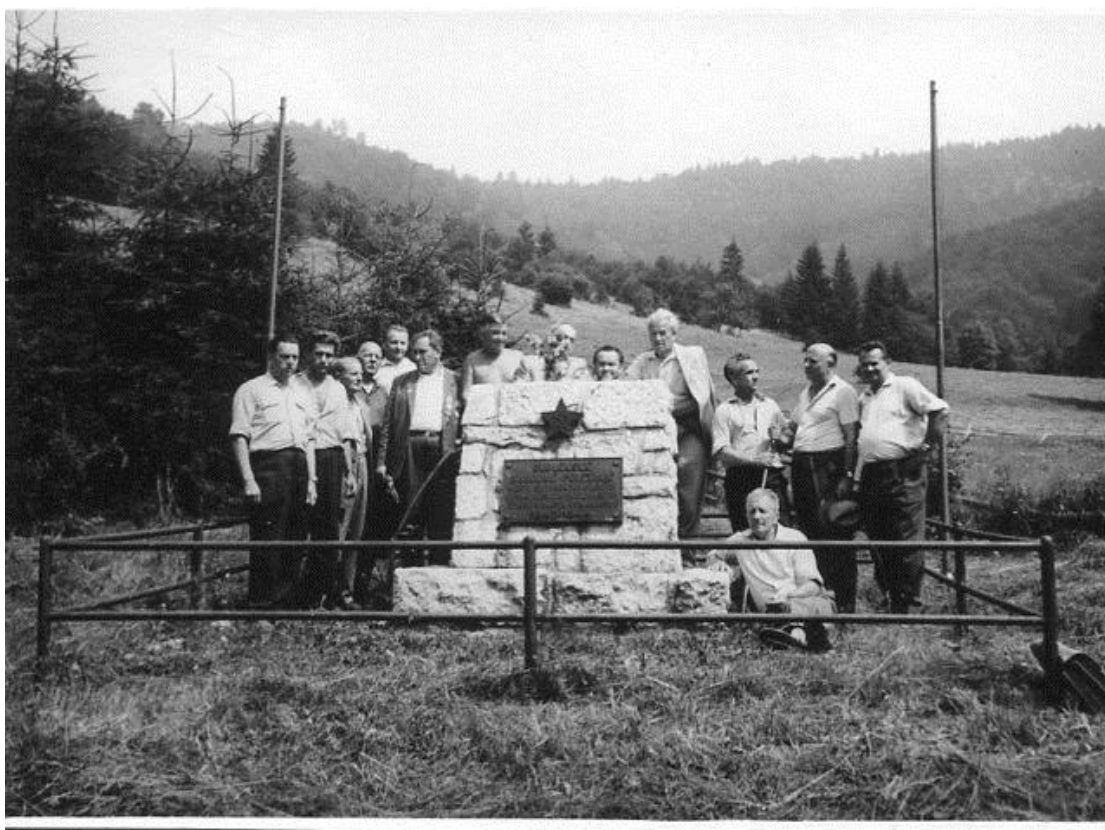
1964 г. Встреча с пионерами Словакии на празднике в честь двадцатой годовщины Словацкого народного восстания. В центре Наумов Михаил Иванович, командир кавалерийского партизанского соединения; четвертый слева – Попов Константин Карпович, член штаба в соединении М. Наумова; 26 июля 1944 г. десантирован в Словакию, начальник разведки в Первой Словацкой бригаде им. М. Штефаника. С 5 октября 1944 г. – командир 2-й Словацкой партизанской бригады им. М. Штефаника. Пионеры переписываются с Константином Карповичем. Они пишут, что в горных деревушках до сих пор помнят Попова и что дети продолжают играть в русского комбрига и его отважных партизан.

1964 г. М.И. Наумов и К.К. Попов в Словакии среди друзей по партизанской борьбе.

1964 г., 20 сентября. В г. Малин Житомирской обл., у Малинского райкома комсомола. Встреча бывших партизан Армянского партизанского отряда им. А.И. Микояна с жителями г. Малин и своим командиром – Героем Советского Союза генерал-майором М.И. Наумовым (в центре).

1965 г. В окрестностях Блатниці, область Мартин, Словакия. На месте бывших сражений. К.К. Попов и М.И. Наумов среди словацких друзей.

1965 г., май. 20-летие Победы. Встреча в селе Вышевичи Радомышльского района Житомирской области. 1-й ряд справа налево: Ботоев П.Г., комроты Киевского отряда; Новик А.С., комиссар Киевского отряда; Петрикей П.И., комиссар отряда «Смерть фашизму»; Наумов М.И., командир соединения. 2-й ряд справа налево: Жудра П.В., командир Радомышльского отряда; Таратута Б.И., комиссар 2-го Коростышевского отряда; Лазарев А.Ф., комиссар отряда «Смерть фашизму»; Тарасов М.М., главный хирург и комиссар соединения в Западном рейде; Осипян А.М., командир Армянского отряда им. А.И. Микояна.

1967 г., 7 ноября, г. Киев. Перед демонстрацией и парадом в честь годовщины освобождения Киева и 50-летия Октябрьской революции. Командир партизанского соединения генерал-майор М.И. Наумов среди бывших партизан своего соединения.

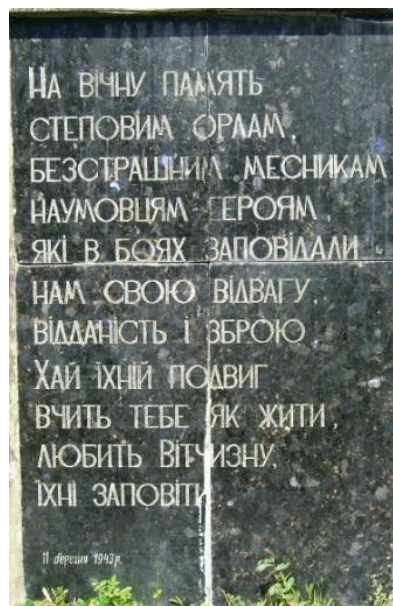
Командир Волинсько-Черниговського партизанського соединення дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров (слева) и командир кавалерийского соединення украинских партизанских отрядов Герой Советского Союза генерал-майор Михаил Иванович Наумов во главе партизанской колонны. Крещатик, г. Киев, 7 ноября 1967 г. Фото В. Березовского в газете

1969 г. Бывшие партизаны кавалерийского соединення со своим командиром М.И. Наумовым в селе Шляховое Новоархангельского района Кировоградской области на открытии памятника партизанам-наумовцам, погибшим в с. Шляховое 11 марта 1943 г. во время Степного рейда соединення

1960 г. На открытии памятника на братской могиле партизанам-наумовцам, погибшим в бою в с. Шляховое 11 марта 1943 г. Село Шляховое Новоархангельского района Кировоградской области
Скульпторы: Т.Н. Братерский и М. Корнеев, архитектор А.А. Сидоренко. По проекту: окованная медью скульптура женщины с лавровым венком в руках олицетворяет скорбящую Родину-Мать.

Комісія у справах колишніх партизанів Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. при Верховній Ралі України. Український інститут національної пам'яті. Партизанська і підпільна боротьба в Україні (1941-1944 рр.). Історія, люди пам'ять. – К.: Парламентське вид-во, 2011 (Копія сторониці из книги).

Обговоривши зміст твору М. І. Наумова «Західний рейд», а також розглянувши рецензії і зауваження на книгу та вислухавши промови учасників засідання, Комісія у справах колишніх партизанів при Президії Верховної Ради Української РСР постановляє:

1. Схвалити оцінку, дану рецензентами, авторами зауважень та виступаючими щодо книги «Західний рейд» (Щоденник партизанського командира) М. І. Наумова, що викладена в доданих матеріалах.

Визнати книгу М. І. Наумова «Західний рейд», випущену в світ видавництвом «Радянський письменник», незрілою, політично шкідливою, такою, що дискредитує партизанський рух на Україні.

Відзначити, що М. І. Наумов порушив свою обіцянку, дану Комісії у справах колишніх партизанів у серпні 1960 року, про вилучення з ужитку свого щоденника і про об'єктивне висвітлення партизанського руху на Україні.

2. Відзначити, що за останні роки деякі видавництва випустили в світ окремі ідейно слабкі, літературно недосконалі твори партизанської тематики, що побудовані на неперевіреніх і не узгоджених з історичною правдою даних, перенасичених суб'єктивістськими оцінками і різноманітними вигадками. Такі твори принижують керівну роль Комуністичної партії, бойові заслуги Радянської Армії і народних мас у розгромі німецько-фашистських загарбників.

Більшість цих творів написані малокомпетентними щодо партизанського руху в Україні літературними дописувачами, видані без відома командно-політичного складу з'єднань чи загонів, не узгоджені з архівними документами і без спеціального рецензування. Прикладом в цьому може бути книга «Наш позовний — свобода» — літературного дописувача П. Автомонова, автором книги визначено Т. А. Строкача.

3. У зв'язку з вищевикладеним Комісія просить ЦК КП України:

а) розглянути питання щодо партійної відповідальності М. І. Наумова за опублікування безідейного, політично шкідливого твору про партизанську боротьбу в тилу ворога «Західний рейд»;

б) дати вказівку відповідним органам про вилучення з продажу і з фондів бібліотек та заборону перевидавати в діючій редакції книги «Західний рейд»;

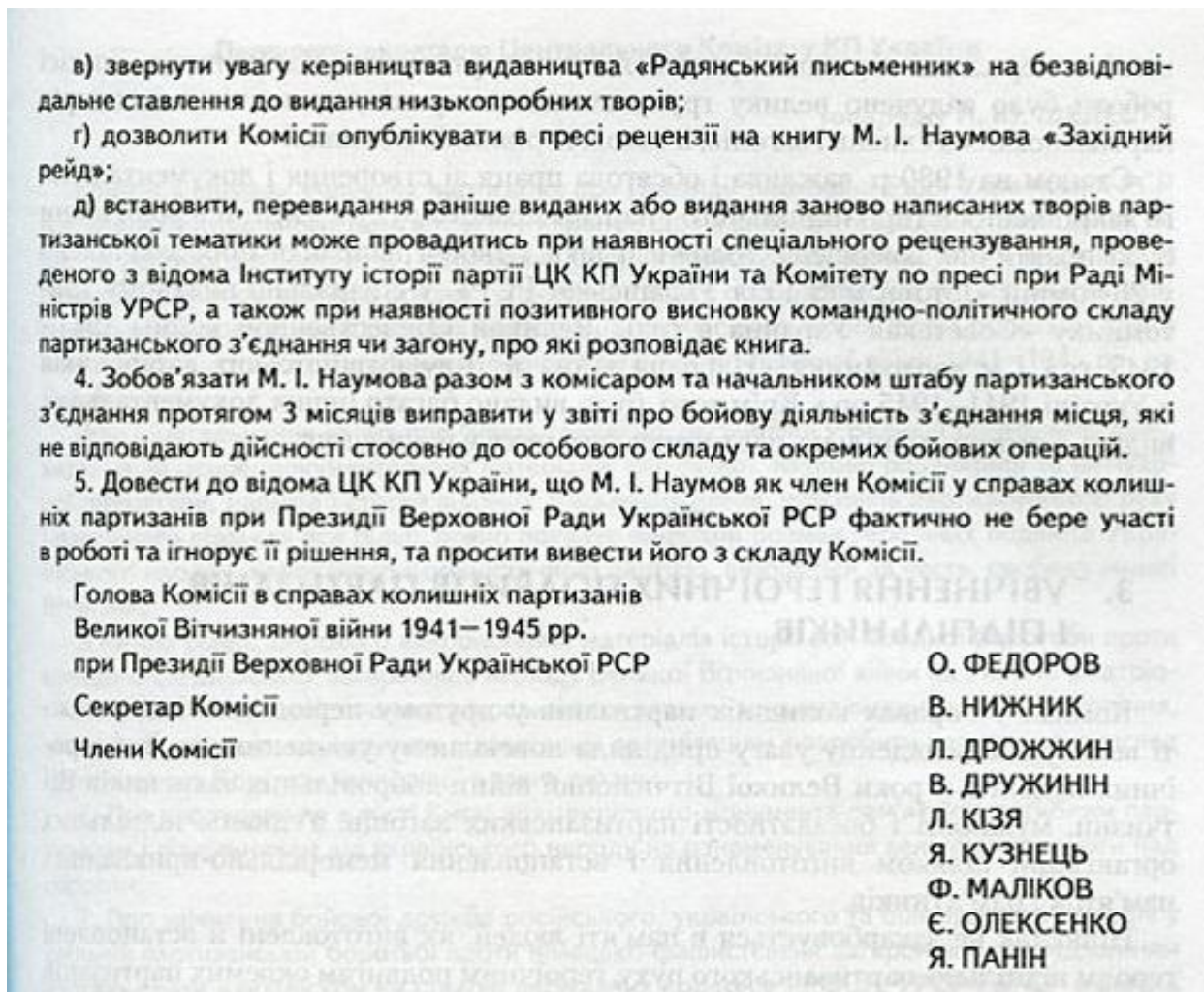
Краткое содержание постановления Комиссии по делам бывших партизан:

1. Признать книгу М. Наумова «Західний рейд» (Западный рейд) ... незрелой, политически вредной, дискредитирующей партизанское движение на Украине.
2. Признать, что в последние годы некоторые издательства выпустили в свет идейно слабые, литературно несовершенные книги партизанской тематики... Такие произведения принижают руководящую роль Коммунистической партии... Большинство книг написано малокомпетентными в партизанском движении. Примером этого может быть книга «Наш позовной – свобода», автор книги – Т.А. Строкач.

Комиссия просит ЦК КП Украины:

- а) рассмотреть вопрос партийной ответственности М.И. Наумова за опубликование безыдейного, политически вредного произведения...
- б) дать указание соответствующим органам об изъятии из продажи и фондов библиотек и запрете переиздавать в настоящей редакции книгу «Западный рейд».

5. Довести до сведения ЦК КП Украины, что М.И. Наумов как член Комиссии по делам бывших партизан фактически не берет участия в работе и игнорирует ее решения, и просит вывести его из состава Комиссии

Справка: обсуждаемая книга «Західний рейд» была издана в Киеве издательством «Радянський письменник» в 1969 году. Тираж 65 000. По решения комиссии по делам бывших партизан изъята из продаж и библиотек.

Книга «Западный рейд» на русском языке была издана в Киеве в 1980 г. и переиздана в 1985 году благодаря усилиям вдовы М.И. Наумова – Надежды Трофимовны Наумовой при активной поддержке первого секретаря Центрального комитета коммунистической партии Украины Владимира Васильевича Щербицкого и известного ученого, руководителя группы по истории Великой Отечественной войны в Институте истории партии при ЦК КПУ, доктора исторических наук, профессора Василия Николаевича Немятого, написавшего предисловие к книге «Западный рейд».

Из дневника М.И. Наумова

«31.08.73. Дело пошло теперь по другому руслу, так как в Москве прошло ответственное идеологическое совещание, и Л. Брежнев дал установку историкам: оценивать явления и события таковыми, как были они оценены в свое время (все равно – Сталиным или Хрущевым)...

Из новостей у меня только то, что, оказывается, я – член Комиссии Верховного Совета. Меня зовут на заседания. Я нужен Федорову и Нижнику, который не только прислал извещение, но и звонил, прося быть и «желая» мне скорей поправиться. Авторы моего изгнания и закапывания в яму «не могут без моего участия», а это значит – получили «по-крупному». Конечно, я не ходил на заседание, «решался вопрос», что Комиссии не следует руководить слетами партизанскими, что пусть занимаются этим парторганы... Таков елей, а на деле, значит, дана должная установка: не вредить делам патриотического воспитания. Меня зовут в Комиссию, почувствовав и опасаясь того, чтоб не принял еще мер против самодурства и снобизма сих деятелей из Комиссии».

1971 г., Глухов Сумской обл. Встреча партизан по поводу 30-летия партизанского движения на Сумщине. Слева направо: Тарасов Михаил Михайлович – комиссар и главный хирург соединения М. Наумова; Гончаров – секретарь бывшего подпольного райкома партии; Наумов Михаил Иванович – командир кавалерийского партизанского соединения; Иванов Леонид Яковлевич – командир Червоного отряда в 1942 г., командир Вольнского партизанского соединения им. В.И. Ленина; Инчин Анатолий Иванович – командир Хинельского им. Н.С. Хрущева отряда в соединении М. Наумова; Пасько Антон Антонович – командир Макаровского отряда в соединении М.И. Наумова, начальник штаба воздушно-десантного спецотряда им. Олексы Боркянюка в 1944-1945 гг.; Симоненко – секретарь Глуховского райкома КПУ.

Михаил Иванович Наумов скончался 8 февраля 1974 г. Похоронен на Байковом кладбище в г. Киев. У памятника вдова М.И. Наумова Надежда Трофимовна и сыновья комиссара соединения М.Е. Анисименко, погибшего 1 апреля 1943 г., – Михаил, Александр и Станислав. 1984 г.

Бронзовый бюст М. И. Наумова работы киевского художника Братерского Тараса Николаевича

Мы помним

23 февраля 1978 г. Львов, телестудия. Передача «Шляхами героїв». Справа налево: Константин Николаевич Харченко, бывший партизан-наумовец; Кузьма Петрович Примак, боец Рава-Русского отряда. Передачу ведет Аркадий Петрович Моцный, шахтер, руководитель отряда «Красный следопыт» школы № 7 г. Сосновка Львовской обл.; ученики школы № 7 г. Сосновка. На столе макет села Завоне, уничтоженного фашистами 6 марта 1944 г.

1978 г. в г. Комарно Львовской обл. Юные следопыты со своей находкой – саними, на которых ездил во время партизанского Западного рейда командир партизанского соединения Герой Советского Союза генерал-майор М.И. Наумов.

1985 г., 8 мая. В Пермской области, с. Большая Соснова. Открытие военно-исторического музея партизанской славы имени Героя Советского Союза генерал-майора М.И. Наумова в Большесосновской средней школе. На фото жители села Большая Соснова, знавшие Михаила Наумова, и организатор музея – Мусихин Александр Алексеевич, краевед и учитель, автор книги о М. Наумове «Партизанский Батя». – Пермь, 2015.

1988 г. Село Большая Соснова Пермской обл., в музее партизанской славы им. М.И. Наумова в Большесосновской средней школе. Бывший партизан-разведчик Гончаровский Владимир Дмитриевич рассказывает о боевом пути партизанского соединения.

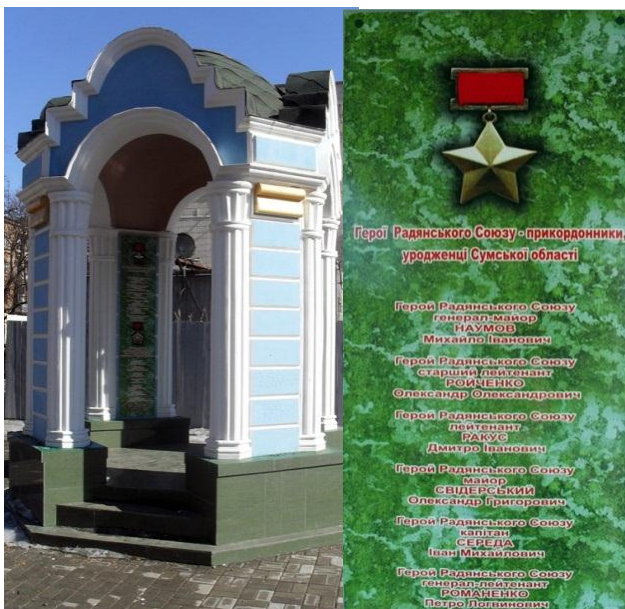

1988 г. В селе Большая Соснова Пермской обл. Мусихин Александр Алексеевич открывает мемориальную доску с барельефом М.И. Наумова на здании школы, где учился М. И. Наумов.

Город Пермь, гарнизонный Дом офицеров, ул. Сибирская, 59. Мемориальные плиты на фасаде здания, посвященные пермякам, Героям Великой Отечественной войны.

Перечислены имена 177 Героев Советского Союза и 19 полных кавалеров ордена Славы. Авторы художники В. В. Вагин, В. П. Петров. Доски отлиты на заводе им. Я. М. Свердлова, установлены 9 мая 1970 г. На мемориальной доске "Герои Советского Союза - пермяки" высечена надпись "М.И. Наумов, генерал-майор". В Доме офицеров есть музей «Боевой славы Западного Урала». В экспозиции представлены экспонаты и фотографии пермяков – героев Советского Союза, чьими именами названы улицы города.

Мемориал памятник-пантеон «Пограничникам всех времен» в городе Сумы, Украина, на перекрестке улиц Антонова и Петропавловской.

На плите памятного знака мемориала выбиты имена шести пограничников, которые родились или проживали в Сумской области, им было присвоено звание Героя Советского Союза: генерал-майор Наумов М.И., старший лейтенант Ройченко А.А., лейтенант Ракус Д.И. майор Свидерский А.Г., капитан Серета И.М., генерал-лейтенант Романенко П.Л.

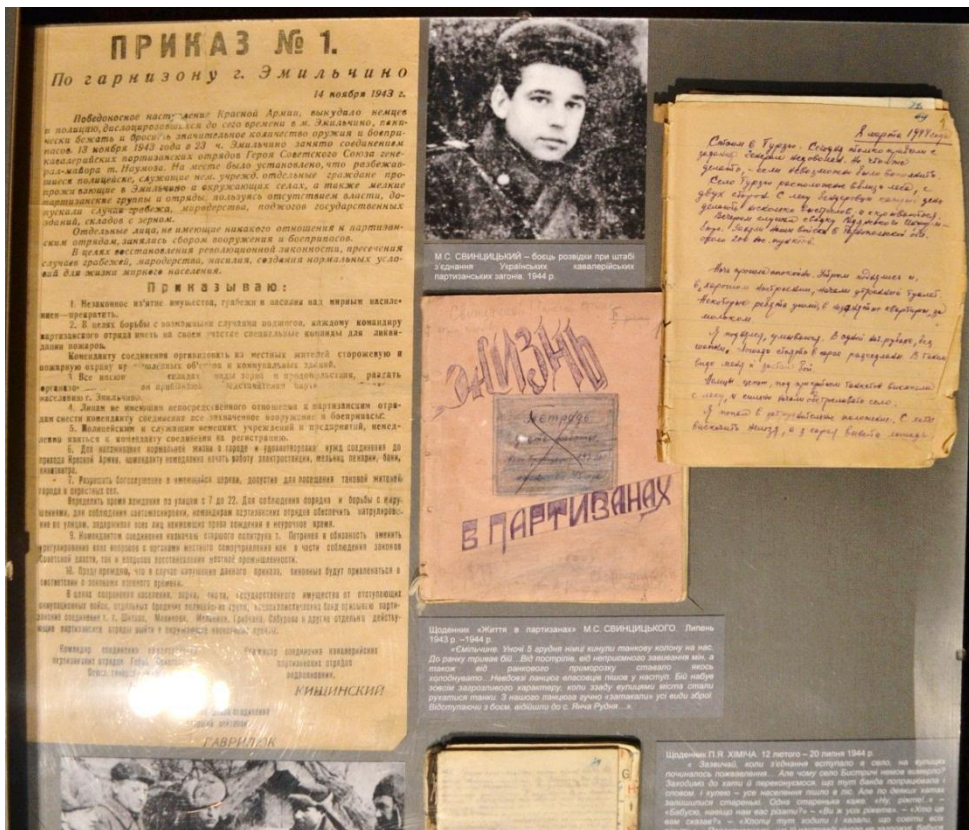
Центральный пограничный музей ФСБ России, г. Москва, Яузский бульвар, 13. Зал № 3: пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Витрина, посвященная генералу Наумову – некоторые фотографии, личные вещи, документы, книги. Фото из сайта музея.

Стенд на выставке «Партизанские рейды генерала Наумова» мемориального комплекса Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На стенде книги М.И. Наумова и издания ЦДАГО Украины. Фото Анны Бибики, внучки генерала М. Наумова.

Выставки «Партизанские рейды генерала Наумова» Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Возле стендов с экспонатами организатор выставки старший научный сотрудник мемориального комплекса Александр Павлович Белоус. Фото Анны Бибик, внучки генерала М. Наумова. 5 марта 2015 г. Ниже экспонаты выставки. Документы из архива семьи Наумовых. Фото Анны Бибик.

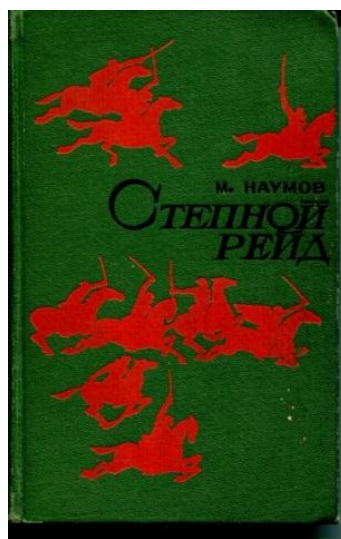
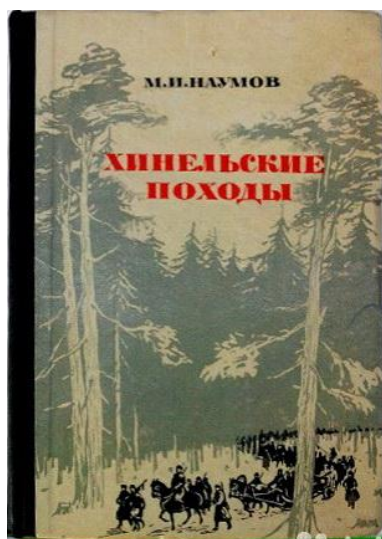

Выставка «Партизанские рейды генерала Наумова» Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 5 марта 2015 г.

Выставка «Партизанские рейды генерала Наумова» Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 5 марта 2015 г.

Литературное наследие М.И. Наумова. Образцы некоторых изданий книг

С книгами М.И. Наумова можно ознакомиться на сайте «Военная литература», militera.lib.ru:

Кн. Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений 1941-1944. — М.: Центрполиграф, 2010. Наумов Михаил Иванович. Дневник (7 сентября 1943 г. — 16 января 1944 г.). militera.lib.ru

Наумов М. И. Степной рейд. — Киев, 1961. militera.lib.ru

Наумов М. И. Западный рейд: Дневник партизанского командира ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА. militera.lib.ru

Памяти партизан М.И. Наумова

Слева: сборник *Жизнь генерала Наумова*. – К.: Альфа Реклама, 2015. – 452 с. – 445 ил. Составители: Г.М. Наумова, А.В. Бибик, В.М. Наумов. Дневники М. И. Наумова военных лет, материалы отчетов по итогам трех рейдов, выдержки из писем, дневников командиров и бойцов партизанского соединения и членов семьи Наумова, фотографии, документ. Автор предисловия – С.Д. Заборин.
http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/sb_zhizn-general-naumova.pdf

Справа: Кн. А. Мусихин. – *Партизанский батя*. – Пермь, 2015. (Книга издана по заказу Пермского краевого отделения МОФ «Российский фонд мира»).

Дмитрий Сергеевич Заборин, историк, директор Центра прикладной политологии, руководитель Союза поисковых отрядов Украины, координатор проекта «Электронная Книга Памяти Украины», автор сценария фильма «Коротко о большой войне. Фильм пятый. Партизанскими тропами» (Книга Памяти Украины).

Списки личного состава соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов Героя Советского Союза генерал-майора Михаила Наумова (3 561 человек) размещены Дмитрием Сергеевичем Забориным на сайте Книги Памяти Украины 1941 - 1945 гг. (электронная база данных) <http://www.memory-book.com.ua/>

240 фотографий партизан соединения М. Наумова из домашнего архива семьи Наумовых заботами Д.С. Заборина размещены в фотогалерее Книги Памяти Украины в альбоме «Партизанские портреты» <http://www.memory-book.com.ua/gallery/albums/22896>. Атрибуция фотографий и комментарии М.И. Наумова, Г.М. Наумовой.

СОДЕРЖАНИЕ

(условные названия разделов стенограммы)

Часть 1. Стенограмма	стр. 4 - 127
Автобиография. 1908 – 1930 гг.	стр. 4-7
Служба в Армии. Шостка. Гомель. 1932-1935 гг.....	7-8
Пограншкола. Киев. На границе. 1935–1941 гг.....	8-9
Война. От Сколе до Галича. Бой в Галиче. 26.06 – 2.07.1941 г.....	9-13
Из окружения. Бой в Бучаче. Июль 1941 г.....	13-16
По Галиции – до Збруча. Июль – август 1941 г.....	16-17
Идем по Украине. Полицай. Арест. Побег. Август 1941 г.....	18-23
Долгий путь по Украине. Август – октябрь 1941 г.....	23-28
В Шостке. Тщетные поиски подполья.....	28-30
В попытках перейти фронт. 6.11.41 – январь 1942 г.....	31-34
28.01.1942 г. В Червоном отряде. Первая операция партизана Наумова.....	34-35
Боевая операция в Пустогороде.....	35-36
На станции Эсмань. Штаб зоны Хинельских лесов.....	36-38
Хинель в осаде. Уходим в Брянские леса.....	38-40
У Сабурова. В Брянском лесу. Февраль – май 1942 г.....	40-42
Снова в Хинели. Май – октябрь 1942 г.....	42-44
В Брянских лесах. И снова в Хинели.....	45-50
Приказ: вернуться в Брянский лес.....	50-51
Ковпак и Сабуров собираются в Сталинский рейд.....	51-55
В Хинели. Копай-город. Подготовка к Степному рейду.....	55-60
Начало рейда. По Сумской области. 1.02.43 – 18.02.43.....	60-67
Идем на юг Украины.....	67-73
Итоги рейда. Беседа с Д.С. Коротченко. Апрель 1943 г.....	73-75
В Москве. В Воронежской ставке Ватутина 8 июня 1943 г.....	75-77
Идем туда, где кони бегают. Июль 1943 г.....	77-79
Начало Киевско-Житомирского рейда.....	79-80
Рейд. Армянский отряд.....	80-87
Клавдиево, Бородянка... 21 сентября – 13 ноября 1943 г.....	88-91
Занятие райцентра Емильчино Житомирской области 13 ноября 1943 г.....	91-93
В Брониславке Людвипольского района. Декабрь 1943 г.....	94
Новый 1944 год в Городнице. Взятие Березно.....	95-96
Эпизод с польским отрядом Армии Краевой.....	96-98
Вперед на Запад. Выходим 26.01.44. Волынь. Львовщина, Польша.....	98-100
Итоги всех трех рейдов.....	100-108
Особенности Западного рейда. 26.01 – 1.04 1944 г.....	108-117
Боевой путь соединения. Расформированы.....	117- 120
О друзьях-товарищах.....	120-121
Несколько слов о себе.....	121-122
Характеристики некоторых партизан.....	123-127
Часть 2. Приложение. Фотографии, документы.....	129-195
Карта-схема рейдов соединения М.И. Наумова.....	129
Шифрограммы УШПД.....	133-136

Письмо Наумова начальнику УШПД Т. Строкачу 5.04.1943 г.	141-144
Схема Степного рейда.....	145
Памятники партизанам, погибшим в Степном рейде.....	149
Боевой листок 1-й роты Киевского отряда.....	150
Фрагмент газеты «Народный клич», листовка соединения.....	151-152
Приказ по гарнизону г. Эмильчино.....	153
Схема рейда по Киевской и Житомирской областям.....	154
Архів Літопису УПА. Звіт про дії червоних партизанів.....	159-161
Удостоверение ст. лейтенанта Гаврилюка А.Ф.....	164
Схема: действия партизан весной 1944 г. (Западный рейд).....	166
Партизаны за границей (1944 - 1945 гг.).....	168-173
После Победы	174-195
Постановения Комиссии по делам бывших партизан по книге М. Наумова «Західний рейд».....	186-187
Мы помним.....	189-195
Содержание.....	196-197